

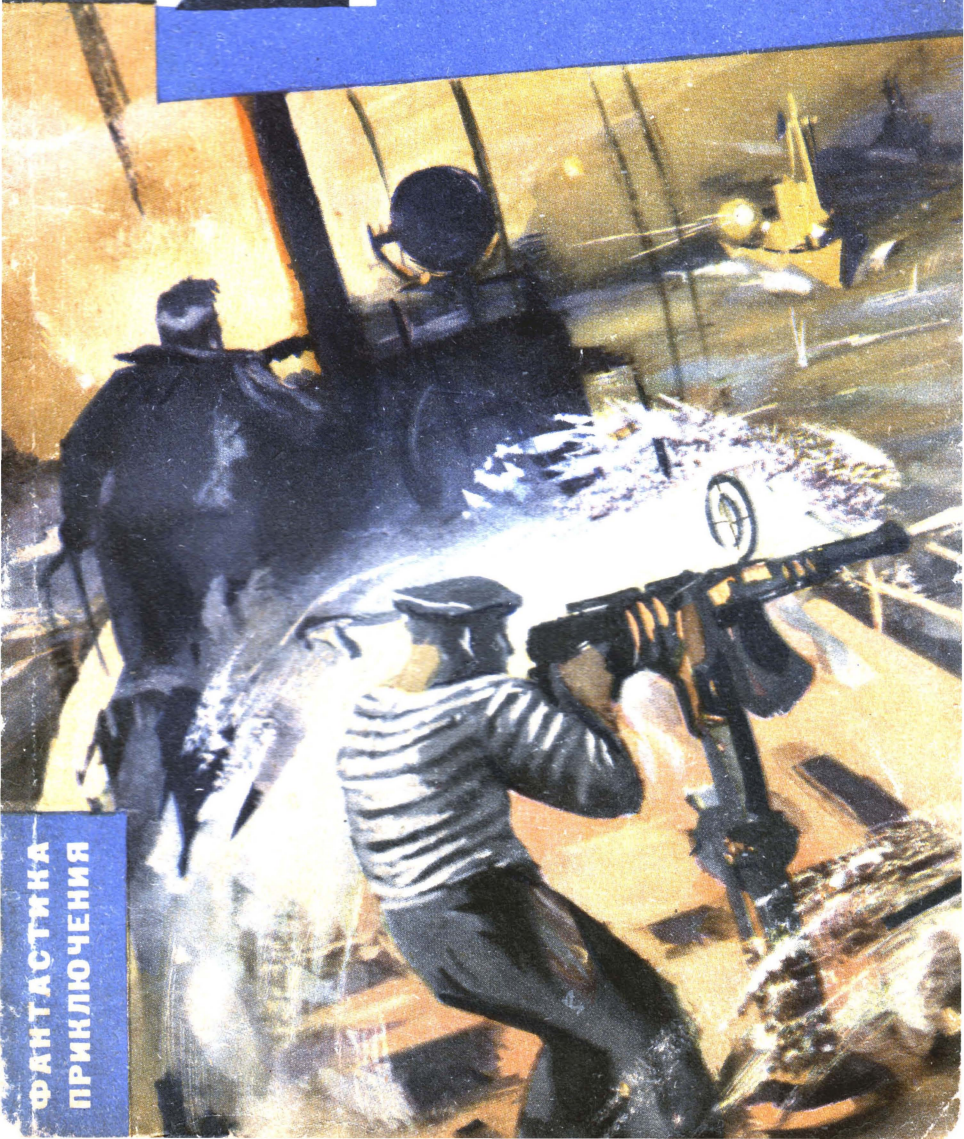
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

К ВЛКСМ ВОКРУГ СВЕТА

№4(10)
1962



СКАТЕЛЬ



ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ



ПУТЬ К ЗВЕЗДАМ ПРОКЛАДЫВАЮТ КОММУНИСТЫ

ДНЕВНИК КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

**С 11 ПО 18 АВГУСТА 1962 ГОДА НАРОДЫ
ВСЕГО МИРА ЖИЛИ ПО МОСКОВСКОМУ
ВРЕМЕНИ**

11 АВГУСТА

11 часов 30 минут. В Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-3». Корабль «Восток-3» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором товарищем Николаевым Андрияном Григорьевичем.

Целью полета является:

— получение дополнительных данных о влиянии условий космического полета на человеческий организм;

— исследование работоспособности человека в условиях невесомости;

— проведение человеком определенного объема научных наблюдений в условиях космического полета;

— дальнейшее совершенствование систем космических кораблей, средств связи, управления и приземления.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА

**СКАТЕЛЬ**

№ 4 (10) 1962



11 часов 45 минут. Майор Николаев сообщает: «Чувствую себя хорошо, на борту все нормально. В иллюминаторе хорошо видна Земля».

В начале четвертого витка состоялась очередная телевизионная передача с борта космического корабля. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев разговаривает по радиотелефону с космонавтом Николаевым и наблюдает по телевидению за его работой. Никита Сергеевич говорит космонавту:

«Очень рад, что у вас самочувствие хорошее, рад, что вся аппаратура работает безотказно. Приветствую вас и горжусь



тем, что вы проявили и проявляете мужество, совершая такой исторический полет!»

22 часа. «Восток-3» совершил более семи оборотов вокруг Земли, пройдя за это время расстояние около 300 тысяч километров. По докладам космонавта и данным телеметрических измерений, условия в кабине корабля в течение всего времени были нормальными.

12 АВГУСТА

11 часов 02 минуты. В Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-4». Ко-

рабль «Восток-4» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом подполковником товарищем Поповичем Павлом Романовичем.

В космическом пространстве в полете находятся одновременно два советских космических корабля «Восток-3» и «Восток-4».

Целями выведения на близкие орбиты двух космических кораблей является получение опытных данных о возможности установления непосредственной связи между двумя кораблями, координированные действия летчиков-космонавтов, проверка влияния одинаковых условий космического полета на человеческий организм.

12 часов 30 минут. Докладывают космонавты: «В соответствии с заданием идем на совместный групповой полет на близком расстоянии. Между кораблями установлена надежная связь. Системы кораблей работают отлично».

14 часов. Космонавт майор Николаев сообщил, что, управляя своим кораблем в соответствии с заданием, он наблюдал в иллюминатор полет корабля-спутника «Восток-4».

15 часов 45 минут. Состоялась беседа Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева с летчиком-космонавтом подполковником Поповичем Павлом Романовичем:

«Слышу вас хорошо! Горячо приветствую вас, Павел Романович, поздравляю с замечательным героическим подвигом. Еще раз приветствую и вашего, как мы привыкли говорить, космического брата — товарища Николаева».

22 часа. Корабли-спутники «Восток-3» и «Восток-4», находясь в групповом полете, облетели вокруг Земли более 8 раз.

13 АВГУСТА

Групповой космический полет продолжается. Утренние часы космонавтов посвящены научным наблюдениям.

16 часов. На 19-м витке с борта корабля «Восток-4» проводится очередной сеанс телевизионной передачи и на 36-м витке — с борта корабля «Восток-3». Передачи транслируются Центральным телевидением и Интервидением. Весь мир затаив дыхание следит за групповым полетом советских космонавтов.

19 часов. Корабль «Восток-3» пролетел более полутора миллионов километров, что в четыре раза превышает расстояние от Земли до Луны.

Советские космонавты Николаев и Попович передали радиogramму: «Советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим. Дорогие товарищи! Искренне благодарны вам за создание замечательных космических кораблей и отличную подготовку нас к полету. Желаем вам дальнейших успехов в труде на благо нашей любимой Родины».

14 АВГУСТА

8 часов. Космонавты находятся над Южным полушарием. Они продолжают вести научные наблюдения в соответствии с намеченной программой. Результаты наблюдений космо-

навты регистрируют в бортовых журналах, записывают на бортовые магнитофоны, а также регулярно сообщают на Землю. Товарищ Николаев наблюдал Луну и произвел ее киносъемку.

13 часов 04 минуты. Космонавты в совместной радиограмме доложили советскому народу, Центральному Комитету КПСС, правительству СССР и лично Н. С. Хрущеву об успешном завершении третьих суток космического полета, поблагодарили за отеческую заботу и заверили, что намеченная программа полета будет выполнена полностью.

21 час. Корабль-спутник «Восток-3» находится в космическом полете уже более 81 часа. Путь, пройденный им за это время, составляет около 2 миллионов 300 тысяч километров. Корабль-спутник «Восток-4» за 58 часов преодолел расстояние свыше 1 миллиона 600 тысяч километров. Все агрегаты и системы кораблей-спутников работают безотказно.

15 АВГУСТА

9 часов 55 минут. Космонавт Андриян Григорьевич Николаев вновь ступил на родную землю.

10 часов 01 минута. Так же благополучно приземлился космонавт Павел Романович Попович.

Корабли приземлились в соответствии с программой полета в заданном районе, южнее города Караганды, в непосредственной близости от расчетных точек посадки. Самочувствие обоих космонавтов хорошее. Программа полета выполнена полностью.

Через несколько часов после приземления состоялся разговор по телефону Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева с космонавтами.

13 часов 15 минут. Все радиостанции Советского Союза передали Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству.

«Советское государство последовательно и настойчиво борется за прочный мир во всем мире. С мирными целями совершены и новые полеты советских космических кораблей.

...Советское правительство снова обращается ко всем правительствам и народам с призывом еще настойчивее бороться за избавление человечества от угрозы термоядерной войны, за нерушимый мир на земле. Советские люди уверены в том, что своей упорной борьбой народы отстают дело мира», — говорится в Обращении.

В этот же день ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно и горячо приветствуют и поздравляют космонавтов Николаева и Поповича, ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, коллективы и организации, всех, кто участвовал в создании новых космических кораблей-спутников «Восток-3» и «Восток-4», в подготовке и успешном осуществлении группового космического полета.

«Созданием могучих космических кораблей-спутников «Восток-3» и «Восток-4», многодневным групповым полетом на этих кораблях, осуществленным летчиками-космонавтами А. Г. Николаевым и П. Р. Поповичем, внесен новый выдающийся вклад в осуществление выдвинутой XXII съездом КПСС исторической задачи нашей советской науки — занять передовые позиции в мире по всем основным направлениям науки и техники», — говорится в этом приветствии.

16-17 АВГУСТА

Герои-космонавты готовятся к докладу Государственной комиссии, встречаются с журналистами, фоторепортерами, кинооператорами.

18 АВГУСТА

13 часов 40 минут. На Внуковском аэродроме приземляется самолет с героями космоса. Их встречают руководители партии и правительства, родственники, москвичи. Андриян Николаев и Павел Попович рапортуют Никите Сергеевичу Хрущеву об успешном завершении полета.

15 часов 10 минут. На Красной площади начинается торжественный митинг трудящихся Москвы. На трибуне Мавзолея — руководители партии и правительства, герои-космонавты и гости — представители братских партий. После выступлений космонавтов Николаева и Поповича большую речь произносит Никита Сергеевич Хрущев. Н. С. Хрущев говорит о том, что чествование героев-космонавтов стало замечательной традицией трудящихся Москвы, радостным праздником нашего народа, передовых людей всего мира.

«Советские люди гордятся тем, что пионером в освоении космоса явилась наша социалистическая страна. И разве не является глубоко символичным и закономерным то, что мы отмечаем этот праздник побед в освоении космоса именно здесь, на Красной площади, где советские люди ежегодно празднуют рождение первого в мире социалистического государства, основателем которого был великий Ленин.

...Рад сообщить, что за осуществление первого в мире многодневного группового полета в космос на кораблях-спутниках «Восток-3» и «Восток-4» Президиум Верховного Совета СССР присвоил Андрияну Григорьевичу Николаеву и Павлу Романовичу Поповичу звание Героев Советского Союза. От всего сердца поздравляю вас с высокой наградой. Вам, Андриян Григорьевич и Павел Романович, как прежде вашим братьям по космосу Юрию Гагарину и Герману Титову, присвоено почетное звание летчиков-космонавтов СССР».

Далее Никита Сергеевич говорит:

«Трудом и только трудом создает человек все прекрасное на Земле и в космосе. Трудом советского человека в нашей стране построен социализм. Творческим трудом миллионов советских людей возводится величественное здание коммунизма. Социализм и коммунизм — вот тот надежный космодром, с которого человечество штурмует и будет штурмовать просторы Вселенной».

ГЕРОИ МООНЗУНДА

Ю. ЧЕРНОВ,
капитан 3-го ранга

Рисунки П. Павлинова

На острове Сарема, в старом парке Курессарского замка, есть братская могила. В ней похоронены герои, оборонявшие в первые месяцы Великой Отечественной войны Моонзундский архипелаг: эстонцы, русские, украинцы, белорусы...

Моонзундский архипелаг лежит у выхода из Рижского залива в Балтику. Его наиболее крупные острова — Сарема (Эзель) и Хиума (Даго). В июле 1941 года советские части, находившиеся на островах, были отрезаны от Большой земли. Три с половиной месяца продолжалась оборона архипелага. Шесть недель длились ожесточенные бои на самих островах. Советский гарнизон, состоявший в основном из моряков-балтийцев и частей 3-й отдельной стрелковой бригады, в небывало тяжелых условиях вел неравную борьбу. Четыреста километров до линии фронта, четыреста километров до Большой земли. Эвакуировать в таких условиях удалось немногих...

Впервые о героях Моонзундского архипелага я услышал после войны в небольшом прибалтийском городке. Местные жители рассказывали о том, что наш катер победил в бою с целым отрядом фашистских кораблей, о последнем защитнике полуострова Тахкуна — моряке, который бросился с верхней площадки маяка, чтобы не попасть в руки врагов... В то время я воспринимал эти рассказы как легенды, сложенные народом о героях войны, и только через несколько лет, когда стал заниматься военной историей, узнал, что многие из них достоверны.

Мне и раньше приходилось бывать на островах, но впервые для сбора материалов о защитниках архипелага я специально поехал туда в 1956 году.

Путешествие оказалось удачным.

С тех пор так и повелось: письма, поездки, встречи. Мне удалось разыскать многих участников боев, узнать о судьбах некоторых погибших героев.

Каждый год часть своего отпуска я провожу на островах, и передо мной все ярче вырисовывается подвиг балтийцев, совершенный в первые месяцы войны. И хотя ход боев на Моонзунде восстановлен далеко не полностью, я уже не могу не писать о героях островного гарнизона.

Нельзя, чтобы они «пропали без вести»! Пусть хоть через много лет о ратном подвиге героев Моонзунда узнают те, кто будет жить при коммунизме.

ЕГО ЗВАЛИ КАПИТАН СТЕБЕЛЬ



Много дней над Саремой — самым большим островом архипелага — перекатывался грохот орудийных залпов. Снова и снова гитлеровцы, уже захватившие Латвийское побережье, безуспешно пытались высадиться на остров.

Снова и снова фашистские транспорты пытались проваться через Ирбенский пролив — мимо южного побережья острова — в Ригу. На корабли врагов обрушива-

лись снаряды береговых батарей, бомбы самолетов и торпеды катеров, которые базировались на острове.

В тяжелых боях героизм выковывался как норма поведения. Героями обороны стали и артиллеристы башенной батареи № 315, которой командовал капитан Стебель.

«...С передового наблюдательного поста краснофлотцы Косов и Огольцов донесли о замеченных транспортах. Лейтенант Андрей Ш. по переговорным трубам сообщает обстановку личному составу, ставит задачи. Старший сержант Афанасьев внимательно следит за работой механизмов. Орудия подняли длинные стволы из укрытия...»

Так сообщал корреспондент газеты «Красный Балтийский флот» о первом боевом дне на батарее № 315. Лейтенант Андрей Шаповалов — это он упоминается в корреспонденции — был тогда командиром второй башни и хорошо помнит 12 июля 1941 года, день боевого крещения батареи.

«Мы стреляли долго, — писал он. — Стволы орудий накалились до того, что вспыхивала поднесенная к ним спичка. К концу стрельбы на правом орудии отказало продувание. Несколько последних залпов сделали без продувания стволов. Башня наполнилась пороховыми газами. Жара в блоке достигала пятидесяти градусов...»

В тот день комбинированным ударом в Ирбенском проливе было уничтожено несколько фашистских транспортов.

Над батареей завывали бомбардировщики с черными крестами. От разрывов вздрагивала земля. День, другой, третий... Фашистам казалось, что теперь уж 315-я наверняка замолчит. Но как только на горизонте появлялся вражеский транспорт, навстречу ему летели снаряды батареи капитана Стебеля... Балтийцы отлично замаскировались. В одном месте они установили деревянные орудия, и фашистская авиация усиленно бомбила эти ложные позиции.

Батарея занимала позицию на длинном, около тридцати километров, полуострове Сырве, соединяющемся с островом Сарема довольно узким и коротким перешейком. Когда стволы орудий смотрели на юг, в сторону Ирбенского пролива, этот перешеек и омывающая его бухта Лыу находились в тылу батареи.

Прошло два месяца со дня боевого крещения 315-й, когда 13 сентября к бухте Лыу приблизились фашистские корабли. Они сопровождали транспорты с солдатами.

Было ясно, что гитлеровцы стремятся отрезать батарею от остальных советских войск на острове. И опять — в который раз — в небо взметнулись «ястребки», ринулись в бой торпедные катера, ударили по врагу артиллеристы капитана Стебеля. Три вражеских транспорта пошли на дно. Однако фашистам удалось высадить десант на другом участке — на восточном побережье острова.

Несколько дней шли кровопролитные неравные бои. У гитлеровцев было огромное преимущество в артиллерии, минометах, автоматическом оружии и авиации. Когда стало ясно, что вражеский десант задержать невозможно, командование решило с боями отходить на удобный для обороны полуостров Сырве.

22 сентября фашисты достигли наших оборонительных рубежей близ бухты Лью. Теперь 315-я развернула свои орудия — артиллеристы стали бить по врагу на суше, помогая своим обороняться. Две недели шли бои на полуострове. Потери фашистов были огромными. Позднее командир коммандантской роты А. Борисов писал: «Не ошибусь, если скажу, что мы могли так долго продержаться на Сырве только благодаря батарее капитана Стебеля».

...В Центральном военно-морском архиве хранится наградной лист на имя капитана Александра Стебеля. Но награда не вручена — на листе написано: «Пропал без вести».

Узнать о дальнейшей судьбе капитана Стебеля удалось по рассказам тех, кто побывал в фашистском плену.

Бывший артиллерист А. И. Быков сообщил, что фашисты, захватив остров, настойчиво разыскивали среди пленных командира 315-й батареи. Перед одним из расстрелов его опознали и вывели из строя. Стебель подошел к яме, но гитлеровский офицер отрицательно покачал головой.

Александра Моисеевича увели. Вернувшись, он рассказал, что ему предлагали разминировать и восстановить 315-ю батарею. Стебель отказался. «Пусть немцы попробуют перекачать Балтийское море», — сказал он. Эти слова капитана, как выяснилось позже, — не просто сильное выражение. Батарея была затоплена, и когда в 1944 году, после освобождения Моонзунда, попробовали откачать воду из ее подземных помещений, это не удавалось. Работали мощные насосы, а уровень воды почти не менялся. В затопленные казематы спустили водолаза. С большим трудом он нашел несколько отверстий, соединявших казематы с морем...

Фашисты не раз предлагали Стебелю перейти к ним. Обещали новую батарею, высокие чины... После одной из таких «бесед» его привели избитого, окровавленного...

Теперь известно, что в конце 1941 года готовился массовый побег советских военнопленных из концлагеря Валка. Вот как рассказывает об этом бывший сержант 39-го артиллерийского полка Н. М. Зорин: «Говорили, что руководить будет капитан Стебель. Мы хотели уйти в лес партизанить. Ждали сигнала, но лагерь окружили войска, и обер-полицай крикнул:

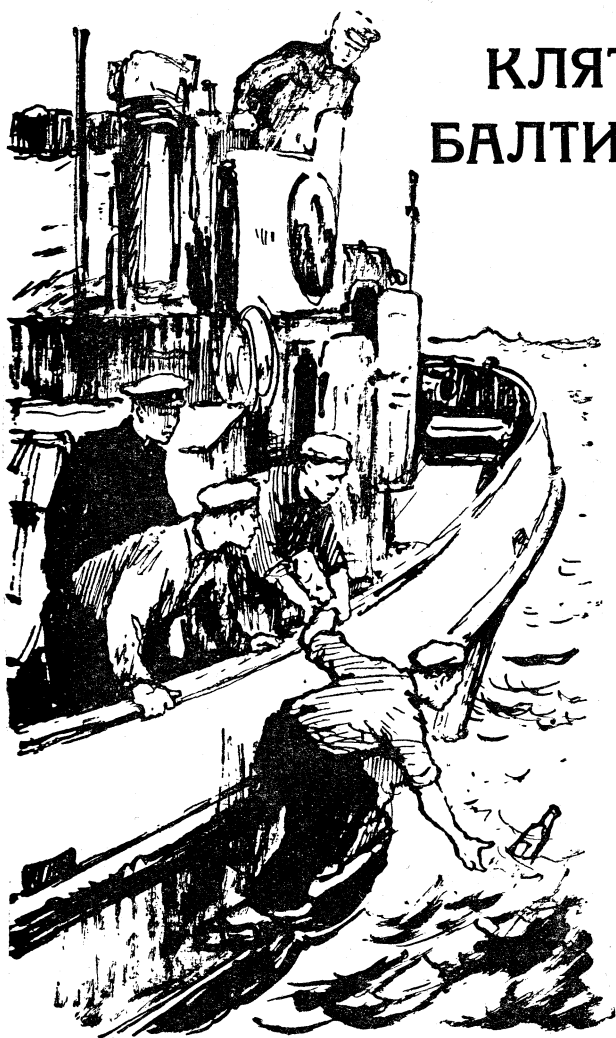
— А ну, кто хочет свободы — выходи!»

Стебель стал готовиться к новому побегу, но фашисты об этом, видимо, узнали. Жестоко избитый капитан был брошен в карцер. Затем начались его скитания по фашистским тюрьмам Прибалтики.

Где оборвалась жизнь отважного балтийца? Товарищи, находившиеся вместе с ним, называют различные места — Ригу, Саласпилс, Валмиеру...

Двадцать лет прошло с тех пор, но популярность командира 315-й на Балтике настолько велика, что и сейчас о нем помнят многие. В письмах, которые я получаю, его имя упоминается очень часто. Но точных сведений о гибели капитана Стебеля получить пока не удалось.

КЛЯТВА БАЛТИЙЦЕВ



Поздней осенью 1941 года моряки сторожевого катера с Ханко выловили недалеко от берега закупоренную бутылку. В ней лежала клятва защитников острова Хиума (Даго). Герои писали: «Товарищи краснофлотцы! Мы, моряки Балтийского флота, находящиеся на острове

Даго, в этот грозный час клянемся нашему правительству и партии, что мы лучше погибнем до одного, чем сдадим наш остров. Мы докажем всему миру, что советские моряки умеют умирать с честью, выполнив свой долг перед Родиной.

Прощайте, товарищи! Мстите фашистским извергам за нашу смерть. По поручению подписали Курочкин, Орлов, Конкин, Полуостров Тахкуна».

Почти двадцать лет не удавалось узнать, при каких обстоятельствах написана эта клятва, в каких частях — в инженерном батальоне, на береговых батареях или на катерах служили подписавшие ее герои.

После того как в одной из газет был опубликован мой очерк о героях Моонзундского архипелага, мне удалось разыскать участника боев на острове Николая Прохоровича Кузьмина. Сейчас он работает в Ленинграде, на прядильно-ниточном комбинате «Красная нить», а в те тяжелые дни служил на Хиуме в береговой батарее капитана Алексея Никифорова.

Артиллеристы громили врага на море. А когда фашисты высадились на Даго, береговая батарея перенесла огонь на вражеский десант.

Батарея капитана Никифорова прикрывала эвакуацию наших частей с острова. Потом снаряды кончились. Командир приказал взорвать орудия. Тогда на батарее и состоялось последнее комсомольское собрание. Оно проходило в землянке. Обсуждался один вопрос: «Положение на острове». Председателем был один из комсомольских активистов, Курочкин.

— Все мы сегодня комсомольцы, — ответил он Кузьмину, когда тот напомнил, что еще не принят в ряды комсомола.

Решение комсомольского собрания было коротко и ясно: драться до последнего. На куске старой карты написали клятву. Это письмо Курочкин положил в бутылку, запечатал ее и бросил в море.

Трагическими были последние дни борьбы за остров. Спасение могло прийти только с моря. Но враг отрезал часть батарейцев от побережья. В этой группе оказались Курочкин, Антонов, Орлов, Питерский, Веркин, Аполлонов, Кузьмин и еще несколько человек.

Решили прорываться к морю. Пулеметчик Антонов прикрывал прорыв на опушке леса. С криком «ура» балтийцы поднялись в атаку. Фашисты открыли по ним ураганный минометный огонь. Кузьмин помнит, как бросился вперед, но его швырнуло на землю и он потерял сознание. Очнувшись раненый моряк уже в плену. Вместе с ним были Аполлонов и Питерский. И они ничего не знали о судьбе остальных героев. Видимо, те погибли во время атаки. Случилось это 21—22 октября 1941 года.

Обо всем этом мне написал Кузьмин. И приблизительно в те же дни, когда я получил от него письмо, произошла

моя встреча с Марией Ивановной Лоховой, работницей одной из московских фабрик. Брат Марии Ивановны пропал без вести на острове Хиума в 1941 году. Его звали Григорием Ивановичем Орловым.

Мария Ивановна волнуется, показывая мне письма и фотографии брата. И я волнуюсь не меньше...

У Григория простое русское лицо, крепкая фигура. На ленте бескозырки слова «Краснознаменный Балтийский флот», на груди значок ГТО. Неужели тот самый Орлов, подписавший клятву?

Но на этот вопрос может ответить лишь один Кузьмин, а он живет в Ленинграде...

Записываю данные, которые мне сообщает Мария Ивановна.

Григорий родился в тот памятный год, когда в стране победила Великая Октябрьская революция. И отец и дед его всю жизнь обрабатывали небольшой клочок земли в 40 верстах от Рязани. Трудились от зари до заката, но едва сводили концы с концами.

По-другому сложилась жизнь Григория, ровесника Октября. Он учился в сельской школе, потом окончил школу механизаторов, стал трактористом.

Подошло время призыва в армию. На медицинской комиссии, проверив здоровье, определили: «Годен во флот».

Орлов попал на один из балтийских эскадренных миноносцев. Затем его перевели на батарею береговой обороны.

Когда Орлов прибыл на Хиуму, артиллеристы заканчивали установку орудий.

Через несколько дней началась война...

В октябре 1941 года, когда бои шли на острове, Григорий переслал родным записку. Писал, что они воюют в окружении, но живыми в руки врагов не дадутся.

Записку он послал с кем-то из товарищей, отправленных вместе с другими ранеными на Большую землю. Это была последняя весточка от балтийского артиллериста Г. И. Орлова.

...Я с нетерпением ждал письма от Н. П. Кузьмина, которому отгравил фотографию Орлова. Тем временем пришел ответ из Центрального военно-морского архива, подтверждавший, что Григорий Иванович Орлов служил на Хиуме. А потом откликнулся и Кузьмин — он узнал на снимке своего боевого товарища.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЩИТНИК ТАХКУНЫ



С острова Хиума в районе маяка Тахкуны эвакуировались последние защитники.

...К ночи ветер стих. В разрывах облаков появились первые звезды. А раненые, собравшиеся на берегу в ожидании катеров, мечтали о затяжном дожде, сплошной облачности, тумане: в плохую погоду легче укрыться на переходе от вражеской авиации.

К рассвету пришли катера. Пока из сараев и домов санитары переносили в них раненых, с юга к маяку подошла группа краснофлотцев, вооруженных двумя пулеметами и ручными гранатами. Было их восемь человек. Старший, скуластый, в плащ-палатке, доложил военврачу 3-го ранга, руководившему эвакуацией, что две роты вражеских автоматчиков болотом обошли заслон балтийцев и, очевидно, скоро атакуют маяк.

— Мы будем прикрывать эвакуацию, — сказал скуластый.

Он внимательно осмотрел два дзота и небольшой окоп на холме. Перед окопами торчали кольца для проволочных заграждений, но проволоки не было — ее или не хватило, или саперы, переброшенные на новый участок обороны, не успели поставить...

Краснофлотцы стали готовиться к встрече врага...

Часов около семи, когда погрузка еще не была закончена, на дороге у леса показались гитлеровцы. Видимо, они не рассчитывали встретить сопротивление и шли строем, по-походному.

По врагу ударили из орудий катера. Вражеская колонна рассыпалась.

Несколько драгоценных минут было выиграно.

А в дзотах моряки, прикрывавшие эвакуацию, внимательно смотрели на пустынную теперь дорогу от леса к маяку. Они понимали, что гитлеровцы готовятся к атаке.

Ударили фашистские минометы. Клубы известковой пыли поднялись над дорогой. Гитлеровцы пошли в атаку и вновь были отброшены огнем из дзотов.

В одном из них заняли оборону двое: пулеметчик — парень из Казахстана и моряк — русский.

Опять шквальный огонь минометов обрушился на балтийцев. Стрелка отбросило к двери. Когда он пришел в себя, дзот был наполнен пороховой гарью, а пулеметчик, вытянувшись, лежал на полу. По лицу его стекала струйка крови. «Убит», — понял моряк и, наклонившись к товарищу, прикрыл его лицо бескозыркой.

Моряк выглянул в амбразуру — фашистские автоматчики отошли, но на месте второго дзота торчали обломки бревен, клубилась пыль...

Гитлеровцы пошли в третью атаку. Моряк стрелял по наступающим из винтовки до последнего патрона, потом выскочил из полуразрушенного дзота, но тут же близкий разрыв чуть не сбил его с ног. Осколком ожгло левую руку у локтя. Правой рукой он зажал рану и побежал к постройкам. Перед глазами мелькнула раскрытая дверь маяка. Моряк вбежал, захлопнул за собой массивную металлическую дверь, задвинул засов.

У него еще была одна граната. «Может быть, не заметили? Пробуду здесь до темноты, а потом уйду в лес. Там, наверно, еще остались наши».

Но капли крови на белых плитах дорожки вели прямо к маяку, и враги увидели их. Несколько солдат уже барабанили в закрытую дверь.

Все выше и выше поднимался моряк по винтовой чугунной лестнице. Еще один виток, еще... Подкашивались ноги, кружилась голова. Казалось, тяжелая маячная башня с каждым поворотом лестницы раскачивается все сильнее. Прислонившись к перилам, полою бушлата он вытер вспотевшее лицо. А внизу бешено били в дверь.

Чем выше, тем круче и уже становился трап. В башне был полумрак. Свет проникал лишь через узкие продолговатые окна, похожие на бойницы. Вот и последние ступени, площадка. С нее — выход на балкон, что опоясывает башню. Ударом ноги моряк распахнул дверь и выглянул наружу. Внизу сквозь ажурный чугунный пол балкона были видны вражеские солдаты. Решение созрело мгновенно.

Внутри маяка — от самого верха до основания — в площадках было вырезано овальное отверстие для подъема грузов. Балтиец вставил в гранату запал. Раздался скрежет срываемой с петель двери, и на темную нижнюю площадку маяка ворвался дневной свет. Моряк подождал, пока на ней соберется побольше гитлеровцев, и бросил гранату вниз. Взрыв, необычайно громкий, словно в пустой трубе, оглушил его. По крикам и стонам снизу он понял: последняя граната не пропала зря. И все-таки по ступенькам громы-хали сапоги фашистов.

Балтиец выскочил на балкон.

Маяк стоял на каменистой косе. Внизу катила стальные воды Балтика. Виднелись катера, уходившие с острова на север. «Успели!»

В дверях показались фашисты:

— Рус, сдавайся!

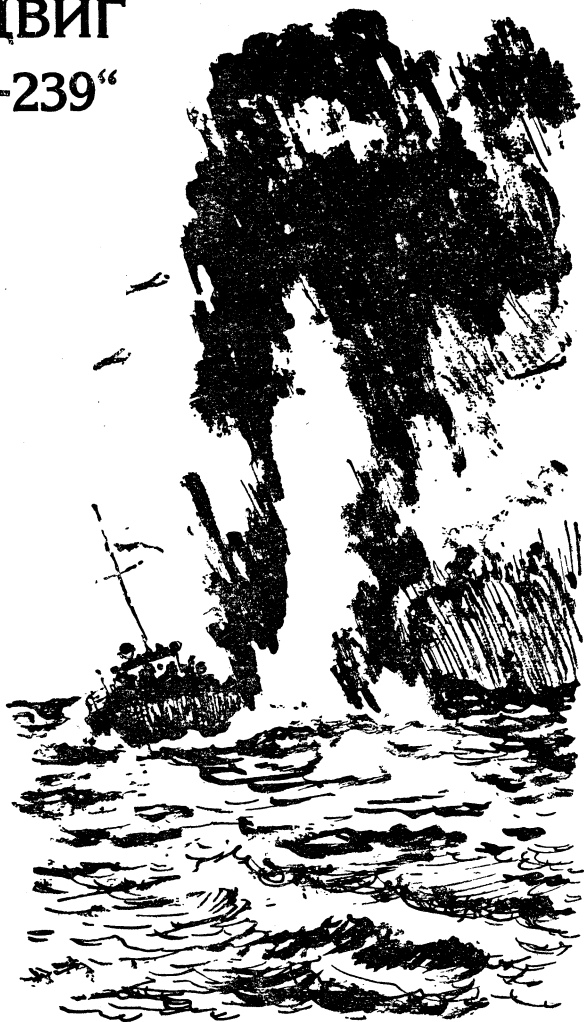
Но моряк не поднял руки — он перемахнул через чугунные перила балкона и бросился туда, где плескались волны. Герой погиб, разбившись о камни.

Имя героя установить пока не удалось.

Это произошло в дни эвакуации защитников Хиумы на полуостров Ханко. В эвакуации участвовал и дивизион «морских охотников», которым командовал капитан-лейтенант Г. И. Лежепекков. С наступлением темноты с полуострова Ханко катера друг за другом вышли в море. Замыкал кильватерный строй «МО-239». На нем находился командир звена старший лейтенант К. И. Шевченко.

Кругом стояла темень, лишь слабой звездочкой мерцал кильватерный огонь катера, идущего впереди. Начинался шторм. Волны все чаще и злее взлетали над катерами. Немало усилий должен был приложить даже опытный рулевой, чтобы вести корабль. «Только бы не потерять из виду кильватерный огонь», — думал он, всматриваясь в сгустившуюся темень. И случилось то, чего рулевой опасался: бесследно растаяла синяя точка, указывающая путь

ПОДВИГ „МО-239“



«МО-239». Позднее на катере узнали, что кильватерный огонь погас из-за шторма.

Так «МО-239» отстал от дивизиона. Своя база была пока рядом. Идти к острову Хиуме самостоятельно он не мог: сигналы для связи с берегом не были известны.

Раздосадованные, вернулись моряки на Ханко. Утром пришли тяжело груженные катера дивизиона. За ночь они

успели пройти к острову, снять с него часть защитников и вернуться обратно. «МО-239» получил задание самостоятельно идти днем на Хиуму за оставшимися людьми.

Остров Хиума открылся дымными столбами пожаров.

В северной его части продолжались бои: слышались взрывы, горели какие-то постройки на берегу. Только разве с катера различишь, где свои, а где фашисты?

Пирс Лехтма длинной стрелой выдавался в море. К нему шел фарватер, проложенный между камнями и мелями...

Уже можно было различить ящики на пирсе. По берегу бежали какие-то люди. Командир звена замахал им руками, указывая на голову пирса, куда направлялся катер...

Подходить было нелегко: крутая навальная волна могла разбить катер о пирс или повредить его. Зазвучал сигнал аврала. Краснофлотцы быстро заняли свои места.

Помощник командира катера младший лейтенант С. Гончарук руководил швартовкой. Уже тщательно подготовлены концы и кранцы, застыли краснофлотцы, готовые выпрыгнуть на пирс. До него остаются считанные метры...

И вдруг сильный толчок, взрыв. Младший лейтенант Гончарук оглянулся: над опустевшим мостиком расходилось плотное облако дыма. Потом он увидел политрука К. Погребинского. Пошатываясь, тот что-то кричал Гончаруку.

Моторы смолкли. Еще минута — и волны швырнут катер на пирс. Гончарук взбежал на мостик и рванул рукоятку телеграфа. Моторы послушно взревели.

Только теперь Гончарук заметил, что люди, бежавшие им навстречу по берегу, стреляют из автоматов. «Фашисты!»

Гончарук понял, что произошло во время взрыва. Мина попала в нактоуз главного компаса. Был убит командир катера лейтенант Терещенко и смертельно ранен командир звена Шевченко. Ранения получили несколько старшин и краснофлотцев.

Отстреливаясь, «МО-239» прорвался в море. Рулевой Паршин с наскоку забинтованной головой отлично вел «морской охотник».

Итак, бои на острове продолжались. Там еще оставалась часть гарнизона. Какое же решение должен был принять за командира Гончарук: идти к маяку Тахкуна и снимать защитников или, вернувшись на базу, донести обстановку в район Лехтмы и доставить в госпиталь раненых?

Во время обстрела вышла из строя рация. Правда, радист Путов обещал установить связь с базой, но когда еще это будет! Мысли Гончарука прервал голос сигнальщика:

— Прямо по курсу шесть катеров! Идут на нас.

Запросили позывные — ответа не последовало. Вскоре советские моряки определили, что к ним приближаются шесть вражеских катеров. Уйти поврежденный «МО-239» не мог.

Оставалось только одно — вступить в бой.

В это время радист сообщил:

— Есть связь с базой!

Гончарук приказал:

— Передайте: «Вступаю в бой с шестью вражескими

катерами. Имею убитых и раненых. Лехтма занята противником».

...«МО-239» стремительно сближался с противником — Гончарук решил прорезать середину вражеского строя.

— Поставить дымзавесу!

Молочный хвост, подхваченный ветром, пополз за «МО-239». Катерники сосредоточили огонь на фашистском флагмане. Кипела вода вокруг, в воздухе свистели пули и надсадно выли осколки. «Морской охотник» несколько раз встряхивало, но хода он не сбавлял.

Прорезав строй, катер стремительно разошелся с противником. Зная, что фашисты будут продолжать преследование, Гончарук положил его на обратный курс. Фашисты тоже повернули. Только теперь три их катера были скрыты за дымовой завесой и не могли вести огонь, рискуя попасть в своих. И опять на полном ходу «МО-239» полетел навстречу противнику. Младший лейтенант решил повторить удавшийся маневр: прорезать строй фашистов, отсечь дымовой завесой один катер и на нем сосредоточить огонь.

Это удалось: фашистский флагман был отрезан от остальных судов и метрах в ста от «МО» взлетел на воздух.

Прорезав свою дымовую завесу, «МО-239» снова устремился на противника. И еще один катер врага погрузился в воды Балтики. Третий от полученных повреждений потерял ход. На нем вспыхнул пожар. Не пытаясь продолжить бой, фашисты начали отходить.

...Между тем спускались сумерки. Наши самолеты, посланные с Ханко, не нашли «МО-239». Они заметили только четыре катера противника, отходивших к Даго...

После боя Гончарук осмотрел катер. Из трех моторов в строю остался один. Дважды на «морском охотнике» возникал пожар, но оба раза его быстро ликвидировали. Через многочисленные пробоины, наскоро заделанные пробками, поступала вода. Вышли из строя все компасы, был искоренен прожектор, едва держалась мачта.

Как вспоминает Семен Гончарук, переход к Ханко в таких условиях оказался, пожалуй, не легче самого боя. Темнело, маяки не горели. Гончарук, контуженный в бою, боялся налететь на камни где-нибудь у вражеского берега.

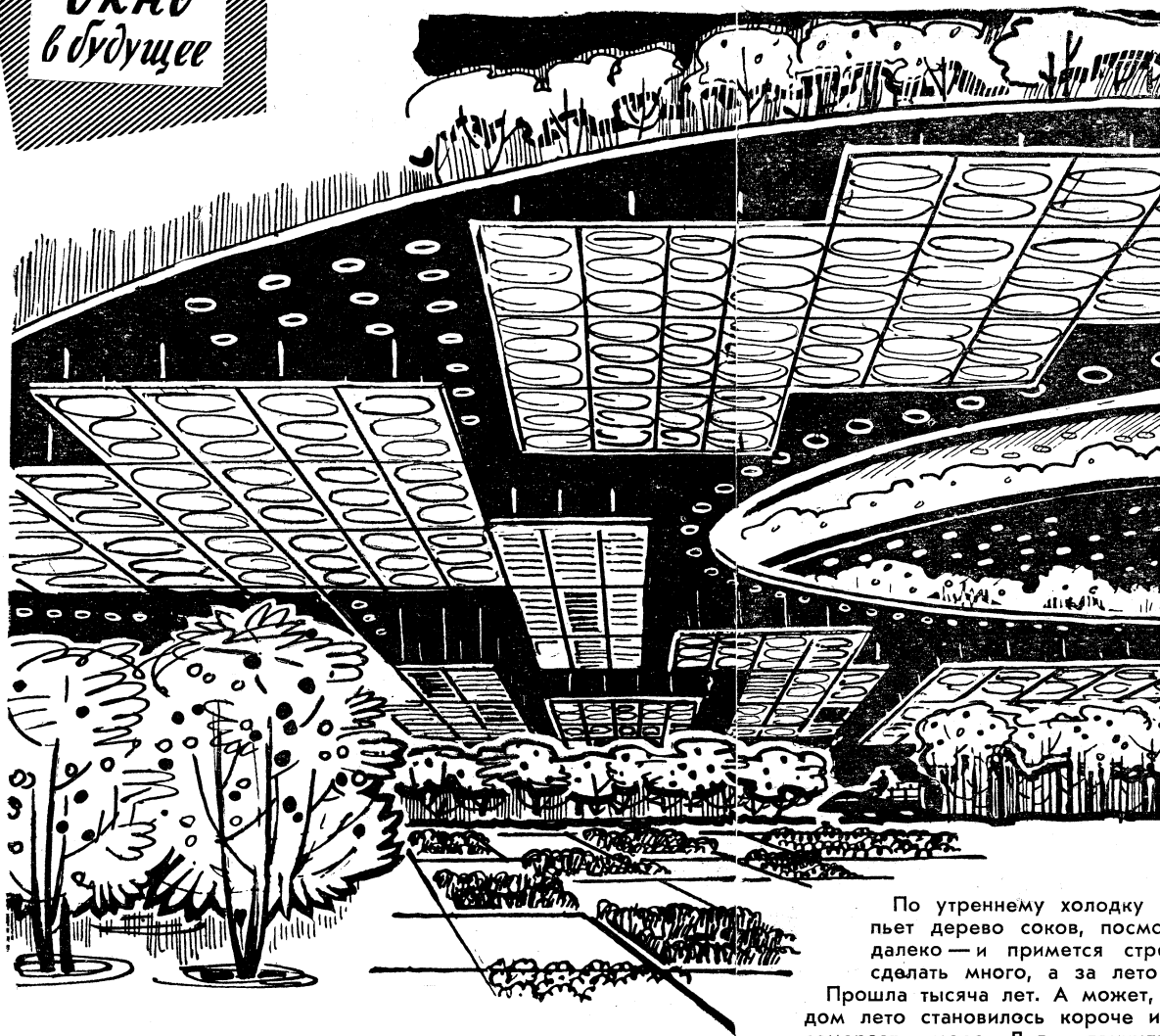
Но моряки и здесь победили. Мотористы, возглавляемые Смирновым и Кулагиным, ввели в строй сначала один двигатель, а потом и второй. Поврежденный катер, зарываясь на встречной волне, медленно направился на базу.

Ночью он вошел на рейд Ханко, донес о бое и о своих потерях и попросил оказать помощь. К пирсу «МО-239» подвели на буксире.

Здесь рассказано лишь о некоторых эпизодах героической обороны Моонзундского архипелага в 1941 году. Нет сомнения в том, что дальнейшие исследования и поиски позволят наиболее полно восстановить картину тех незабываемых дней.

„ВКЛЮЧИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СОЛНЦЕ!“

Окно
в будущее



СВЕТЛАНА ЧЕКРЫГИНА

Рисунок В. Логовского

В «страну вечного лета» я поехала в поезде, идущем... на север. На вагонах надписи: «Москва—Ленинград».

...Далеко не все знают, что в Ленинграде есть улица с чудным на первый взгляд названием — «Дорога в гражданку».

Когда кончается война, когда отслужит солдат свой срок, он говорит: «Все! Выхожу на гражданку».

Вот на этой улице, на дороге от войны к миру, и начинается «страна вечного лета». Какая она?

Может, там буллы растут прямо на грядках? А редиска размером со свеклу? Может, там уже вывели «римский огурец» ростом с дом, как в басне Крылова?

Все это, конечно, сказки, но первый человек из «страны вечного лета», с которым я познакомилась, в ответ на мои вопросы рассказывал истории, тоже очень похожие на сказки. Вот одна из них.

В некотором царстве, в некотором государстве росли самые разные деревья. Благоухала акация. Поднимались к небу тополя.

Солнце просыпалось рано, и вместе с ним просыпались все растения.

По утреннему холодку они принимались за дело. Попыет дерево соков, посмотрит в небо — до заката еще далеко — и примется строить ветки. За день успеет сделать много, а за лето — и давно.

Прошла тысяча лет. А может, и тысяча тысяч. С каждым годом лето становилось короче и холоднее. Все раньше начало замерзать море. Лды двинулись на берега, разножеевая круглые бока скал, проникая сквозь раны-трещины все дальше и дальше. Рухнули под их тяжестью деревья. Тяжелые тучи затянули небо.

Закрутились вихри холодных ветров. Закружились сорванные листья, семена...

Долго ли, коротко, но случилось так, что семена тополя и акации снова попали в теплую южную страну. Отспались. Проснулись. Потянулись. И вынырнули из-под жаркого одеяла земли. Проснулись вроде вовремя. Как всегда. А вокруг тьма крошечная. Ждали-ждали, пока выйдет солнышко. Пока дождалось, намаялись, устали. Чувствовали себя плохо и за день успели сделать много меньше, чем хотели.

Так и пошло изо дня в день. Тяжело приходилось растениям. С грустью вспоминали они о далекой стране, которую покинули. Каждую ночь во сне видели рыжее, лохматое солнце. Оно медленно брело по небу. Они мечтали о нем, как голодный мечтает о хлебе. Каждый вечер всеми порами своих листьев они требовали что-то.

Но язык растений не так уж прост. И ботаники той страны, куда попали скитальцы, не понимали его — ведь это был язык чужестранцев. А за то, что они медленно росли и рано теряли листья, прозвали их лентяями.

Но один из ботаников не мог успокоиться — он все раздумывал, почему эти растения ведут себя иначе, чем другие: может, тут дело вовсе и не в лени? «А в чем же?» — спросили у него. Он ответил:

„СПРОСИТЕ РАСТЕНИЯ“

Наверное, это был дельный совет, потому что ботаники разных стран решили им воспользоваться. Попытались узнать азбуку того языка, на котором говорят растения.

Первый мой рассказ будет о ботанике Турнуа из Парижа.

Каждое утро — не важно, было оно солнечным или пасмурным — Турнуа шел пешком через Аустерлицкий мост.

Войдя в Ботанический сад, он первым делом отправлялся к посевам декоративного японского хмеля и знакомой всем конопля. Уже много дней они не давали ему покоя.

— Вы ведете себя ужасно, — говорил он им. — Весна и лето были такие солнечные. А вид у вас далеко не цветущий, то есть буквально ни цветочка.

Турнуа долго стоял на месте, покачивая головой. Эти два растения поставили его в тупик. Посеянные весной, они росли быстро, но очень долго не начинали цвести. А те, которые он посеял осенью в теплице, расцветали очень скоро, хоть были и невысокого роста. В чем тут дело?

Однажды он заметил, что те растения, которые росли в затененном месте, расцвели раньше.

— Может быть, вы мало спите? — спросил своих подопечных Турнуа. — Попробую-ка я укладывать вас пораньше. — Он стал убирать их в темное помещение и укоротил им день до шести часов. И сразу хмель и конопля повели себя, как их братья и сестры зимой в теплице.

— Ага! Значит, встречаются среди вас такие, которым по душе короткий день, — вот что сказал Турнуа своим подопечным тогда, когда закончил свой опыт, и назвал их короткодневными.

Так было разгадано первое слово на языке растений.

Лет через десять после того, как Турнуа уговорил хмель и коноплю зацвести поскорее — а было это в 1912 году, — в Австрии доктор Клебс «колдовал» над молодылом. Эта многолетняя трава, которую в простонародье называют «заячьей капустой», никак не желала образовывать стебель и цвести зимой в теплице. Что только не делал Клебс с упрямым растением: и подкармливал, и оставлял без еды, и поил, и не давал ему пить, согревал и охлаждал, — а оно выпустит розетку из сочных листьев — и дальше ни с места!

И однажды вечером, когда угасли последние солнечные лучи, он включил над молодылом электрическое солнце.

Новый режим дня явно пришелся растению по душе. Через несколько дней образовался стебель, и вскоре молодило зацвело.

Клебс, довольный, потирал руки: загадка была решена.

Оказывается, для того чтобы расцвести, некоторым растениям нужны длинные дни, нужно побольше солнышка. Значит, есть растения длиннопольные.

Так было разгадано второе слово на языке растений.

Но надо сказать, что Турнуа и Клебс решили частные вопросы. При этом они сделали обобщения, основываясь на которых два американских ученых, Аллард и Гарнер, пошли дальше. Они искусственно продлевали и укорачивали дни. Они ставили подопытные растения на маленькие вагончики и закатывали их в небольшие темные домики. Солнце в этих домиках «всходило» и «закатывалось» тогда, когда это было нужно ученым.

Аллард и Гарнер узнали много любопытного. Рис оказался очень чувствительным к изменению дня. Сроки его зацветания менялись, даже если солнце просыпалось для него раньше или позже не только на минуту, но даже на секунду. А вот малина не обращала внимания на то, сколько светит солнце — семь часов или круглые сутки, — и зацветала всегда в одно и то же время.

Проделав множество опытов, Аллард и Гарнер разделили все растения на короткодневные, длиннопольные и нейтральные. К нейтральным были отнесены такие, которые вели себя, как малина.

Так был открыт фотопериодизм — реакция растений на суточные сочетания света и темноты. Оказывается, растения как бы привыкают к определенной длине дня и передают эту «привычку» из поколения в поколение.

Но чем же тогда объяснить, что южане — тополь и акация — лучше чувствуют себя на севере? Тут они и зацветают раньше и дольше не теряют листья. Этого не сумели объяснить ни Турнуа, ни Клебс, ни Аллард и Гарнер.

Загадку решил человек, написавший в своей автобиографии слова, которые обычно в автобиографиях не пишут. Вот она, эта автобиография.

«Родился 15(28) ноября 1904 года в Москве. В 1922 году окончил среднюю школу в Твери, а в 1927 — Ленинградскую лесотехническую академию.

Студентом второго курса поступил на работу во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, ныне Всесоюз-

ный институт растениеводства, где и проработал до эвакуации института из Ленинграда.

С 1926 года был ассистентом по дендрологии в отделе натурализации ВИРа.

В 1928 году мною было сделано наблюдение, которое определило мою дальнейшую исследовательскую работу. Изучая рост и поведение белой акации в условиях Москвы и Харькова, я обнаружил, что ежегодные приросты сеянцев и саженцев значительно больше под Москвой, чем на Украине. Это странное на первый взгляд явление заставило меня поставить в 1929 году первые опыты по фотопериодизму. И с тех пор и до сего времени я неизменно занимаюсь фотопериодизмом».

Дальше вехи: кандидат, доктор, работ столько-то, орден Ленина.

«...Мною было сделано наблюдение, которое определило мою дальнейшую исследовательскую работу».

И это наблюдение связано с акацией. Скупые строчки автобиографии похожи на сокращенную запись в блокноте. Только автор может расшифровать ее и рассказать

О ТАЙНЕ ТОПОЛЯ И АКАЦИИ

— Расскажите, пожалуйста, о тайне тополя и акации.

— Тополя?

Я сижу в кабинете на той улице, которая называется «Дорога в гражданку». На столах—колбы, штативы, реторты. На окне — два кустика мимозы. Кабинет как кабинет. Ничего необычного. И даже на дверях нет таблички с надписью: «Заведующий лабораторией светофизиологии доктор биологических наук Б. С. Мошков».

Хозяин кабинета Борис Сергеевич Мошков сидит напротив меня. Он высок, очень подвижен. Лицо гладкое, морщины только на лбу. И почти белые от седины, густые с крутыми завитками волосы. Он рассеянно чертит что-то в блокноте. Потом поднимает глаза и задумчиво спрашивает еще раз:

— Тополя? Давняя это история... Возвращался я из Сухуми в Ленинград с практики. Была поздняя осень. Трава была еще зеленая, а тополя уже облетели.

Приехали в Ленинград, смотрю, что такое? Тополя совсем зеленые. Удивился я: ведь тополь — южное растение. Почему же там, на юге, он уже растерял всю свою красу, а здесь нет? Почему? Попытался найти ответ на этот вопрос в книгах и не нашел. Но одна мысль, высказанная Тимирязевым, помогла мне выбрать правильное направление. Вот она.

«...более долгий период при менее значительной высоте солнца оказывается более полезным, чем период более короткий при более высоком стоянии солнца».

Мне оставалось проверить эту зависимость на опыте. Я посеял акацию и тополь под Харьковом и под Москвой. На севере они росли быстрее и раньше зацветали...

Кажется, есть основание прийти к выводу, что растениям полезнее длинный день. Но два опыта — это еще не доказательство. Борис Сергеевич ставит все новые и новые экспери-

менты с разными растениями. И вместо того чтобы прийти к ясности, он все больше и больше запутывается.

Почему?

Да потому, что разные растения вели себя по-разному: одни на длинном дне чувствовали себя лучше, раньше зацветали, раньше и больше давали плодов, другие — наоборот. Значит, одним полезен был длинный день, а другим — короткий, так ответили растения. Но на юге короткий день. Почему же тогда южане чувствуют себя на севере лучше, а северяне — на юге?

Может быть, многие растения появились на свет совсем в других широтах и в силу каких-то обстоятельств переселялись с места на место? А на новые места они приходили со старыми «привычками». Борис Сергеевич начинает изучать историю Земли, историю растений. И находит. Оказывается, то самое «некоторое царство», где росли тропические деревья, где благоухала акация, называется Норвегией. Тополь и акация привыкли к длинному дню. Попав на юг, они каждый вечер требовали: «Включите, пожалуйста, солнце!»

...О работах Алларда и Гарнера Борис Сергеевич узнал от своего учителя — директора Института физиологии растений Академии наук СССР Николая Александровича Максимова, когда тот вернулся из Америки.

Тогда же впервые было произнесено слово «фотопериодизм». Борис Сергеевич заинтересовался фотопериодической классификацией растений — ведь в опытах, которые он ставил, загадывая тайну тополя и акации, он столкнулся с теми же загадками, которые волновали его американских коллег. Борис Сергеевич не понимал только одного: что же это за нейтральные растения? Нейтральные — значит безразличные. Безразличные к тому, сколько времени их освещает солнышко. Но такого не может быть. Что-то тут не так! По-видимому, в рассуждение Алларда и Гарнера закралась ошибка.

Борис Сергеевич начинает с того, что повторяет опыты с теми же растениями, с которыми работали Аллард и Гарнер. Но его опыты строились на ином принципе.

Через некоторое время он приходит с результатами своих экспериментов к Максиму.

— Никаких нейтральных видов нет и никогда не было. Просто американцы танцевали не от той печки. Для них было важно, когда зацветают растения. А ведь важно, какой урожай они дают.

— Да, но малина-то?

— Вот именно, малина... Она действительно цветет на любых фотопериодах. Но урожай? На семичасовом дне растения — низкорослые, урожай маленький. На непрерывном освещении растения растут очень хорошо, а урожай по сравнению с урожаем на фотопериодах с пятнадцатичасовыми днями оказывается почти вдвое меньшим!

В классификацию, предложенную Гарнером и Аллардом, нужно было внести поправку: признать, что существуют только короткодневные и длиннодневные растения.

Проведенные опыты заставили Бориса Сергеевича продолжить спор с Аллардом и Гарнером. В результате была сделана

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Много лет назад Борис Сергеевич прочел у Тимирязева: «Едва ли какой процесс, совершающийся на поверхности земли, заслуживает в такой

степени всеобщего внимания, как тот, далеко еще не разгаданный процесс, который происходит в зеленом листе, когда на него падает луч солнца».

Что же происходит с растением днем? По-видимому, луч солнца, падая на растение, включает своего рода реле управляющего агрегата. Реле передает команду листьям и корням. Листья открывают устьица. Начинается обильное испарение влаги с поверхности листа — транспирация. Соки проходят по всему организму растения от корней к листьям. Корневая система создает нагнетающее давление, а испарение — сосущее усилие.

Скорость движения восходящего тока регулируется открытием и закрытием устьиц листьев, через которые вода испаряется в атмосферу. У большинства растений на свету устьица открываются.

Под действием солнечного света вода и растворенные в ней минеральные соли передвигаются по живому телу растения. Растение — это своеобразный аккумулятор солнечной энергии. Под ее воздействием хлорофилловые зерна зеленого листа превращают простые неорганические вещества в сложные органические — крахмал и сахар. Солнечные лучи как бы консервируются растением — при их помощи оно строит стебель, формирует листья, раскрывает бутоны, осуществляя сложные реакции фотосинтеза.

Но вот наступает темнота. Что происходит с растением? Может, в нем замирает жизнь?

Ночью прекращаются процессы фотосинтеза. Но начинаются химические процессы, которые осуществляются за счет внутренней энергии самих растений. Может быть, происходит регенерация, восстановление жизнеспособности клеток, выполняющих роль системы связи и управления работой растения. Но никто пока еще не изучил до конца, каковы эти процессы.

То, что они идут, и то, что без них растение не может существовать, доказано на опытах.

Что же важнее для растения: ночь или день? Борис Сергеевич начал новую серию опытов. И тут случилось так, что растения загадали ему еще одну загадку. А началось это вот с чего. Есть целый ряд растений, которым нужно 12 часов света и 12 часов темноты. На таком режиме короткодневные цветут, а длиннодневные — нет. Им не хватает света. Это не противоречит законам фотопериодизма, потому что фотопериодическая реакция растений зависит от длины дня.

А что, если выключать и включать свет произвольно? Что скажут на это растения? Такой вопрос и поставил перед ними Борис Сергеевич. И вот над растениями через каждый час вспыхивает и гаснет солнце.

Растения по-прежнему получают в сумме по 12 часов света и темноты. Но ведут они себя в этой обстановке, как говорят, «совсем наоборот»: короткодневные не цветут, а длиннодневные цветут.

Борис Сергеевич ставит и ставит опыты. Реакция одна и та же. В чем же дело?

И Мошков приходит к такому правильному выводу: основной фактор, определяющий фотопериодическую реакцию растения, — это не свет и не темнота, взятые отдельно. В жизни растений основную роль играет определенное чередование светлых и темных частей суток.

В связи с этим и была сделана переоценка ценностей.

Суточный ритм света и темноты Борис Сергеевич назвал актиноритмом, а само явление — актиноритмизмом. Жизнь растений зависит не только от света, но и от темноты. А фотопериодизм переводится, как светопериодизм. Кроме того, сочетание слов также было неудачно — ведь период может быть каким угодно длинным, а для растений ночь, например, не могла быть меньше определенного времени. В связи с этим пришлось внести поправку в классификацию. Борис Сергеевич Мошков разделил все растения на никтофильные — любящие темноту и никтофобные — не любящие темноту.

Теперь он мог с достаточным основанием сказать, что в классификацию растений была внесена ясность.

Проводя свои опыты, Борис Сергеевич заметил, что урожайность растений зависит от того, сколько света оно получает.

Все опыты, связанные с открытием актиноритмизма, Борис Сергеевич проводил в закрытом грунте и под электрическим солнцем.

Скептики утверждали, что на искусственном освещении выращивать растения нельзя. Ближняя инфракрасная радиация погубит растения обилием тепла.

Но в лаборатории светофизиологии Ленинградского института агрофизики нашли управу и на инфракрасную радиацию. Блок с лампами опустили, чтобы они не перегревали растения, в стеклянный сосуд с проточной водой. Вода уносила вредное тепло, и сквозь составленный из блоков прозрачный потолок на растения лился яркий, но не горячий свет.

Эти опыты натолкнули Бориса Сергеевича на интересную мысль, которая в конце концов привела к тому, что в лаборатории был создан новый, необычайно продуктивный метод выращивания растений. Большую часть времени растение живет в неблагоприятных условиях. Конечно, солнце и дождь — это источники жизни. Но случается иногда и так, что они становятся источниками смерти, потому что пока не повинуются нам и часто не знают меры. А сорняки? А вредители растений?

И Борис Сергеевич окончательно решает проводить все опыты так, чтобы растения не зависели от изменчивых факторов. Все началось с того, что были созданы грядки:

БЕЗ ЗЕМЛИ

Растения болеют. Где гнездятся возбудители этих болезней? Споры плесени, микробы, зародыши вредителей-насекомых гнездятся в земле. Как избавиться от них? На этот вопрос ответил почвовед лаборатории Евгений Иванович Ермаков.

Несколько лет назад он пришел к Борису Сергеевичу.

— До тех пор, пока мы не найдем заменителя обычной почвы, одни и те же опыты будут давать разные результаты, — сказал Евгений Иванович. — Почвы, которые мы используем, не

всегда однородны по своим питательным и физическим свойствам. Отсюда и разные урожаи.

Доводы Евгения Ивановича были достаточно основательны, и с этого дня начались поиски искусственной земли.

Она должна была отвечать многим требованиям. Во-первых, нужна была твердая среда, чтобы корни, опираясь на нее, могли поддерживать растения в вертикальном положении. Во-вторых, эта «земля» должна была бесперебойно снабжать корни водой и растворами минеральных веществ, нужных для питания. И, в-третьих, в ней должно было быть много воздуха, чтобы корни и растения могли развиваться нормально.

Было опробовано множество образцов. Евгений Иванович искал наилучший материал, при помощи которого растению удобнее всего было бы строить свою жизнь. И нашел его... на фабрике строительных материалов. На этой фабрике готовили вещества, нужные для звуко- и теплоизоляции. Это был керамзит.

Евгений Иванович размолот его на мелкие комочки, испытал, и оказалось, что излишки воды не задерживаются в нем. В порах оставалось как раз столько воды, сколько нужно растениям. Комочки прекрасно впитывали в себя растворы удобрений. А пространства между комочками всегда были наполнены воздухом.

Словом, керамзит оказался во всех отношениях подходящим материалом.

Но на этом дело не кончилось. Перед Мошковым и его товарищами стояла большая задача — они хотели узнать потенциальные возможности растений, хотели заставить их рассказать, что им нужно, чтобы они смогли дать самый большой урожай, на какой только у них хватит сил.

Что же нужно было сделать для этого еще? Прежде всего нужно было дать растениям света по потребности. Для этого их стали выращивать не в теплице, а

В ТЕМНИЦЕ

Передо мной лежат фотографии томатных кустов. Одни — настоящие заморыши. Другие — коренастые, плотные. Из сочной зелени выпирают круглые бока спелых помидоров.

Почему они такие разные?

Оказывается, одни выращены в обычной теплице летом, а другие — в темном подвале при очень ярком освещении.

Эти растения — наглядный пример вредного действия тепла. Летом теплицы почти всегда перегреваются. Это хорошо знают те, кто пользуется теплицами круглый год. При перегреве растения дышат усиленно, расходуют много сил и накопленных веществ напрасно и потому плохо развиваются.

— Теперь понятно, почему этот огород разбит не в поле и не в теплице?

— По-моему, скорее уж им нужна светлица. Тем более, что электрическое солнце все равно любую темницу превращает в светлицу, — говорю я Борису Сергеевичу.

Он улыбается.

— Сейчас вы поймете, почему нам нужны именно темницы. В светлице много света пропадает зря, рассеивается сквозь стек-

ла. А в наших темницах — кстати, они называются фитотронами — все стенки зеркальные. Зачем? А вот смотрите.

Он включает свет.

— Зеркала заставляют свет работать не за страх, а за совесть. Смотрите, свет от ламп падает отвесно вниз. Проходит сквозь листья, рассеивается и снова попадает на зеркала. От них он снова возвращается к листьям. И так бесконечное число раз. Вот и получается, что растение берет от луча столько энергии, сколько нужно листу. Электрическое солнце светит помидорам сразу со всех сторон. При таком положении растению нет нужды тянуться за светом в высоту. Поэтому, видите, на одном квадратном метре вместо девяти растений можно располагать тридцать шесть. И собирать двадцать килограммов спелых плодов вместо двух-трех килограммов — столько получают в теплицах.

Кроме того, надо иметь в виду, что за то время, пока зреет один урожай в теплице, в темнице успевают снять три урожая.

Продолжая рассказывать, Борис Сергеевич водит меня по комнатам лаборатории. В одном из кабинетов я вижу

ЧУДЕСА

На обычном канцелярском столе лежит кисть винограда. Ее зеленовато-желтые ягоды покрыты сизой изморозью свежести. Кое-где на виноградинах — капли росы. Так выглядит виноград, сорванный ранним утром. А за окном зима...

Гроздь и в самом деле срезана утром. Ее принесли сюда наверх, чтобы собрать семена.

— Это первый урожай с кустов, крошечные черенки которых посадили в грунт всего четыре месяца назад, — говорит Борис Сергеевич.

— Может, у вас и булки прямо на ветках растут? — неожиданно даже для себя спрашиваю я. Сработал механизм сказочных представлений.

Борис Сергеевич, словно не замечая моего смущения, спрашивает:

— Сколько нужно муки на французскую булку?

— Точно не помню, но, кажется, граммов двести.

— Ну, так считайте, что растут. Не верите? Сейчас я вам докажу. Сколько можно вырастить зерен пшеницы из одного зерна? В лучшем случае — шестьдесят. Но это бывает редко-редко. А обычно — шестнадцать — двадцать пять. А мы получаем из одного зерна — двадцать семь колосьев с пятью тысячами зерен. Если перемолоть эти зерна, то муки окажется как раз двести граммов. А это и есть ваша булка, — только тут Борис Сергеевич позволил себе улыбнуться. — Но скоро мы надеемся выращивать из одного зерна две булки.

Да, это была действительно страна чудес!

На ее полях шесть раз в год собирают невиданные урожаи помидоров и огурцов. С каждого куста — до килограмма. Помидоры крупные, сладкие. Сахара и витамина в них гораздо больше, чем в обычных. За 60 дней здесь собирают 2 тысячи центнеров с 1 гектара, а за год урожай достигает 1 миллиона килограммов плодов. Огурцы тут никогда не бывают горькими. И я совершенно забываю «римский огурец» Крылова. Кому охота

есть огурец величиной с дом, когда тут столько маленьких, хрустящих огурчиков!

Здесь сажают усы клубники, и через 45 дней на грядке размером в 1 квадратный метр красуется 5 килограммов сочных ягод.

Виноград перестает терять листья и превращается в вечнозеленое растение. Из крошечного черенка через пять месяцев вырастает куст с золотистыми, прозрачными гроздьями. А лимон за год успевает стать взрослым, зацвести и украситься плодами.

Для того чтобы превратить тоненький, чуть сладкий корешок сахарной свеклы в растение с двухкилограммовым корнеплодом, из которого получают по полкилограмма сахара, человеку понадобилось 200 лет. А здесь сочную, вкусную редиску величиной со свеклу вывели за один год.

Эта страна, где растения не ленятся трудиться и вырастают иногда до гигантских размеров, — рай для генетиков и селекционеров, — ведь здесь в год удается, снимая пять-шесть урожаев, вывести пять-шесть поколений.

Я видела здесь гибрид капусты и редиса величиной в рост человека. У этого «новичка» в пищу годятся

И ВЕРШКИ И КОРЕШКИ

Получить новый гибрид очень сложно. Почему же люди все-таки стремятся скрещивать, казалось бы, нескрещиваемые растения?

Потому что гибрид — это всегда качественный и количественный скачок. В результате гибридизации получается новое растение, хоть по признакам его можно назвать промежуточным, потому что в нем проявляются качества обоих «родителей».

Есть несколько способов, при помощи которых можно усилить воздействие прививки. Почти все эти приемы были введены еще Мичуриным.

Когда сотрудница лаборатории светофизиологии Галина Александровна Макарова взялась вывести гибрид капусты и редиса, Борис Сергеевич поставил перед ней задачу создать новый прием, усиливающий воздействие прививки.

Галина Александровна, используя приемы Мичурина, брала рассаду капусты и прививала ее взрослому редису. Привой капусты она закрывала от солнца, чтобы исключить его из процессов фотосинтеза. Таким образом она заставляла его питаться за счет редиса-подвоя. Капуста попадала в полную зависимость к редису и уже не могла проявить строптивость. Ей пришлось принаравливаться к характеру старшего. В конечном итоге такой контакт привел к тому, что было выведено новое растение с капустными листьями на длинном, вышней с человека среднего роста, стебле и с корешком весом в 1 килограмм.

Новый метод все больше и больше оправдывал себя. И все-таки растения не до конца раскрыли свои потенциальные возможности. Ведь по урожаю еще нельзя судить о том, как жилость растению каждый день и каждый час. Растения необычайно терпеливы. Им может не хватать воды, но они не попросят пить до поры, пока жажда не станет такой мучительной, что по засохшим нижним листьям можно будет заметить ее даже со стороны.

Но как же узнать, все ли сделано для того, чтобы растение могло полностью проявить все свои возможности. На помощь пришел заместитель Мошкова, Владимир Григорьевич Карманов. Владимиру Григорьевичу удалось узнать еще несколько слов на языке растений. Ему удалось превра-

ГОВОРЯЩИЕ РАСТЕНИЯ

— В природе живого, особенно в природе растений, бездна тайн, — говорит Борис Сергеевич.

Он задумчиво ходит по кабинету от окна к столу и обратно. Останавливается и вдруг спрашивает:

— Вы видели, как растет клубника? Из корня вылезает зеленая змейка-усик, похожая на провод. Она долго стоит покачиваясь, потом припадает к земле, ползет, выпускает розетку из листьев и корешки. На будущий год эта розетка разовьется в самостоятельный куст клубники.

Что же идет по этому проводу? Соки, как говорилось в старину? А может быть, импульсы? И вообще, кто отдает приказ, чтобы росла именно клубника, а не огурец и не черешня!

Борис Сергеевич садится в кресло.

— Ученые узнают и это. Но сейчас нас волнует другое. Как сделать, чтобы клубника плодоносила не один раз в году, а шесть? Сейчас мы думаем не столько о том, каков технологический процесс, а о том, как повлиять на него, ускорить, как говорится, выпуск продукции. Все знают, что ночью транспирация прекращается. Эта реакция является безусловным рефлексом. При изучении дневного хода транспирации разных видов растений была обнаружена интересная вещь: при длительном светлом периоде транспирация всегда заканчивается еще на свету. А при длительном темном периоде она начинается еще в темноте.

Вы, конечно, знаете, как проявляются условные рефлексы у животных. При запахе пищи у них начинает выделяться желудочный сок. Попробуйте ежедневно перед кормежкой зажигать в клетке красную лампочку. Через некоторое время при вспышке лампочки у животного будет выделяться желудочный сок и в том случае, когда ему не принесут еду.

А как ведут себя растительные организмы?

Проводя опыты, мы установили, что если ежедневно включать свет ровно в восемь часов, то через несколько дней у растений проявится условный рефлекс. И даже если свет не включить, все равно ровно в восемь часов листья распахнут устьица и начнут транспирацию.

Борис Сергеевич приглашает меня пройти с ним. Мы входим в темную комнату. Неожиданно вспыхивает свет. Здесь никого нет. Кто же включил свет? Борис Сергеевич улыбается.

— Сами растения.

Я всматриваюсь в листья фасоли. На одном из них сидят крошечные приборы, похожие на стрекоз.

— Эти измерители температуры и влажности создал Владимир Григорьевич Карманов. Они весят доли грамма и не могут повредить растению, — говорит Борис Сергеевич и продолжает: — Создавая свои приборы, Карманов использовал способность растения начинать транспирацию еще в темноте и окан-

чивать ее на свету. Он создал автомат для включения и выключения света по «распоряжению» самого растения. Растение освещается до тех пор, пока это необходимо, но как только свет перестает влиять на испарение, оно само «тушит» свет.

Сейчас у нас в лаборатории мы бьемся над тем, чтобы растения сами командовали не только продолжительностью дня, но и температурой воздуха, интенсивностью света и даже питанием. Мы надеемся, что наш метод позволит создать страну вечного лета не только в лаборатории.

— Можно ли ориентировать практику на искусственное освещение? Над полями лампы не развесишь!

— Над полями нет, конечно, трудно. Но над огородами, садами можно. В сельском хозяйстве сейчас применяют все больше и больше техники, чтобы повысить урожай и облегчить труд людей. В свое время трактор и комбайн казались чудом. Потом на поля пришли машины, о которых в свое время мечтали разве что фантасты. На поля, огороды и сады пришла дождевальная установка. И я верю, что вслед за ней придет осветительная. И растения отблагодарят нас фантастическими урожаями.

На этом разговоре закончилось мое первое путешествие в «страну вечного лета» — в Институт агрофизики, где, работая, каждый день и час думают

О БУДУЩЕМ

Я снова в поезде. Смотрю в окно. Солнце спотыкается о ели, спешит, боится отстать. Кончается лес. Поезд вырывается в поля. И столько вокруг земли, такое раздолье, что даже солнце на секундочку останавливается, словно поняв, что, как ни спеша, придется изрядно потрудиться, пока перейдешь это поле, и вон то, и то...

— Простор!.. — говорит кто-то.

Я думаю о неисчерпаемых возможностях земледелия. По всей стране поля растут вширь — распахивают нетронутые территории. Повышают урожайность — с того же поля снимают во много раз больше плодов. Наконец там, где понадобится, поля могут расти и в высоту. Работники лаборатории светофизиологии рассказывали о шестизэтажных «электроогородах», над проектами которых они работают.

Крупные города — вот где в первую очередь нужно строить фабрики искусственного климата! Уже сейчас работает фитотронный цех в Ленинграде. Под Москвой строится целая фабрика с осветительными установками, созданными работниками Института агрофизики. Но особенно нужны такие фабрики на севере, в местах с суровым климатом. В патернах — пустотах в теле плотин гидростанций — можно разбить «электроогороды». Это позволит местным жителям круглый год есть свежие овощи. На Иркутской ГЭС уже устанавливают первые осветительные установки. Ученые Ленинградского института агрофизики отдали результаты своих поисков в руки производственников.

И, может быть, со временем и в каждой столовой — об этом мечтал еще основатель института Абрам Федорович Иоффе — появятся маленькие фитотроны. Они займут совсем немного места. Но весь год в меню будет стоять салат из свежих огурцов, помидоры натуральные, свежая клубника.

И только скептики не верят в это, точно так же они не верили в холодильники, которые прочно вошли в наш быт.

А будущие небожители? Космонавты в ракетах, которые полетят к иным мирам, работники внеземных станций смогут питаться разнообразными свежими продуктами, а не только хлопеллой.

Проводя опыты, которые должны помочь организовать производство ягод, овощей, фруктов по своеобразному поточному методу на основе полной индустриализации, работники института делают большое, нужное дело.

Эта проблема волнует не только наших, но и зарубежных ученых. Джон Бернал, лауреат Ленинской премии за укрепление мира и дружбы между народами, в своей книге «Мир без войны» пишет: «...полевое сельское хозяйство находится в решительном противоречии со всей тенденцией развития современной промышленности, которая (применительно к производству продуктов питания) заключается в том, чтобы ограничить размеры рабочего пространства и максимально увеличить выпуск продукции за счет ускоренного хода реакций, вместо того чтобы дожидаться завершения годового цикла».

Разумеется, создание фитотронных фабрик — это лишь один из многих путей повышения урожайности. Проблемой увеличения выпуска продукции с одних и тех же площадей на наших полях занимаются ученые, работники совхозов, колхозники по всей стране.

На юге: на Кубани, в Средней Азии, в Крыму и на Кавказе — труженики сельского хозяйства заставляют землю плодоносить два-три раза.

Ранней весной высеивают нут — засухоустойчивый горох — вместе с травой — эспарцетом. Горох растет быстро, а эспарцет медленно. Получаются два ростовых яруса. Когда горох созревает, на поля выпускают комбайны, и они убирают горох. Потом косят эспарцет. И сразу после этого землю вспахивают и сеют кукурузу. Если осень теплая и сухая, то кукурузу успевают вырастить на зерно, а если нет, то она идет на силос.

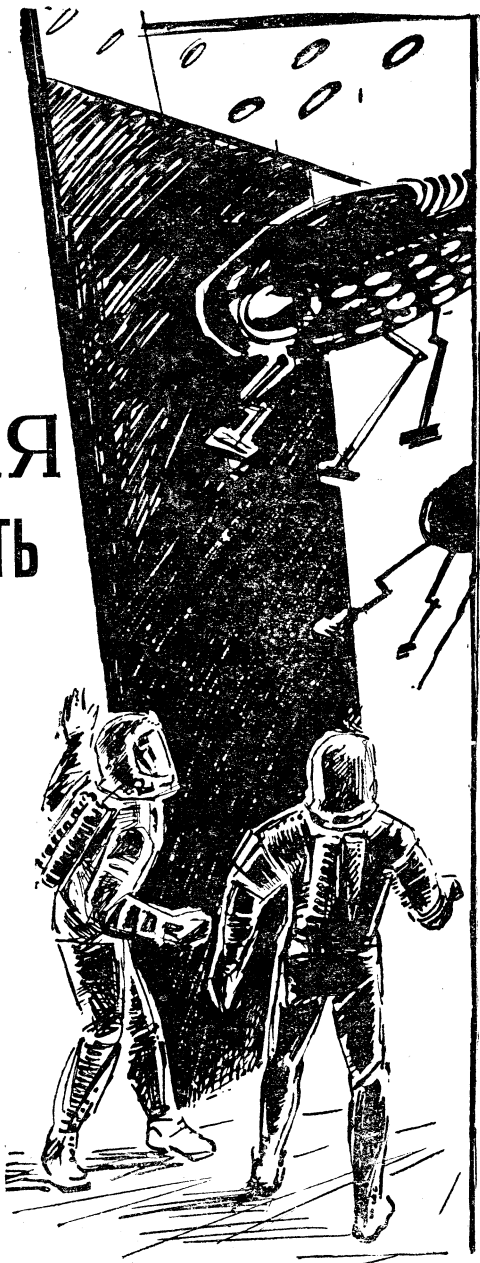
Но на юге тепло. Чем можно помочь полеводам холодных районов? И над этим думают сегодня работники Института агрофизики. Они создали приборы, с помощью которых удается предсказывать с вечера появление утренних заморозков. Крошечные аппараты, установленные на поле, следят за ходом испарения влаги из почвы и автоматически включают орошение, когда это становится нужным.

Наблюдения показали, что на высоких гребнях-грядках температура почвы выше, чем на плоскостных участках. Высокие грядки помогают продвинуть на север теплолюбивые культуры. Прием вроде и простой, а влияние на урожай большое.

Выводя новые сорта, выясняя потенциальные возможности развития растений, создавая высокопродуктивные семена, занимаясь вопросами районирования сельскохозяйственных культур, ученые-агрофизики, люди самой мирной профессии на земле, работают ради будущего.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ



Рисунки А. Гусева,
В. Немухина

Услышав слова Калве, Коробов вздрогнул и оглянулся. Оно выбралось откуда-то из-под эстакады — странное, уродливое существо, похожее на большую блестящую лягушку, и с глухим воем стремительно метнулось вперед. Неподдалеку от них остановилось, повисло в воздухе метрах в трех от пола.

— Летает... — изумленно прошептал Калве.

Лягушка вытянула длинные передние лапы — только их было три, с плоскими присосками на концах. Лапы прижались к стенке ракеты. Короткие пронзительные свистки прорезали тишину; даже под защитой скафандров захотелось зажать уши — так неприятен показался звук.

Затем лапы вытянулись, и с минуту марсианин — или как его назвать? — висел неподвижно. Снова Калве почувствовал на себе странный, внимательный взгляд. После этого летающая лягушка рывком скакнула дальше. Вновь раздались пронзительные звуки, словно с визгом разрывалась сама оболочка корабля.

— Э-э... — сказал Коробов. — Они нам ракету испортият...

— Эй! — крикнул он и взмахнул рукой.

И неведомое существо словно послушалось, ускользнуло куда-то под ракету.

— На чем он держится, не пойму, — сказал Калве. — Ни ног, ни крыльев... Нет, как хочешь, а это автоматическое устройство, действующее по программе или же телеуправляемое.

— Значит, в розысках они нам не помогут ни на грош, — невесело сказал Коробов, по-своему оценив сообщение Калве. — Ага, еще одно! Или опять то же самое?

Действительно, еще одна такая же лягушка появилась наверху. Она парила над ракетой, прикладывала к ней свои присоски. Потом скрылась вслед за первой. Коробов опустился на колени, внимательно исследовал оболочку в тех местах, где к ней прикасались присоски.

— Нет следов никаких, — успокоенно сказал Коробов и стал спускаться. — Что им нужно, не пойму, но вреда от них, видимо, нет.

— Трудно сказать, что им нужно, — задумчиво произнес Калве. Коробов подошел к нему, нерешительно потоптался на месте. Он не знал, что делать дальше: и корабль нельзя оставить без присмотра, и товарищей надо искать...

— Ладно, — сказал он наконец. — Разыщем ребят, тогда... А то уж двадцать шесть минут гуляем без толку...

Они подошли к двери. Калве включил прожектор, пробормотал:

— Простейшее решение? Механическое воздействие. Достаточно нажать вот на эту планку... А ты видишь, что здесь давно никто не ходил? Пыль не тронута... Это, вернее всего, означает, что живых на спутнике действительно нет. Автоматы — единственные его жители. Ну что ж... А как там, в ракете?

Коробов начал вызывать Азарова. Ракета не отзывалась.

— Опять нарушения связи, — сказал Калве. — Ионизация, что ли, влияет?

Продолжение. Начало см. в № 3.

Коробов что-то проворчал; набрал побольше воздуха в легкие и, повернув регулятор на полную мощность, рывкнул в микрофон так, что тоненько запело, резонируя, прозрачное забрало шлема. Азаров не отзывался... И вдруг откуда-то — казалось, совсем близко — донеслось:

— А вот здесь уже что-то интересное...

В ответ что-то забормотал знакомый тихий голос Ранна.

— Они, это они! — крикнул Калве.

Коробов заорал:

— Сенцов! Ау!

Оба рванулись к двери, готовые бежать, искать, помочь... Но звуки не повторялись, сколько ни кричали оба в микрофоны, рискуя посадить аккумуляторы и сорвать голос.

А дверь с тихим шорохом ушла куда-то вверх, открывая вход в слабо освещенный коридор.

— Они живы, найдены! — сказал Калве, выглядывая в дверь.

— Теперь мы их быстро найдем! — уверенно отозвался Коробов. — Но Азаров...

— Ну, чего там? — голос Азарова раздался в наушниках неожиданно, и оба вздрогнули.

— Ну вот, — сказал Коробов. — Почему молчал? Ты их слышал?

— Кого? — быстро спросил Азаров.

— Как кого? Сенцова, понятно...

— Я другое слышал, — помолчав, ответил Азаров. — Вы где?

— Открыли дверь, — сказал Коробов. — Выходим. Мы их слышали. Вызывай их все время.

— Счастливо. Вы там недолго... — сказал Азаров.

Как только космонавты вышли в коридор, дверь за ними снова опустилась. Дальше двинулись, лишь когда Коробов убедился, что и с этой стороны открыть дверь не составляет никакой трудности.

На миг задержались: куда идти? Коридор раздваивался.

— Может, разойтись? — предложил Калве, хотя ему вовсе не хотелось бродить в одиночку.

— Нет, не пойдет, — задумчиво ответил Коробов. — Для того мы и вышли вдвоем, чтобы помогать друг другу. Мало ли что может случиться... Давай пойдем, ну, хотя бы направо. Если они в этой стороне, обязательно наткнемся на следы: видишь, пыль какая... Если никаких следов не будет, поворачиваем назад и идем в противоположную сторону. За пять минут мы даже в скафандрах можем обследовать чуть не полкилометра. Вряд ли они успели уйти дальше...

Первая дверь попалась метров через шестьдесят. Они открыли ее. В этом ангаре тоже было пусто. Коробов уже повернулся — идти, но тут Калве вдруг схватил его за руку.

— Блестит... — сказал он и кинулся вперед, в ангар.

Коробов еще не успел сообразить, в чем дело, когда Калве с необычной для него поспешностью уже нагнулся и схватил лежавший на полу какой-то предмет. Поднес его к шлему. Затем протянул подбежавшему Коробову.

— Вот... — сказал он, переводя дыхание. — Они!

На его ладони поблескивал небольшой металлический приборчик. Это был переносный счетчик частиц. Такие находились

во всех помещениях ракеты и фиксировали те редкие частицы сверхвысоких энергий, которым удавалось пробить защиту корабля. Очевидно, Сенцов, а еще вернее Раин, выходя из корабля, взяли с собой один из этих счетчиков, не вполне полагаясь, может быть, на вмонтированные в их скафандры индикаторы радиоактивности...

— Ясно, они были здесь, — сказал Коробов.

— Я думаю даже... — проговорил Калве. — Смотри, нет ни одного следа. Они не шли — их ташили, несли! Возможно, такие же автоматы, какие мы видели.

— Ясно, — сказал Коробов. — Быстрее за ними!

Сжав в руке счетчик, он вышел обратно в коридор. Калве не отставал, только через несколько минут заметил:

— Тебе не кажется, что мы идем все время вверх?

— Похоже, — ответил Коробов. — Впрочем, может, это только кажется? А если и так, что с того?

— Ничего... — ответил Калве. — Интересно, куда этот ход нас приведет?

В конце концов он привел космонавтов опять к закрытой двери. Но теперь им уже было известно, как открывать двери в этом мире.

А за дверью был новый коридор. При входе в него им сразу бросилась в глаза голубоватая табличка на стене, покрытая какими-то видными и сквозь пыль ровными узорами из отрезков прямых линий. Калве громко вздохнул.

— Ну вот... — сказал он задумчиво.

— Что такое?

— А то, что это письменность. Значит, спутник все же населен разумными существами: автоматам письменные инструкции не нужны.

— Населен или был населен... Пойдем, — сказал Коробов, — потом будем разбираться.

Возле двери он нарисовал пальцем на слое пыли большое «К»: будет примета. Буква сразу же заиграла яркими красками.

Калве, заинтересовавшись, провел перчаткой — очистил от пыли небольшой участок стены.

— Это бы зарисовать, — сказал он, глядя на выющиеся по стене, слабо светящиеся узоры. — Очень любопытно.

— Как только найдем наших, сфотографируем все, что сможем, а на Земле разберемся, — поторопил его Коробов.

Наверное, не стоило сейчас вспоминать о Земле... Пока что каждый шаг уводил их все дальше от нее, и лучше всего было заниматься делом.

Калве бросился догонять Коробова, который уже открывал новую дверь.

— Не пойму, — сказал Коробов после паузы, — это лаборатория, что ли?

Калве заглянул через его плечо.

Стены просторной комнаты заметно сужались — как будто художник переусердствовал, изображая перспективу. По обе стороны узкого прохода стояли на невысоких постаментах прозрачные прямоугольные ящики, до самого верха наполненные какой-то серой массой. Больше в комнате ничего не было, только разноцветные толстые щупальца кабелей тянулись во все

стороны от ящиков в закрытых прозрачными крышками лотках и уходили куда-то через заднюю, самую короткую стену. Освещение здесь было другое — жаркое, с фиолетовым оттенком, совсем не похожее на тот серый, мерцающий сумрак, к которому Коробов и Калве уже начали привыкать.

Они подошли к одному из ящиков. В лучах света прозрачная поверхность его слегка отсвечивала. Всмотрелись. Калве сразу же заметил, что передняя стенка, через которую ясно была видна серая масса, только издали казалась сплошной. На самом же деле она состояла из множества небольших квадратов, а весь ящик оказался разделенным на секции, точно картотека. Калве осторожно потянул одну из крышечек — на него поехал, выдвигаясь, прозрачный лоток, наполненный серой массой. Тотчас же передняя стенка ящичка залилась мигающим красным светом. Калве отнял руку. Ящичек сам медленно втянулся обратно, красный свет погас.

— Черт его знает! — сказал Калве. — Может быть, из этого они и готовят свои пластмассы? Или нечто вроде плантаций, на которых они выращивают питательное вещество? На хлореллу не похоже... В общем что-то непонятное. Тут надо осторожнее себя вести, ничего зря не трогать: хозяева обидятся, чего доброго... Да и напортить можно.

— Ни в коем случае, — согласился Коробов. — Питательное вещество? Не очень-то аппетитно выглядит...

Он снова выдвинул крайний ящичек, придерживая его пальцем, низко склонился, приблизил шлем к серому веществу, чтобы как следует рассмотреть неровную поверхность. Калве предостерегающе поднял руку, но было уже поздно. Голубая змейка вылетела из ящичка, на короткий миг затанцевала на шлеме пилота. Коробов стремительно разогнулся, взмахнул руками — за прозрачной пластмассой шлема Калве увидел его искаженное от боли лицо — и тяжело рухнул на пол, ударив при падении локтем прямо в середину медленно уползавшего на место ящичка. Снова прыгнула голубая змейка разряда. Калве схватил Коробова за плечи, оттащил на середину прохода, открыл ему подачу кислорода на полную мощность, стал делать искусственное дыхание — в скафандре это было совсем не легким делом... В момент, когда ему показалось, будто все уже бесполезно, Коробов открыл глаза, отстранил Калве, медленно поднялся на ноги.

— Нет, ничего... — сказал он. — Просто оглушило... Оказывается, это все под напряжением, и немалым. Пойдем-ка отсюда подальше, а то не ровен час...

Поглядывая на все пылавшую красным светом крышку ящичка, оба медленно пошли дальше по проходу мимо прозрачных хранилищ. Калве оглянулся. Тревожный красный огонек не гас. Почему-то спокойно от него было на душе. Коробов успокаивающе сказал:

— Это он просто сообщает, что нормальный режим нарушен...

Они подошли к задней стене комнаты. Осторожно перешагнули порог.

Круглый просторный зал открылся перед ними. Очевидно, он являлся центром, вокруг которого располагались хранилища серой массы, образующие правильный круг.

Коробов успел уже мысленно набросать схему спутника — шара, разделенного, по его предположениям, на слои, каждый из которых играл определенную роль: нижний, откуда они поднялись, — космодрома; этот — очевидно, сырьевой или пищевой базы. Впрочем, серая масса могла служить и для регенерации воздуха и мало ли еще для чего? Делать обобщения было, пожалуй, рано: они успели осмотреть лишь ничтожную часть спутника.

Все возрастающее беспокойство за судьбу товарищей не позволяло им задерживаться. У Сенцова и Раина скоро должен был кончиться кислород — оставались считанные минуты...

Они вышли в коридор, миновав по пути еще одно помещение с прозрачными ящиками. Коридор привел их опять к переборке, около которой Коробов нарисовал букву. Он был явно кольцевой, по внутренней его стороне располагались хранилища серой массы, а выводила из него лишь одна дверь — та, через которую они и пришли.

Это был тупик. Надо возвращаться к тому месту, откуда они начали поиски. Теперь стало ясно: ни Сенцов, ни Раин не шли этой дорогой.

Оглушенные этим открытием, космонавты стояли неподвижно. Коробов все еще сжимал в руке хрупкий приборчик.

— Но ведь счетчик! — уже во второй раз упрямо сказал Калве.

— Счетчик... — угрюмо сказал Коробов. — Но их здесь нет и не было. И нечего им здесь делать. Не людоеды же здесь живут, да и те скафандры не съели бы... Следов никаких. Ну, не будем терять времени. Все это когда-нибудь выяснится.

...Они почти бежали, надеясь больше всего (хотя ни один и не высказал этого вслух) на то, что Сенцов и Раин сами уже отыскали ракету и сейчас сидят в рубке, спокойно дышат кислородом и ждут их.

Подбежав к двери в тот ангар, где стояла их ракета, они внимательно осмотрели пол. Никаких новых следов не появилось.

Тогда они бросились дальше по коридору. Вот еще одна дверь. Калве с маху опустился на колени.

Прожектор осветил ясно отпечатавшиеся на пыльном полу знакомые следы магнитных присосков, какими были снабжены у каждого из них башмаки для ходьбы в условиях невесомости.

Следы уходили под дверь. Обратных не было — значит, Сенцов и Раин могли быть только там, за дверью. И Коробов топливо нажал на запорную ступеньку.

Дверь не открылась.

Еще не веря в несчастье, они топали по ступеньке вновь и вновь, нажимали на дверь — как будто чем-то, кроме взрывчатки, можно было взять этот материал, кричали — как будто кто-то мог их услышать.

Потом оба просто сидели возле неповинующейся двери, по временам снова и снова пробуя открыть ее. У обоих была только одна мысль: если бы они сразу пошли сюда, налево...

И потом, уже вернувшись в ракету, они сидели в рубке, в креслах, не снимая скафандров, хотя это и запрещалось пра-

вилами. Они убеждали себя, что присели только на минутку и тотчас же вновь отправятся на поиски, хотя всем было ясно: это совершенно бесполезно: при самом экономном расходовании кислород у Сенцова и Раина кончился несколько минут назад.

Уже не было смысла следить за быстро бегущей по циферблату секундной стрелкой, но Калве не отрывал от нее глаз. Коробов сидел сумрачный, опустив глаза; прозрачный шлем его стоял рядом на полу; потирал лоб (нестерпимо болела голова) и слушал, что ему, размахивая руками, говорил Азаров.

Что он мог сказать? И чего теперь размахивать руками?

— Связь, связь надо было держать! — резко сказал Коробов. — Мы и то их услышали, а у тебя рация!

— Попробуй! — ответил Азаров, вертя рукоять настройки. — Вон какая чертовщина творится...

Действительно, в диапазоне между десятью и тридцатью семью сантиметрами в эфире гворилось что-то непонятное: мяукало, пищало, иногда заливалось звонкой трелью, раздавались какие-то завывания. Потом вдруг все смолкло, слышались только невнятные хриплые звуки, а через небольшой промежуток времени все начиналось сначала.

Послушав эту какофонию минут пять, Коробов приказал выключить рацию, чтобы не тратить питание.

— А может, это местные жители нас вызывают? — неуверенно сказал Азаров.

— Чепуха, — ответил Коробов. — Мы облазили чуть ли не полспутника — нигде ни следа. Я, конечно, не знаю, что значит этот писк, но...

— Я, кажется, знаю, — сказал Калве, не отрываясь от часов.

Оба посмотрели на него: Коробов — с интересом, Азаров — осуждающе. Калве отнимал у него последнюю надежду на спасение друзей, которые (окажись предположения Азарова правильными) могли бы найти приют у хозяев спутника...

— У нас просто не было времени подумать, — сказал Калве. — Если мы находимся в ангаре, предназначенном для ракеты (а мы, очевидно, находимся именно в ангаре, предназначенном для ракеты), и если нас, вернее — ангар, обслуживают автоматы (а его, судя по всему, обслуживают именно автоматы), то эти автоматические устройства должны откуда-то получать команды...

— Почему? — сказал Азаров. — Они могут и сами обладать...

— Логическими устройствами? Нет, не думаю, это противоречит принципу целесообразности. Тысяча арифмометров не заменит одной вычислительной машины... Так вот, все это дает нам основание предположить наличие достаточно сложных кибернетических устройств, ведущих управление автоматами и контроль за ними. Такой центр непременно где-то в спутнике имеется. Автоматы, как мы с Коробовым видели, не получают информацию по проводам. Нет у них контакта и с полом ангара. Следовательно, команды им передаются по радио. Вот источник этих сигналов.

— Стоп, стоп! — сказал Азаров. — Радиоволны-то сквозь стену не проходят...

— Это естественно, — сказал Калве. — Автоматов должно

быть много, частот в ограниченном диапазоне — меньше. Ангар тут не один... Значит, надо, чтобы автоматы, работающие на одной и той же волне, получали команды избирательно.

— Волноводы, очевидно... — задумчиво сказал Азаров. — Наверное, волноводы. И вы смогли услышать Сенцова и Райна только потому, что в этот момент находились где-то на концах одного и того же волновода.

Упоминание о друзьях переполнило чашу терпения Коробова. Он и так еле сдерживался: все нестерпимее (верно, от электрического удара в комнате с серой массой) болела голова, ныла рука, а Калве тут развел теорию, прямо хоть лекторий открывай, а мальчишка Азаров развесил уши и еще сам начинает строить гипотезы, а когда надо было держать связь, то он развлекался тем, что слушал всякое тарактенье... Коробов с трудом поднял тяжелую голову, почувствовал: еще несколько минут, и он свалится здесь просто от недостатка сил.

Он медленно разогнул спину, тяжело поднялся с кресла. Азаров в это время спрашивал:

— А эти автоматы, которые вы видели, они, по-твоему, что делают?

— Летают, — мрачно сказал Коробов. — Свистят. Больше ничего не делают. А вот нам бы не мешало начать и делать что-нибудь... для разнообразия, что ли.

Калве насупился, стал медленно краснеть. Коробов выругал себя: еще недоставало перессориться!

— Осмотр ракеты не закончен, — продолжал он. — Пойдем составим на месте план действий. Помочь нам никто не поможет, а засиживаться здесь мы не собираемся... С тобой пойдем, — сказал он Азарову (тот торопливо закивал, потянулся к шкафу за скафандром). — А ты, Лаймон, разденься, подежурь в рубке, потом сменишь одного из нас.

— Пока что я попытаюсь рассчитать... — начал Калве. — Погоди, в чем это скафандр у тебя?

Он потянул Коробова за локоть ближе к свету.

— Грязь какая-то. Да, наверное, эта серая масса. Когда это я успел?

— Когда падал, — сказал Калве. — Я вспомнил: ты локтем ударил прямо в локоть. — Он соскоблил с рукава Коробова темно-серые крошки непонятного вещества. — Рассмотрю их, попытаюсь понять, что же это такое. Явно органическое вещество. Иногда по структуре можно многое понять...

Калве включил рацию, кивнул товарищам. Они надели шлемы и скрылись за дверью выходного отсека. Калве остался один в ракете. Теперь здесь было непривычно тихо. Не слышалось тонкого стрекочущего шороха телеустановок, не гудела вычислительная машина, сверявшая курс корабля с программой, стрелки большинства приборов бессильно откинулись на нулевые ограничители. Калве поежился: тишина была неудобной, нехорошей; только легкое гудение рации напоминало о том, что в мире есть веселые, бодрые звуки.

Калве решил быстрее заняться делом, чтобы не замечать этой тишины. Нарочито громко шаркая подошвами, подошел к маленькому шкафчику; в нем был смонтирован портативный электронный микроскоп.

Он отделил крупинку серого вещества и включил ток. Долго смотрел на экран, осторожными движениями пальцев регулируя фокусировку, потом прильнул к окошечку. Определенно, вещество имело клеточное строение, и это была не колония простейших, а какой-то многоклеточный организм. Клетки вытянутые, с длинными отростками. Калве всматривался в них до боли в глазах, забыв обо всем на свете...

Коробов и Азаров вернулись через полчаса. Обследование не дало ничего утешительного: значительная часть элементов солнечных батарей разбита при посадке. Вышел из строя телеприемник заднего обзора, оторваны два посадочных амортизатора. Придется поработать, чтобы привести все в порядок...

Но это и нужно было сейчас каждому: работать, работать изо всех сил, чтобы хоть немного заглушить глубокую скорбь о погибших друзьях и не впасть в апатию — первый признак обреченности.

Об этом думал Коробов, ожидая в тамбуре, пока вихрь ультрафиолетовых лучей очистит на нем скафандр. Почему Калве не встречается? Пока Азаров стаскивал шлем, Коробов заглянул в рубку.

Калве сидел за столом, опустив голову, даже не повернулся на звук открываемой двери.

— Ты что, заболел, что ли? — спросил Коробов. Голос его гулко прозвучал из динамика: он еще не успел снять шлем и говорил через рацию. — Что стряслось-то?

Калве открыл глаза, облизал губы.

— Знаешь, почему погибли Сенцов и Раин?

— От недостатка кислорода, — ответил Коробов, сразу рассердившись на Калве за то, что он заговорил о вещах, о которых говорить пока не следовало. — А ты что, сомневаешься?

— В конечном итоге — да, от этого, — губы Калве скривились, он умолк. — В конечном итоге... — снова начал он после паузы. — Недостаток кислорода — это был топор... А ударили топором мы с тобой.

Коробов быстро подошел, обнял его за плечи. Калве, дернувшись, сбросил его руку.

— Нет, я в своем уме, — сказал он очень спокойно и устало. — Я не брежу... Не брежу, да... — он протянул Коробову предметное стекло с крупинкой серой массы, уже покрывшейся сверху каким-то странным, коричневого цвета налетом. — Я рассмотрел. Ты знаешь, что это?

— Ну, питательное вещество или что там... Нет? Ну, что же?

— Нет, не питательное вещество. Это ткань, можно даже сказать — живая ткань, состоящая из клеток, подобных клеткам головного мозга...

— К нам-то она имеет какое отношение?

— Мы знаем, что здесь должен быть кибернетический центр, — продолжал Калве. — Мы его нашли, только не догадались, потому что все это было слишком не похоже на наши земные кибернетические устройства. Вот эти прозрачные ящички и есть машины, очевидно, с высочайшей степенью надежности... Вместо наших микромодулярных или молектронных схем у них работает органическое вещество, понимаешь? Мы с тобой невольно повредили какую-то часть схемы, мы...

— Искусственный мозг, что ли?

— Ну, не мозг, конечно. Все это гораздо примитивнее. Не мозг, но большая кибернетическая машина, решающее устройство. А мы...

— А какое отношение все-таки это имеет к нашим? — мрачно, спросил Коробов.

— Ну как можно не понимать! Здесь, очевидно, вся автоматика управляется из центра. Это облегчает работу и контроль. Об этом я догадывался и раньше. Ты понял, почему у них эти машины располагаются секционнно, по комнатам? Наверное, весь спутник разделен на секции, как апельсин. Каждой секцией управляет своя машина. Это целесообразно: спутник не лишается жизнеспособности даже при выходе из строя одной или нескольких секций... Так вот, мы испортили ближайший к выходу блок машины. Помнишь красный свет? Он указывал на неисправность. Мы этого не знали. Да если бы и знали, исправить не смогли бы. Машина отказала, и весь комплекс ее автоматов, вся секция выключилась. Это, очевидно, тот случай, когда хозяева спутника вмешивались в работу автоматов: машина сама ремонтироваться, по-видимому, не может. Мы не знали. Но надо было предвидеть, надо! Как будто возможности техники исчерпываются нашими земными схемами! Чуть, ерунда...

Калве умолк, спрятал лицо в ладони. Коробов снова положил руку ему на плечо.

— Давай одевайся. Придется тебе идти, без тебя я не разберусь. Посмотрим на месте, что там можно сделать. Хоть так...

Калве понял недосказанное: хоть так мы их вновь увидим, сможем отдать последний долг.

Он молча встал, увидел — в дверях рубки стоит Азаров.

— Куда вы собрались? Калве совсем больной, да и ты... Что с тобой случилось? В таком виде идти нельзя.

Коробов молча отстранил его. Азаров отскочил к стене, схватился за маховичок аварийного закрывания, крикнул:

— Не выпущу, клянусь! Отдохните хоть час, полчаса!

Коробов остановился и удивленно, как будто впервые увидел, посмотрел на Азарова; понял — действительно не выпустит.

— Ладно... Отставить выход, раздеваться. Тридцать минут отдыха.

Уже из каюты Коробов угрожающе сказал:

— Но чтобы через полчаса...

Азаров плотно затворил дверь, включил электрический сон и, вернувшись на место, стал пристально смотреть в микроскоп на крохотную частичку серого вещества. Но, посмотрев минуту, не выдержал, плечи его задрожали...

Только часа через два нашли они силы выйти из ракеты. Калве все же отговорил Коробова от немедленного похода в кибернетический центр: были и более неотложные дела. Решили, что пилоты сразу примутся за ремонт, Калве же сходит наверх один и посмотрит, нельзя ли каким-либо образом вос-

становить управление тем отсеком, где на пыльном полу лежат бездыханные тела товарищей.

Калве, тяжело ступая, направился к выходу из отсека. Коробов сказал вдогонку:

— Ты, Лаймон, только там не перемудри — видишь, как с ними осторожно надо.

— Постараюсь, — коротко ответил тот.

Перед тем как выйти из отсека, Калве проверил укрепленный на шлеме скафандра инвертор. Аппарат этот давал возможность увидеть на особом экране сеть электрических токов, даже если провода будут изолированы или скрыты: улавливая возникавшее вокруг проводников магнитное поле, инвертор преобразовывал его в видимое изображение. Прибор применялся для ремонта электрических сетей ракеты, но Калве надеялся использовать его и при исследовании устройства здешних кибернетических машин.

Он уже совсем собрался открыть дверь в коридор, и в этот момент Коробов сказал:

— Опять автоматы...

Голос его раздался одновременно во всех шлемах, Азаров и Калве обернулись. Открылось несколько люков в стенах ангара — до этого, припорошенные пылью, крышки их неразличимо сливались с гладью стен; из люков показались странные конусообразные механизмы, увенчанные сверху гребнями наподобие того, как украшались некогда шлемы римских легионеров.

Машины медленно продвигались вперед в полной тишине. Двое на эстакаде и Калве перед дверью смотрели на них с любопытством и тревогой.

Роботы подплыли чуть ближе, и стало ясно видно, что «гребни» их состоят из множества тонких и гибких рычагов. Они чуть двигались, плавно, во все стороны, словно механизмы, разминали, как пианисты, пальцы.

— Ого, это сколько же у них степеней свободы? — сказал Азаров.

— Мне это очень не нравится, — сказал Калве встревожено. — Это похоже на...

И в этот миг — словно его слова были командой — роботы резко изменили направление, разделились на две группы, одна из них направилась к головной части, другая — к корме ракеты. Штуальца зашевелились, вытянулись вперед.

— Держите их! — крикнул Калве, бросаясь к ракете.

Сверкнул радужный разряд, за ним еще и еще один...

— Осторожно! — изо всех сил крикнул Коробов. — Держаться подальше!

Над ракетой взвились струйки голубого дыма. Сквозь них было смутно видно, как роботы в двух местах словно присосались изогнутыми рычагами к бортам ракеты. Снова блеснул разряд, за ним целая серия, а потом разряды слились в сплошное пламя. Язык его был, как факел газовой горелки — только газ не мог бы гореть в этой атмосфере, — и так ярко, что слепило глаза. Казалось, вокруг ракеты запылал весь воздух.

Закрывая глаза от нестерпимого сияния прижатых к лицу пальцами, Калве все же рассмотрел, что огненный язык воп-

зился в тело корабля и медленно повел тонкую линию разреза...

— Ракета! — только и успел вскрикнуть он, и тотчас же Коробов дико заорал: «Бей!» — и бросился на ближайшего к нему робота. Тут уж было не до вежливости, не до межпланетной дипломатии, — происходило самое настоящее нападение на корабль, и надо было защищаться.

Коробов, размахнувшись, рубанул по ближайшему роботу, но инструмент отскочил от непроницаемого панциря. Автоматы работали, словно бы никто и не пытался им помешать, и разрезы в теле ракеты все углублялись и углублялись; они шли так ровно, будто ракета лежала на операционном столе, под ножом опытного марсианского хирурга, в окружении целой свиты огнедышащих ассистентов.

— Надо опрокидывать! — крикнул Калве, и все втроем навалились на робота, висевшего невысоко над полом, пытаясь перекосить его, оттащить в сторону. Но конус сразу же принял прежнее положение (очевидно, его равновесие регулировали специальные устройства), один из рычагов медленно, словно бы нерешительно, изогнулся, потянулся к Азарову. Коробов едва успел, подставив подножку, швырнуть Азарова на пол.

— С ума посходили! А если он ударит? — крикнул он. — Так мы их не остановим...

Короткий грохот прокатился по залу. Из кормы ракеты вырвался огненный меч, ударил в подвернувшегося робота. Тот мгновенно открылся пузырями, щупальца его бессильно свернулись. Через секунду изуродованный механизм опрокинулся набок, рванулся, как бы из последних сил, в сторону и рухнул на дрогнувший пол.

Казалось, покинутый людьми корабль решил обороняться своими силами. Потрясенный этим зрелищем, Коробов подпрыгивал на месте, сжав кулаки, кричал: «Дай им еще... еще дай!» И вдруг с ужасом понял, что произошло: автоматы заделали своими горелками топливные баки. Топливо не могло вспыхнуть в инертной атмосфере, но, видимо, какой-то не в меру усердный робот вспорол и бак, в котором содержался окислитель.

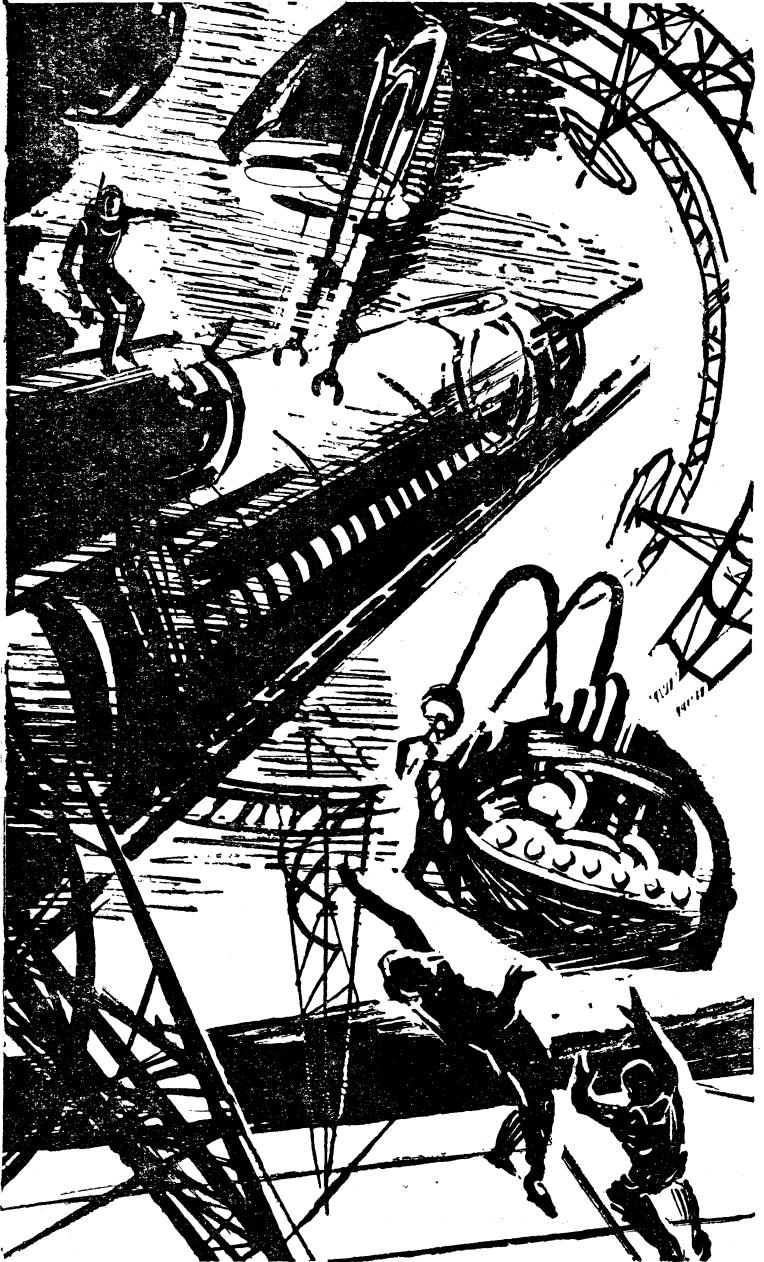
В любой миг мог произойти взрыв, способный разнести весь ангар! Коробов хотел уже крикнуть, чтобы товарищи спаслись...

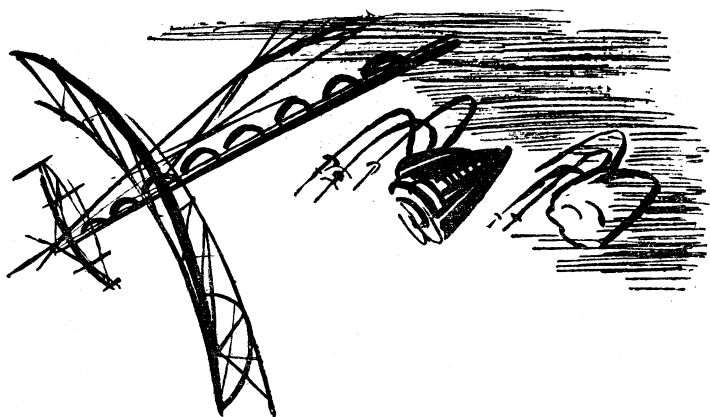
Но в этот момент огненный смерч погас. Остальные роботы вытянули по одному щупальцу в сторону бушевавшего пламени. Взвилось коричневое облачко, и пламя сразу опало.

Затем снова раздались гулкие удары: это почти одновременно в носовой и кормовой частях ракеты обрушились на пол два вырезанных куска облоочки. И сразу же, словно только этого они и добивались, роботы втянули щупальца и начали медленно удаляться в сторону открытых люков, из которых так внезапно недавно появились.

Атака по непонятной причине прервалась, но в любой миг можно было ожидать ее повторения. Надо было спастись из корабля все, что еще можно спасти...

Коробов торопливо нашел аварийную кнопку. Люк и внутренняя дверь распахнулись настежь. Калве, преодолевая сопро-





тивление вырвавшегося из ракеты воздуха (теперь было уже не до него), бросился в отсек, где хранились переносные баллоны кислородного резерва, обхватил один, с усилием приподнял и по узкому коридорчику, цепляясь за стены то баллоном, то скафандром, потащил к выходу. Коробов бросился в аккумуляторную: на всякий случай следовало подумать о спасении хотя бы части аккумуляторов; остаться без энергии было вряд ли лучше, чем без кислорода или продовольствия, спасением которого сейчас занялся Азаров.

Поставив баллон на пол, Калве бросился за следующим, но не мог не забежать по дороге в рубку — больше всего его заботили кибернетические устройства ракеты, скрытые за облицовкой стен...

Он пробыл там не более минуты и вышел с бледным лицом, пошатываясь: настолько ужасной была картина разгрома, которую он увидел. С ожесточением он вцепился в очередной баллон, взвалил его на плечо, поднатужился и захватил еще один под мышку.

Еще не понимая, что ракета потеряна, они продолжали спасать из нее все, что возможно. Азаров швырял из люка резервные блоки рации, прозрачные мешки с продовольствием и аварийным запасом воды — его везли с собой на случай выхода из строя регенерационного устройства, и вот теперь он пригодился: регенерационные аппараты вытащить из ракеты было невозможно. Коробов вынес из рубки бортовой журнал вместе с микрофоном и хранилищем магнитных лент. Осторожно положив его на пол, он, перед тем как снова влезть на эстакаду, спросил у Калве:

— А может, они совсем ушли? Может, наконец, вмешаются эти?..

Калве поднял лицо, по которому — видно было — стекали струйки пота, на миг задумался, прежде чем ответить, и замер, увидев, как медленно поднялась, уползла вверх пластина входной двери. Он выпустил из рук только что вынесенную им из ракеты коробку с пленкой, она покатила по полу... Коробов застыл в оцепенении.

На пороге появились странные фигуры. Примерно такого же роста, как и люди, они медленно, неуверенными шагами опасно и осторожно продвигались вперед. Они держались прямо, передвигаясь, как и люди, на двух конечностях и неуклюже размахивая, несомненно, руками. Их было только двое.

Молча, широко раскрыв глаза, Коробов и Азаров всматривались в надвигающиеся фигуры в черных, мешковато сидевших скафандрах. В цилиндрических шлемах не виднелось ни одного прозрачного окошка, позволявшего бы увидеть облик пришельцев.

Коробов пробормотал:

— Вот они... хозяева!

Азаров не выдержал и срывающимся голосом закричал:

— Немедленно... немедленно прекратите! Вы же разумные существа! Что вы наделали?!

Он кричал, не думая, что хозяева спутника могут его и не услышать, а даже услышав, не поймут...

Вошедшие ускорили шаги. Они двигались один чуть впереди другого и, казалось, вовсе не собирались вступать в переговоры. Вот первая черная фигура, неуклюже переваливаясь, побежала к ракете, за ней, точно, только с некоторым запозданием, повторяя все ее действия, побежала и вторая... Калве в оцепенении наблюдал за почти человеческими движениями этих представителей неведомого мира. Они торопились, очевидно, завершить работу, начатую послушными им автоматами.

Азаров вырвал из зажима универсальный инструмент, и когда первая из бегущих фигур поравнялась с ним, резко шагаул вперед. Калве трагическим жестом поднял обе руки, Коробов весь напрягся, рванулся вперед: то ли оттащить Азарова назад, то ли помочь ему, если разгневанные хозяева начнут с ним расправляться, — он и сам как следует не успел сообразить.

Столкновения не произошло. Видимо, хозяева были не драчливы. Они даже не попытались защищаться. Только одна из фигур — та, что повыше ростом, — пробегая мимо, на миг остановилась, подняла руку и вполне понятным, совершенно человеческим, укоризненным жестом постукала себя по шлему. Азаров от неожиданности отскочил, нервно засмеялся...

Чужие, цепляясь за эстакаду, лезли в ракету. Вот они уже скрылись в люке. Тогда и люди стягнули оцепенение, бросились за ними: в тесной ракете хозяева не смогли бы уклониться от объяснений. Коробов вскочил в люк первым, тяжело переводя дыхание, огляделся. Никого не было. Он бросился в рубку — и там пусто. Тогда он побежал по коридору в другую сторону. За ним, громко топая, бежали подоспевшие Азаров и Калве.

Пришельцы оказались в кислородном отсеке. Они торопливо вытаскивали из зажимов заряженные кислородные баллоны — те самые, служившие для питания скафандров. Потом завозились, помогая друг другу.

Земляне стояли неподвижно, угрожающе, загорая выходя из тесного помещения. Азаров все еще сжимал в руке универсальный инструмент. Калве лихорадочно соображал, как завязать разговор, как найти общий язык, попытаться объяснить,

что произошло какое-то недоразумение, попросить у хозяев помощи, которую они, разумеется, могли оказать...

В это время обе фигуры выпрямились. Черные скафандры распахнулись, упали — и под знакомым прозрачным шлемом Коробов увидел бесконечно дорогое разъяренное лицо Сенцова.

10

С опаской, как бы чего не задеть, не сдвинуть с места, пятеро космонавтов медленно пробирались по коридору чужой ракеты.

Свой корабль, честно служивший с самой Земли, решили покинуть временно, как они говорили, хотя в душе каждый понимал, что дорогая сердцу ракета больше никогда не взлетит. Слишком велики оказались повреждения, причиненные взбесившимися роботами; в обшивке ракеты прорезаны два широких отверстия: одно в носовой части, второе недалеко от кормы корабля. Ракета была разгерметизирована, а главное — в полную негодность приведены кибернетические устройства, оказавшиеся как раз на пути раскаленных струй горелок. Восстановить их, как сказал после беглого осмотра Калве, невозможно, а лететь без них нечего и думать.

Поэтому космонавты сделали то единственное, что им оставалось: сняли с ракеты все, что могло представлять для них какую-нибудь ценность, и перенесли в чужой корабль. Здесь хоть можно было снять скафандры и отдохнуть, подумать, что делать дальше.

Умом они понимали: случилось непоправимое. Но сердце отказывалось верить, что всякая надежда вернуться на Землю отрезана и долгие годы — или сколько им еще осталось жить — им суждено провести на этом спутнике. Пожалуй, выражение «долгие годы» было чересчур оптимистичным: из своей ракеты им удалось спасти лишь кислородный резерв. Демонтировать регенерационные установки в этих условиях без специальных механизмов было невозможно. Правда, в чужой ракете тоже был кислород, но сколько его еще оставалось в резервуарах, неизвестно; подача могла прекратиться в любую минуту.

А если и хватит кислорода, то впереди их подстерегают еще голод и жажда: когда будут исчерпаны все запасы, имевшиеся в ракете и рассчитанные лишь на время рейса, с небольшим аварийным резервом.

...Но так или иначе, отсрочку они получили. Сейчас Сенцов и Райн, уже побывавшие в здешней ракете, уверенно вели товарищей.

Космонавты миновали одну поперечную переборку. За ней коридор сразу расширился, пол его был выложен странными, неправильной формы плитками. Космонавты шли, и все время их преследовало чувство неловкости, какое охватывает человека, случайно попавшего в чужую квартиру в отсутствие хозяев, когда на каждом шагу открываются какие-то неожиданные, интимные, милые для посвященных, но ничего не значащие для посторонних подробности.

Вне ракеты этого чувства не было, как не было и самого ощущения дома: слишком уж обширными, на земной взгляд,

выглядели и ангар и весь спутник и слишком ясным было сугубо техническое назначение всех его помещений и устройств. Здесь же были другие масштабы, сравнимые с земными, и те самые подробности и мелочи, какие только и делают живым всякое жилье, подробности, указывающие не только на мысль, но и на чувство разумного существа: узор пола, странная, незаметно переходящая одна в другую окраска стен — с разных точек зрения одно и то же место воспринималось то зеленым, то золотистым, а то вдруг густо-синим, с какими-то светлыми прожилками. Осветительные плафоны в точности повторяли форму самого корабля; зеркальные пластины у дверей: неизвестным хозяевам свойственно было, видимо, стремление к нарядности, к праздничному блеску (а для настоящего звездолетчика всегда был и останется праздником каждый полет). Все это делало их существами, во всяком случае, понятными.

Обменявшись несколькими фразами по этому поводу во время краткой передышки в коридоре, космонавты двинулись дальше.

— Далеко вы нас ведете? — спросил Коробов, покряхтывая под тяжестью большого резервного баллона с кислородом.

— Не знаю, так далеко мы с Раиным не заходили... — ответил Сенцов. — Думаю, надо пройти в самый нос, расположиться там, а потом уже... ох!

Переборка была прозрачной, и Сенцов, шедший чуть впереди, не разглядев, налетел на нее. Несмотря на прозрачность, она обладала, похоже, твердостью легированной стали. Сенцов ожесточенно тер ушибленный локоть.

— Вот тебе на... Что же, дальше и пройти нельзя?

— Вот именно... — сказал подошедший Раин. Он тщательно ощупал переборку: в ней не было и намека на дверь.

— Так... — зловеще сказал Сенцов. — Опять начинаются загадки. Откровенно говоря, у меня пропало всякое желание их разгадывать. Но придется поискать, как же она убирается...

— Тогда только без меня, — мрачно сказал Коробов, отступая назад. — Я тут что-либо нажимать или открывать категорически отказываюсь. Хватит с меня одного приключения!

Сенцов улыбнулся, но на всякий случай тоже отошел подалее от перегородки.

— Что же, — спросил сзади Азаров, — так и будем стоять в коридоре?

Тогда Сенцов, рассердившись, решительно открыл ближайшую из боковых дверей. Она плавно укатилась вбок, в стену.

Их взглядам открылась довольно обширная комната. Она производила странное впечатление: по двум стенам ее хитро переплетались прозрачные и непрозрачные трубки, висели сосуды причудливой, невиданной на Земле формы; низкие шкафчики — на их дверцах тускло голубели выключенные экраны.

— Лаборатория какая-то, — сказал Сенцов.

— Комфортабельная лаборатория, — сказал Раин, указывая на занимавший всю середину комнаты низкий стол в форме буквы «S». Около него находились две бесформенные, как показалось на первый взгляд, кучи какого-то светлого вещества. Раин подошел, тронул рукой поверхность одного возвышения. Она мягко поддалась. Он уселся — часть бесформенного возвы-

шения полезла вверх, словно он вытеснил ее весом своего тела, образовала подобие спинки. Раин откинулся на нее, положил руки на колени, сказал с удовольствием:

— Удобно...

Не вставая, он оглядел цветные занавеси, висевшие на одной из стен. Они даже с земной точки зрения гармонировали с нежной окраской стен.

Войдя в комнату, остальные космонавты сложили на пол свой груз и теперь тоже с любопытством осматривались. Азаров присел на стоявшее поодаль, в самом углу, ложе из такого же, как кресло, непонятного материала. Ложе опустилось под ним, обхватило его со всех сторон... Сенцов подошел, сел рядом, сказал:

— Противоперегрузочное устройство, что ли? Сидишь на нем — веса своего не чувствуешь.

Коробов разглядывал стены. На них кое-где виднелись неправильной формы выступы, похожие на рамки, но пустые — ни рисунков, ни фотографий, чистая белая поверхность.

Кроме ложа и столика с двумя креслами, в этой части каюты ничего не было, хотя места оставалось столько, что, по замечанию Азарова, могла бы танцевать не одна пара. На стенах виднелись какие-то головки, кнопки. Нажимать их и вообще что-нибудь трогать Сенцов сразу категорически запретил, хотя и у самого чесались руки.

— Нельзя, — сказал он в ответ на обиженное возражение Азарова. — Не говоря уже о том, что здесь в любую минуту могут оказаться хозяева...

Насчет хозяев он сказал с неким умыслом. Все были подавлены набегавшими одно за другим событиями. Следовало дать ребятам возможность выговориться, отвести душу. А о хозяевах спутника и этого корабля наверняка захотят поговорить все.

Так оно и получилось.

— Насчет хозяев — это старая песня, — сказал Азаров. — Кто их видел? Никто. Кто видел хотя бы их след? Тоже никто. Уж если ни один из них не счел нужным до сих пор показаться — значит, на всем спутнике нет ни одной живой души. Одни автоматы.

— Допустим, — отозвался Коробов. — Их действительно сейчас может и не быть на спутнике. И тем не менее не исключено, что в любую минуту они могут появиться.

— Откуда? — запальчиво спросил Азаров. — Из воображения? Оно не у всех такое необузданное, как у тебя...

Коробов пропустил выпад мимо ушей.

— Почему из воображения? С планеты.. От Марса нас отделяют всего двадцать три тысячи километров. Для такой вот ракеты расстояние пустяковое. Предположим, что спутник действительно автоматизирован до предела. Но время от времени сюда могут являться и его настоящие хозяева, ну, для контроля, что ли, для наладки... А кто может поручиться, что те же автоматы не сообщили им о нашем прибытии и сейчас их ракета уже не находится где-нибудь поблизости?

— Поручиться, конечно, трудно... — сказал Раин. — Но все же это кажется маловероятным.

— Почему?

— Потому, что это не дает ответа на один вопрос: почему в течение всех этих лет, обладая такой первоклассной стартовой площадкой для космических путешествий, как этот спутник, и такими кораблями, как тот, в котором мы находимся (он похлопал ладонью по креслу), они до сих пор не посетили Землю?

— Вопрос не новый, — сказал Сенцов.

— Тем не менее закономерный. Ответ может быть, как я считаю, только один: они не посетили нас потому, что их здесь давно нет.

— Как давно? — спросил Азаров.

— По меньшей мере с тысяча девятьсот восьмого года...

— Но что же могло произойти на планете за несколько десятков лет?

— А почему обязательно на планете?

— Ну, знаешь ли, — сказал Коробов, — это уже несерьезный разговор. Что же, по-твоему...

Сенцов с удовольствием слушал разгоревшийся спор: все, казалось, и в самом деле забыли, в каком положении очутились. Три голоса звучали переплетаясь... Кстати, почему только три?

Сенцов перевел взгляд на Калве. Тот как вошел в каюту, так и стоял возле двери, даже не присел, только положил на пол свой мешок с водой. Он даже не открыл, как другие, шлем скафандра, и лицо его за отблескивавшей пластмассой было плохо различимо.

— Лаймон, а ты как думаешь? — спросил Сенцов.

Калве не пошевелился. Тогда Сенцов встал, подошел к нему, крепко тряхнул. Калве медленно откинул шлем: лицо его неузнаваемо осунулось, редкие волосы были взъерошены, глаза упрямо прятались за веками.

— Да что с тобой?

— Ничего... — ответил Калве, едва разжав губы. — Устал.

— Так хоть сядь отдохни...

— Да, благодарю, — сказал Калве вежливо. — Я действительно сяду отдохну...

Он уселся во второе кресло, откинул голову, закрыл глаза. Спор прервался, и Сенцову подумалось, что и самих спорящих сейчас интересовал не столько предмет спора, сколько сам разговор, чтобы можно было хоть несколько минут не думать о том, о чем не думать было нельзя.

— Ну, так до чего же договорились? — весело спросил Сенцов.

— До того, что на хозяев рассчитывать не приходится, — криво усмехнулся Азаров. — Выбираться придется самим... Ну ладно, об этом еще успеем... Вы бы хоть рассказали, как вам удалось выбраться.

— Это у него спрашивайте, — Сенцов кивнул на Раина. — Я играл, так сказать, чисто страдательную роль. Очнулся в тамбуре ракеты, а потерял сознание еще внизу. Это он и люк разыскал и меня перетащил... Как ему это удалось, не понимаю.

— Я и сам не понимаю, — улыбнулся Раин. — Сказали бы раньше — не поверил.



— Ну, а потом мы тут немножко осмотрелись, хотели определить хотя бы, откуда поступает кислород и нельзя ли нам подзарядить свои баллоны. Надежда, конечно, фантастическая. И, понятно, никаких баллонов и зарядных установок не нашли. Далеко заходить не стали — хотелось скорее выбраться к вам, да и, кроме того, надоели уже всякие неожиданности вроде дверей, которые не желают открываться...

Коробов смущенно закашлялся, Сенцов улыбнулся.

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается... Словом, на помещение со скафандрами мы наткнулись совершенно случайно, — это была ближайшая к выходу дверь. Ну, и нам, естественно, пришлось в голову испробовать, а нет ли в скафандрах кислородного заряда.

— Это тебе пришлось в голову, — сказал Раин. — Я бы на это никогда не решился. Шутка ли, надеть чужой скафандр, на котором ни баллонов нет, ничего похожего...

— Ну, я тогда об этом не очень задумывался, — сказал Сенцов. — Все это получилось как-то внезапно. Я открыл эту дверку...

— Ага, вот это — скафандры! — сказал Сенцов.

Двенадцать скафандров стояли, распяленные зажимами. Они не могли быть не чем иным, как скафандрами, и рассчитаны были явно на существа прямо ходящие, с двумя верхними и двумя нижними конечностями. Только высотой эти существа должны быть, пожалуй, не меньше двух метров.

— Ну вот... — сказал Сенцов. — Вот такими они и были...

Забыв о поисках кислорода, оба рассматривали скафандры, мяли пальцами материал, вглядывались. Сделаны они были из какого-то непонятного, на ощупь мягкого, эластичного вещества черного цвета.

— Да, великаны, — тихо сказал Раин.

— Почему только шлемы у них непрозрачны? — сказал Сенцов негромко, будто разговаривая сам с собой. — А ну-ка...

Он осторожно высвободил из зажимов один скафандр.

— Помоги-ка... — не снимая своего скафандра, он сунул ноги в чужой, напомилавший комбинезон с расстегнутым от пояса до ворота верхом.

— Ты в нем утонешь, — сказал Раин, которому эта примерка казалась по меньшей мере ненужной.

Сенцов влез в комбинезон. Рукава и штанины сложились гармошкой. Раин откровенно рассмеялся.

— Ладно, ладно, — ворчливо сказал Сенцов, — хорошо смеется тот... Только как его застегивают?

— На одну пуговицу, как летний костюм, — сказал Раин, все еще посмеиваясь: уж очень комичным выглядел Сенцов в скафандре «на вырост». Пуговица, на которую указал Раин, находилась там, где должна была быть пряжка пояса, если бы скафандры имели пояса.

— На пуговицу? — с сомнением сказал Сенцов. Скептически повертел пуговицу двумя пальцами. Она послушно повернулась, и разрез комбинезона начал медленно исчезать, словно

невидимая «молния» соединяла оба его края так, что не осталось даже следа.

— Можно и на пуговицу, — победоносно сказал Сенцов. — Ага, а это, очевидно, для шлема... Ясно. Ну, одевайся.

— Зачем? — спросил Раин.

— Сейчас я надену шлем. Не думаю, чтобы скафандры стояли у них не готовые к выходу. Это противоречит логике... Значит, в них должен быть кислород. Если это действительно так, в них мы дойдем до ракеты.

— А если...

— А если нет, тогда... Тогда ты еще раз спасешь меня.

...Через несколько минут оба с надетыми шлемами уже стояли перед входным люком. Странно: кислород в скафандры поступал, хотя никаких баллонов не было.

За ними захлопнулась дверь, закрывая вход в ракету. Потом стал медленно втягиваться люк.

— Смотри! — вскричал Раин. — Смотри-ка, свет!

Сенцов его не услышал: радиосвязь в этих скафандрах — если она была — они не сумели включить. Раин не видел и лица Сенцова: снаружи шлемы казались непрозрачными, хотя изнутри все было отлично видно. Но Сенцов и сам увидел свет и порывисто поднял обе руки, словно вместо этого неверного, дрожащего сумеречного освещения увидел настоящее земное солнце...

Медленными шагами они пересекли зал. Руки и ноги тонули в складках скафандров. Оба думали об одном и том же: раз есть свет, почему бы и дверям не оказаться в порядке?..

И действительно, дверь открылась легко, словно это и не она заставила их пережить нелегкие минуты. Сенцов бросил прощальный взгляд на чужую ракету.

— Ну, — сказал он ей, — пока...

Но, конечно, он не думал, что свидание состоится так скоро и таким образом. Иначе он, возможно, и не стал бы говорить «пока».

— ...Иначе я не стал бы говорить «пока», — закончил Сенцов. — Вот так все и случилось... Кстати, из ваших объяснений я понял, почему мы оказались взаперти. Но отчего механизмы снова начали действовать?

Коробов взглянул на Калве. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами: уж не заснул ли от усталости? Коробов потянул его за рукав. Тогда Калве медленно, как сквозь сон, ответил:

— Что же удивительного, машина такой мощности имеет возможность вместо неисправной подключить другую секцию. А может быть, это вещество регенерирует. Не разобравшись, трудно сказать.

— Да... — протянул Коробов. — Но каким образом ваш счетчик оказался все-таки в ангаре совсем в другой стороне? Он ведь и сбил нас с толку.

— Какой это счетчик? — недоуменно спросил Сенцов.

— Да вот этот! — ответил Коробов, доставая злополучный приборчик из кармана.

— Мы не брали никакого счетчика, — сказал Раин. — Или, может, ты брал?

— Нет, — сказал Сенцов, внимательно разглядывая прибор. — Нет, и я не брал. Постой-ка, постой... Ну, конечно!

Он сжал счетчик в руке, выпрямился.

— Действительно, наш. Ленинградская марка. Но как он... А может быть, вы сами? А? Петро? Лаймон?

— Дай-ка, — сказал Раин. Взял счетчик. Приблизив к глазам, осмотрел. Усмехнулся. — Нет, не наш.

— По-твоему, марсиане пользуются ленинградскими счетчиками?

Вместо ответа Раин указал на чуть заметную метку на торце прибора.

— Читай: «А-4»... Четвертая автоматическая, — сказал он. — Это счетчик с автоматической ракеты. Только как он сюда попал?

— Глаза астронома... — сказал Сенцов. — Да, твоему зрению позавидуешь. Значит, до нас здесь побывала хотя бы одна из наших исчезнувших автоматических ракет... Вы ее не заметили?

— Там не было ракеты, — в один голос сказали Коробов и Калве.

— Еще одна загадка! Вот и работа нам нашлась: разузнать, что стало с той ракетой.

— Наверное, то же самое, что с нашей, — сказал Азаров. — Эти автоматы, по-моему, специально натренированы готовить из всех ракет, что попадают им под руку, колбасную начинку.

— Кстати, — спросил Сенцов, — есть не хотите?

Никто не ответил.

— Что же это вы, а? — укоризненно сказал Сенцов. — Все робинзоны начинали с того, что прежде всего как следует наедались. Говорят, на полный желудок легче переносить...

Снова никто ему не ответил. Калве продолжал сидеть, погруженный в думы. Коробов встал, начал расхаживать по каюте, подходил то к одной, то к другой стене, внимательно разглядывал сосуды, кнопки, пустые рамки, что-то бормотал или напевал под нос. Насупившийся Азаров следил за ним взглядом; наконец, когда Коробов запел особенно громко и особенно фальшиво, не вытерпел:

— Ну, кончай ты, ради бога. Не мелькай перед глазами и не пой! Тут и без твоего музицирования тошно.

Коробов, ничуть не обидевшись, тотчас же умолк. Сенцов сказал:

— Ну что ж, так и будем молчать? Положение наше, как говорится, не самое веселое. Но вот мы с Раинным, например, вообще думали, что конец пришел! И все же на этот раз автоматы нас не одолели.

— Но в будущем это не исключено! — вставил Азаров с нервным смешком.

— Ну-ну, не так-то это просто, — успокаивающе сказал Сенцов. — В конце концов нас пятеро — это больше, чем тысяча автоматов.

— Пока счет не в нашу пользу...

— Все это было слишком неожиданно. При подготовке космонавтов на Земле еще не читают курса поведения в чужих местах, — сказал Сенцов.

— Скоро начнут, — усмехнулся Коробов.

— Да, если мы сможем добраться до Земли или хотя бы сообщить на Землю обо всем случившемся... — сказал Сенцов. — Мы не имеем права подвергать риску другие корабли, которые, безусловно, еще пройдут к Марсу. Надо их предупредить, чтобы не повторяли наших ошибок.

— Какие ошибки? — спросил Раин. — Ну, хорошо, мы с тобой могли и не выйти на поверхность. В таком случае мы все пятеро оказались бы вместе с ракетой в ангаре. Ну, а потом? Чем объяснить нападение роботов? Опять нашей ошибкой? Какой?

— Не знаю, — откровенно сказал Сенцов. — Но это-то нам и надо установить, чтобы на нашем опыте учились другие. Трудно, конечно, сказать, чем руководствуются роботы и логические устройства другого мира...

— Программой, — внезапно, не открывая глаз, сказал Калве. — Только программой.

— А почему у них должна быть такая программа, чтобы уничтожать чужие ракеты? Ведь случай довольно редкий, вряд ли для него могла быть выработана программа.

Калве открыл глаза, сел прямо.

— В том-то и дело, что такой программы не было, — сказал он. — В том-то и беда.

— Что-то уж очень туманно, — проговорил Сенцов. — Ты, Лаймон, давай без загадок и иносказаний.

Калве хмуро посмотрел на него. То ли он так тяжело переживал потерю своих любимых кибернетических устройств, то ли какая-то мысль тяготила его, но Калве было не узнать. От его всегдашнего благодушия не осталось и следа, движения стали нервными, порывистыми.

— Скажи, — обратился он к Раину, — ты, когда мы шли к этой ракете, кажется, упоминал, что сначала наткнулся на другой люк, который тебе не удалось открыть?

— Ну, действительно, так и было, — сказал Раин. — А при чем...

— Подожди минутку, — Калве резко вытянул руку. — На каком расстоянии этот люк находится от кормы корабля?

— Ну... приблизительно метров десять-двенадцать.

— Ну вот... А вы обратили внимание, в каких именно местах автоматы прорезали оболочку ракеты?

— Погоди, погоди! — вскочил Сенцов. — Два отверстия... Одно в носовой части, другое...

— На расстоянии приблизительно двенадцати метров от кормы, — закончил Калве. — Теперь ясно? Автоматы и не имели такой программы — разрушить ракету. Наоборот...

— Починить, что ли? — спросил Азаров.

— Мне стыдно, — сказал Калве вместо ответа. — Я должен вам признаться, что мне больно и стыдно за себя. Я ведь считаю себя специалистом в этой области, как вы знаете, участвовал в разработке многих систем — кибернетических систем самого разного назначения.

— Ну, это мы знаем, — сказал Сенцов.

— Ошибка, о которой вы говорите, моя ошибка. Я не предусмотрел, хотя, если бы было время поразмыслить, я бы наверняка догадался...

— К сожалению, у нас этого времени не было, — сказал Коробов. — Не так развивались события, чтобы сидеть и размышлять.

— Когда я первый раз увидел эти автоматы, шнырявшие вокруг ракеты и подававшие какие-то сигналы, — продолжал Калве уже более твердым голосом, — я должен был задать себе вопрос: а что им нужно? Зачем они тут и что их интересует?

— Мы задали себе такой вопрос, — сказал Коробов.

— Да. Но нас тогда интересовало одно: не нанесут ли они какого-либо вреда ракете. Мы подождали и убедились, что никакого непосредственного — подчеркиваю, непосредственного — вреда они ракете не причиняют. И мы успокоились.

— Я начинаю понимать, — пробормотал Раин.

— Вот-вот... Логически рассуждая, что должно произойти с ракетой, когда она возвращается на свою базу из космического рейса? Вы пилоты, вы лучше знаете.

— Ну, естественно, она должна подвергнуться осмотру, контролю...

— Вот именно. И ее подвергли осмотру. Осматривали ее автоматы. Осматривали, конечно, не в буквальном смысле слова. Очевидно, в их ракетах — хотя бы в этой самой — в определенных точках вмонтированы какие-то датчики, которые в ответ на запрос автоматов-информаторов дают им сведения о состоянии ракеты в целом, ее отдельных узлов и механизмов. И эти автоматы требовали таких сведений...

— И не получили... — пробормотал Сенцов.

— Конечно, потому что наша ракета устроена совершенно иначе и на такой контроль не рассчитана... Но при программировании действий автоматов, как я уже сказал, прибытие чужих ракет предусмотрено, естественно, не было. А какой вывод должно сделать логическое устройство, управляющее автоматами?

Калве сделал паузу. Все сумрачно молчали.

— Вывод, что ракета неисправна. Если кибернетическая централь получает от своих автоматов-рецепторов сплошные нули, то... Далее. Автоматы, очевидно, отметили, что в ракете не открылся ни один люк.

— Как же не открылся? — сказал Коробов. — А мы с тобой что, сквозь оболочку вышли, что ли?

К его изумлению, Калве кивнул головой.

— Вот именно. Для них именно сквозь оболочку, это ты очень хорошо сказал. Ведь автоматы искали люки именно в тех местах, где расположены люки у их ракет: в носовой части и у кормы, на расстоянии...

— Десяти-двенадцати метров! — вставил Раин.

— Совершенно правильно. Ведь даже такое мощное кибернетическое устройство — это не мозг... Оно повинуетея программе, а в этой программе могло быть предусмотрено что угодно, кроме того, что люк из определенного места ракеты переместится на десяток метров в сторону.

— Да, это незачем было предусматривать, — признал Сенцов.

— Вот видите! Зато можно было предусмотреть другое: что люки — очевидно, такие случаи у них бывали — при полете корабля сквозь атмосферу чужой планеты или вследствие иных причин могли выйти из строя...

— Завариться или заклинить от удара метеорита, — вставил Коробов, — или...

— Это неважно. Факт тот, что в таких случаях киберустройства, очевидно, должны были попытаться вскрыть люки, чтобы помочь выйти экипажу — если уцелел экипаж, — или хотя бы, чтобы дать возможность проникнуть в ракету снаружи, извлечь материалы экспедиции, заняться ремонтом корабля... И вот в действие вступили автоматы, которые начали вырезать люки.

— Вырезанные ими отверстия были уже этих люков, — возразил Азаров.

— Ну, правильно, — сказал Сенцов. — И я бы так поступил. Они вырезали отверстия в крышках люков: крышку потом легко заменить.

— Ну вот, — закончил Калве. — Вот, как я считаю, разгадка того, что произошло с ракетой. Возможно, все это не так просто. Не исключено, что...

— Подожди! — прервал его Азаров. — А почему эти автоматы начали действовать с таким замедлением?

Калве помолчал.

— Я думаю, — сказал он затем, — что тут сыграли роль... мы сами. Автоматы, безусловно, реагируют на присутствие живых существ, людей или как там надо их называть... Возможно, люди нашли бы другой выход. В таком случае в кибернетический центр была бы послана соответствующая команда. Недаром у меня все время было такое чувство, что за мной наблюдают. Это была выжидательная пауза. Ведь автоматы и управляющий ими центр не могут мыслить, они не могли понять, что мы появились именно из ракеты, а не извне. Вот почему они ждали, но программа не была изменена.

— А это значит, — добавил Раин, — что в общих чертах они действительно были похожи на нас, как о том свидетельствуют скафандры. Марсиане они или не марсиане, но должны быть очень близки нам по строению.

— Это и странно, — сказал Сенцов. — Ведь все-таки трудно предположить, что форма бытия Разума исчерпывается человекоподобными.

— Очевидно, — сказал Раин, — на той планете, откуда они родом, условия в основном сходны с нашими.

— Хорошо, — прервал его Сенцов, которому новый научный спор сейчас вовсе не казался необходимым. — На досуге мы поговорим и об этом. А сейчас важно другое. И наши ошибки и опасности, угрожающие как во время облета Марса, так и при посадке на Деймос, нам теперь в общих чертах ясны. Значит, остается только решить те задачи, которые выдвигает обстановка: задачу отлета и задачу связи; вернее, наоборот — прежде всего задачу связи с Землей, потом уже отлета. Вот над чем надо думать.

В каюте воцарилось молчание. Что можно было предложить? Ракета непоправимо выведена из строя, при нападении роботов пострадала и рация дальней связи.

Сенцов, видя, что товарищи уже немного отдохнули, приказал возобновить переноску снятых с земной ракеты грузов. Все принялись за дело. Перетащили все, что еще оставалось необходимого для жизни, и кроме того, катушки с результатами научных наблюдений, записями телемагнитоскопов, рулоны диаграмм, вычерченных самописцами за время полета, боржурнал, некоторые уцелевшие приборы и даже личные вещи.

Затем они подкрепились, и Сенцов приказал отдыхать. После детального осмотра коридора оказалось, что здесь на каждого приходилась одна каюта-лаборатория, да еще семь оставались пустыми. Впрочем, это не радовало: в своей ракете было хоть в тесноте, да не в обиде.

Сенцов казалось, что едва доберется он до уже знакомого мягкого, убаюкивающего ложа, как моментально уснет. Но стоило лечь и закрыть глаза, как сон ушел окончательно и бесповоротно.

Сенцов лежал смертельно усталый и знал, что не заснет, пока не найдет хотя бы направления, в котором им следует действовать.

Он встал, вышел в коридор. Подошел к прозрачной перегородке. Продолжавшийся за нею коридор через несколько метров упирался в дверь — там, видимо, и находилась рубка. Ворвавшись, Сенцов вопреки собственному запрету попытался как-нибудь сдвинуть перегородку. Это ему не удалось, и тогда он начал медленно ходить взад и вперед по коридору, стараясь ненароком не разбудить товарищей.

У двери каюты, где поместился Раин, он прислушался: астроном имел обыкновение похрапывать во сне. Действительно, из-за двери доносились едва уловимые звуки, но какие-то странные. Сенцов тихо приоткрыл дверь — и остановился, изумленный.

Раин вовсе не спал. Он сидел у стола и слушал Калве, что-то говорившего ему вполголоса.

Сенцов хотел было выругать их за нарушение приказа, но тут же спохватился: а сам... Ясно, мысль о выходе из положения занимала не его одного. Он вопросительно взглянул сначала на Калве, потом на Раина. Раин пожал плечами, Калве отрицательно покачал головой.

Сенцов присел рядом с Раином. И тут же в открытую дверь заглянул Коробов и, усмехнувшись, вошел в каюту. За ним — Азаров. Все снова были в сборе.

— Ну, раз пришли — предлагайте, — сказал Сенцов.

— Да мы тут думали... — сказал Раин. — Восстановить никак нельзя?

— Никак, — коротко ответил Сенцов.

— Мне все же кажется, — сказал Калве несмело, — мне лично кажется, что мы могли бы воспользоваться этой ракетой, не так ли? В конце концов это тоже космический корабль. — Он умолк, поочередно вглядываясь в лицо каждого пилота.

Коробов терпеливо ответил:

— Это действительно тоже космический корабль, в этом ты прав. И велосипед и гоночный автомобиль — транспорт. Но по-

сади велосипедиста на гоночную машину и предложи ему ночью добраться, скажем, из Риги в Москву. Учти, что он ни разу в жизни не управлял автомобилем. Учти, что он может пользоваться только картой мира в масштабе один к двадцати миллионам. У него из ста шансов — десять расколоть машину еще в гараже и примерно восемьдесят девять — свалиться в кювет на первом же повороте. Притом у него все-таки раз в десять больше возможностей добраться до цели, чем у нас.

— Куда в десять — в сто! — сказал Сенцов. — Он хоть понимает, что автомобиль надо заправить бензином. А что мы знаем об этой ракете?

— К тому же Москва стоит на месте, — добавил Азаров. — Земля — нет.

— Перечислять все, чего мы не знаем об этой ракете, можно без конца, — продолжал Сенцов. — Как проникнуть в рубку? Как ракета управляется? Как выводится из ангара? Какие ускорения развивает? Этих «как» очень много. Но главное даже не это. Будь мы сейчас в рубке, у пульта управления, все равно я бы не решился нажать ни одной кнопки...

— Почему? — насторожился Азаров.

— Эту ракету строили не люди, а иные существа. Мы не знаем образа и рита их жизни, привычек, потребностей. Может быть, для них являются естественными такие вещи, которые для нас смертельны. То, что мы пока ни с чем подобным не столкнулись, еще ничего не значит. У нас нет доказательства, что они мыслили и чувствовали так же, как мы. И пока мы таких доказательств не найдем, эти существа останутся для нас тайной за семью печатями. А мы их не найдем, если только не встретим кого-либо из них, на что надежды, как вы сами понимаете, мало...

— Так что же делать? — тихо спросил Калве.

— Отдыхать! А затем пойдем еще раз к нашей ракете и на месте посмотрим, не удастся ли все же смонтировать передатчик из остатков раций и запасных частей. Не забывайте, первая задача — связь! Ну, утро, как говорится, вечера мудренее...

Он встал, но никто не торопился расходиться. И тогда Калве тоже поднялся с места, высокий, тяжелый, грозно навис над Сенцовым.

— Вы хотите доказательств? — спросил он неожиданно тонким голосом. — Хорошо, вы их получите. Я их ищу, ищу и нахожу!

— Что ж, — сказал Сенцов, серьезно глядя на Калве. — Я повторяю: никаких авантюр, никакого ненужного риска допущено не будет. В конце концов здесь нам немедленная гибель не грозит, а работы и на спутнике сколько угодно. Но если будет действительно серьезные доказательства того, что полет на чужой ракете не грозит нам никакими опасностями — сверх обычной нормы, конечно, — что мы можем понять то, что понимали и чем владели строители и пилоты этого корабля, если все это будет, — тогда мы, безусловно, полетим.

— Я найду! — твердо сказал Калве

Странно, после этого заявления Калве, человека, казалось, меньше всех смыслившего в расчетной технике, знатока только кибернетических машин, у всех на душе полегчало. Не выход и

даже не путь к выходу, а все же какой-то краешек надежды забрезжил впереди...

— Вот так... — сказал Сенцов и вдруг почувствовал, что ему страшно хочется спать.

— Да, самое время отдохнуть, — ответил Коробов, позевывая. — Действительно, утро вечера мудренее...

11

Когда проснулись и позавтракали, Сенцов сразу же задал всем работы.

Приходилось искать сразу в нескольких направлениях. Первоочередной задачей было установление связи с Землей, поэтому Азарову поручили еще раз обследовать земную ракету и демонтировать все, что еще осталось от передатчика. Может быть, удастся собрать хоть какое-нибудь подобие рации.

Помимо этого, надо было начать как-то разбираться хотя бы в основах окружавшей их техники. Кто знает, может быть, таким путем можно хотя бы постепенно освоить управление чужим кораблем. Для этого решили прежде всего тщательно исследовать робот, валявшийся возле их старого корабля и поврежденный при вспышке топлива. Этим занялись Сенцов и Раин.

А Калве с той же целью — ознакомиться и попытаться понять принципы устройства и действия — отправился наверх, в кибернетический центр. Его задача была, пожалуй, важнейшей: нельзя вечно жить под угрозой какой-нибудь новой неприятности со стороны кибернетических машин и руководимых ими автоматов.

Коробов продолжал детальный осмотр чужой ракеты, чтобы точно выяснить запасы кислорода и электроэнергии, которыми они располагали.

Все без лишнего разговоров взялись за дело.

С роботом справиться оказалось нелегко. С трудом удалось разрезать его поврежденную пламенем оболочку электрическим резаком. Как и ожидали, под колпаком ничего похожего на кибернетическое устройство не оказалось. Всего несколько приборов, какие-то цилиндрические непрозрачные аппараты и небольшие многоугольные ящики. На блестящих стержнях, которые могли служить выводами, Сенцов при помощи тестера обнаружил слабое напряжение. Стерженьки эти входили в цилиндры, туда же тянулись гибкие ленты непонятного назначения.

Самым интересным в автомате оказались рычаги-щупальца. Сенцов и Раин долго пытались добраться сквозь твердешую броню из непонятного материала до этих рычагов, но так и не смогли: никаких рычагов просто не было. То, что они принимали за предохраняющую оболочку, оказалось самой машиной — без сочленений, без всяких деталей, твердый и в то же время необычайно гибкий монолит. Чем он приводился в движение, было также непонятно: к нему не подходили никакие движущиеся части. Они попробовали присоединить один из рычагов к цилиндрам с напряжением. Твердое щупальце начало изгибаться, сокращаться, как мускул, только с гораздо большей силой; рычаг толщиной в палец свободно поднимал кислородный баллон, большой стационарный баллон из ракеты!

Видимо, конструкторы этих машин применяли не механические схемы, подобные земным, а нечто совсем иное: им удалось получить вещество, непосредственно превращавшее электрическую, а может быть, химическую энергию в движение.

— Гораздо экономнее с точки зрения расхода энергии, — воскликнул Раин. — Высшая ступень!

Оба долго сидели над разобранным роботом: чтобы понять все тонкости его устройства, нужны, пожалуй, не дни, а недели... И непонятно, как все это им поможет освоить ракету?

— Ну, уж и ракета... — прервал их размышления довольный голос подошедшего Коробова.

— Что? — насторожился Сенцов.

— Отличная машина! — Коробов замотал головой от восхищения.

— А кислород нашел?

— Кажется, да... Твердой уверенности, правда, нет. Хранилище большого объема, но не с газом и не с жидкостью, а с твердым веществом. К нему присоединены такие же аппараты. По моим соображениям, они и превращают твердый кислород в газ.

— Из чего же вы заключили, что это кислород? — спросил Раин.

— А вот из чего. На всех хранилищах имеется такой вот знак, — Коробов пальцем нарисовал на матовой поверхности защитного кожуха робота точку, вокруг нее — два концентрических кружка и на внешнем из них — шесть точек. С минуту все смотрели на медленно тающий рисунок.

— Понятно? — спросил Коробов. — Атом кислорода — шесть электронов на последнем, втором, уровне... Хорошо, что хоть в этой области их символика нам понятна. Нашел я и другие хранилища с таким вот знаком...

— Водород, — сказал Раин.

— Именно. Это решает проблему воды хотя бы в принципе. Следовательно, воздухом и водой мы обеспечены основательно.

Сенцов нетерпеливо спросил:

— А насчет двигателей ничего не ясно?

— До двигателей я добраться не смог... — медленно сказал Коробов. — Там глухая переборка. Как только я подошел, сразу завывало, залаяло... Что-то вроде сирены. Только очень высокие тона. Очевидно, предупреждение об опасности. Не с нашими скафандрами туда лезть.

— Значит, совсем ничего?

— Единственное, что можно сказать, — двигатели, топливо и все остальное занимают гораздо меньше места, чем на нашей ракете, не только по отношению ко всему объему, но и абсолютно. Я специально шагами вымерял...

— Значит, двигатель не химический, — сказал Сенцов. — На каком же приводе? Какое топливо?

— Вероятнее всего, атомное, — ответил Коробов. — Иначе не было бы сигнала опасности.

— Сомневаюсь, чтобы было атомное, — сказал Сенцов. — Я ракету осмотрел снаружи, пока вы спали... Совершенно не то сопло, какое нужно для атомного двигателя, по крайней мере по нашим соображениям.

— Ну, на это вообще внимания обращать не следует, — не согласился Коробов. — И весь этот корабль не так массивен, как наш: переборки миллиметровой толщины, а прочность изумительная.

— Да я не о прочности говорю, — сказал Сенцов. — Курс двигателей помнишь? Принципиальные основы атомного двигателя? Ну вот, а тут совсем не то...

— Я прикидывал, — сказал Коробов. — Если там химическое топливо, то, каким бы совершенным оно ни было, этой ракете дальше Марса не уйти. А вдруг они только на Марс и ходили? — Он помолчал и неожиданно спросил. — Ну как, обедать будем?

— Надо подождать ребят, — ответил Сенцов. — Они там тоже увлеклись. Да, это невесело — то, что ты говоришь...

— Все оборудование ракеты указывает, что она предназначена для дальних рейсов, — вставил Раин. — Даешь Землю!

— Пока мы не знаем... — начал Сенцов.

— Даешь обед! — перебил Коробов. — Ага, Витя прибыл. Ну, что там у тебя? Демонтировал рацию?

— Что осталось — демонтировал, — угрюмо ответил подошедший Азаров.

— Ну и как? Выйдет что-нибудь?

Азаров пожал плечами, ответил:

— Разве что любительский приемник...

— Так-так... — невесело сказал Сенцов. — А на Землю сообщить все же надо. А вообще в ангаре как? Спокойно?

— Какое спокойно! → мотнул головой Азаров. — Опять этих полно.

— Режут?

— На сей раз летают. Что-то приваривают, уже навесили одну крышку люка, сейчас возьмется с другой...

— Ясно, — сказал Раин. — Они продолжают выполнять свою программу: ремонтируют ракету... Жаль, что нам это помочь не может: как бы ни ремонтировали, вычислителей они нам не восстановят.

— Да, — сказал Сенцов, — с нашим кораблем мы простились навсегда.

— Но интересно, — проговорил Раин, — до чего они дойдут?

— Ну, для того чтобы это определить, надо быть знатоком их тонких душевных движений, — съязвил Азаров. — Как Калве, например... А кстати, где он?

Из ангара Калве почти бегом поднялся наверх. Он замедлил шаг, лишь попав в знакомый зал, где серая масса грелась в фиолетовых лучах.

Здесь он сразу перестал спешить, начал все рассматривать так внимательно, задумчиво, неторопливо, словно в запасе у него была еще целая вечность.

Каково, например, назначение вот этого сооружения в центре зала? Небольшой прямоугольный постамент, похожий на высокий столик. В центре его круглый, чуть наклоненный экран, на нем светятся, переливаясь, четыре огонька. Калве склонил над экраном прозрачный шлем.

Теплый золотистый глазок дрожал в центре экрана. Три тонких черных концентрических кольца охватывали его, и на каждом тоже переливался огонек, голубой — на внутреннем, зеленый — на среднем и оранжевый — на внешнем. Калве долго всматривался в странные огоньки; непонятно, что было в них такого. Мало ли приборов со световой сигнализацией перевидал он на своем веку, но почему-то на них хотелось смотреть и смотреть...

Потом он перевел взгляд на расположенные вокруг экрана оранжевые выпуклые, как у грибов, шляпки. Их было тридцать, возле каждой — два прозрачных глазка. Возле одного грибка левый глазок светился ровным синим светом, а около соседнего, кроме синего, горел и второй — мигал тревожным красным огнем. Остальные глазки были безжизненны.

Вокруг экрана в столике тянулась кольцевая прорезь, из которой выходил тонкий рычажок. Он плавно изгибался к экрану, так что конец его почти касался матовой поверхности. Рычажок заканчивался вытянутым заостренным овалом с тонкой иглой на конце.

Рядом торчали еще две круглые головки с какими-то делениями. Перед столом вздымался щит, на нем — несколько экранов и приборы со шкалами без стрелок.

Все это явно имело непосредственное отношение к управляющим кибернетическим устройствам — хотя бы потому, что находилось в этом зале. У Калве зачесались кончики пальцев, до того захотелось сразу нажать на красные кнопки, посмотреть, что появится на экранах, разобраться в назначении большой красной рукоятки сбоку (ага, ею-то, наверное, и включается весь этот агрегат!).

Но он помнил, сколько непредвиденных последствий может вызвать в этом мире каждое неосторожное движение.

Ему впервые отчетливо подумалось, что вовсе не люди создали все эти непонятные приборы. До сих пор это как-то не укладывалось в сознании. Ощущение было такое, словно ты находишься в чужой стране, где, хотя и не понимаешь языка, но видишь вокруг себя таких же людей и вещи, сделанные их руками... И только в эту минуту в пустом зале, где когда-то жил, чувствовал, мыслил командир всех этих приборов и механизмов, Калве вдруг неудержимо захотелось представить, каким же он был, как выглядел этот творец, наверное давно уже включившийся в вечный круговорот материи и сейчас, возможно, произрастающий где-нибудь на Марсе в виде чахлой голубой травки. Он машинально, забыв про шлем, поднял руку — снять шапку...

Рука его натолкнулась на прикрепленный к шлему инвертор, и это напомнило ему о ближайшей задаче.

Калве подумал, что Сенцов все-таки видел дальше их всех, — недаром ему нужны были доказательства того, что мы в состоянии понять, постигнуть законы мышления этих существ. Что же, надо искать, искать!

С чего начать? Он стал снова осматривать пульт, пытаясь логически разобраться в назначении органов управления машины. Но вскоре он поймал себя на том, что просто-напросто старается мысленно как-то приспособить отдельные рычажки и



включатели чужой машины к тем функциям, которые выполняли другие рычажки и другие включатели на его собственном пульте. Таким путем он далеко не уйдет.

Тогда он опустил экран инвертора, включил прибор. В шлеме стало темно, как будто бы в зале погасли все огни. Он испуганно приподнял экран, и свет снова ударил ему в лицо. Тогда он опять опустил экран, закрыл на несколько секунд глаза, чтобы они привыкли к темноте. Когда он вновь открыл их, тьмы больше не было.

На повисшем перед его глазами экране ветвилось великое множество голубоватых линий, полос, кружков. Это прибор делал видимыми все попадавшие в поле его зрения, находившиеся под напряжением проводники. Свиваясь и развиваясь, сходясь и разбегаясь в стороны, они образовывали странную, причудливую сеть. Местами они были разорваны, кое-где их разделяли темные промежутки — участки сети, как понял Калве, пока отключенные.

Прежде всего он обратил внимание на линию, которая выглядела беспокойнее других: равномерная дрожь сотрясала ее; она пульсировала, как тонкая чувствительная жилка на человеческой руке. Калве проследил ее путь — она заканчивалась где-то совсем недалеко...

Калве поднял инвертор; жмурясь от света, достал из кармана скафандра длинный кусок провода, намотал на руку от плеча до кисти, а самый кончик — вокруг указательного пальца. Потом он подключил провод к аккумулятору и снова опустил экран.

Теперь его рука возникла на экране инвертора в виде бледно-голубой спирали с редкими витками. Она медленно скользила: Калве двигал рукой, стараясь совместить ее с пульсирующей линией. Когда это удалось, он повел указательным пальцем в воздухе, повторяя во всех изгибах путь пульсирующей линии. Вот палец добрался до места обрыва. Калве медленно повел руку на сближение с пультом, торопливо поднял экран. Так и есть — палец его упирался в мигающий красный глазок.

Теперь он так же медленно повел рукой в обратном направлении, ища переключатель, от которого ток шел на лампочку. Найдя его и двигаясь по линии дальше, он мог прийти к другому переключателю и так постепенно разобраться во всей топографии кибернетического центра. На это потребуется время, но много пути не было: простое нажатие кнопок и рычагов наугад могло привести к весьма печальным результатам.

Так он работал, и голубые, то резкие, то как бы размытые линии змеились перед его глазами. Потом он осторожно поднялся с места и, не поднимая экрана инвертора, начал медленно бродить по залу, следя за уходящими под пол проводами. Обойдя центральный пульт по кругу, он установил, что кабели отходят в направлении каждой из тридцати секций машины. Выбрав один из них, Калве установил, что он шел не непосредственно в отсек, а скрывался в стоявшем в простенке шкафчике. Здесь тоже было множество деталей — разбегались глаза.

Медленно переходя от шкафчика к шкафчику, Калве заметил, что большинство из них находилось в покое, работало только

два. Один из них относился именно к их отсеку: в нем шла напряженная работа, вспыхивали и угасали какие-то голубые кольца, эллипсы, многоугольники, возникали мгновенные разряды, похожие на экране на вертящиеся молнии. Калве еще не знал, что автоматы вновь начали работу вокруг искаленной ракеты, но догадывался, что такая активность машины может иметь отношение именно к их кораблю.

Второй работающий аппарат, как вначале предположил Калве, должен был относиться к тому отсеку, где в ангаре лежала чужая ракета. Но потом он понял, что ошибся: судя по расположению шкафчика, он относился как раз к тому отсеку, где был найден счетчик.

Значит, и в том отсеке что-то происходит? Что? Какая опасность еще подстерегает их?

Снова возвратившись к центральному пульту, Калве догадался, наконец, в чем дело, и успокоился. Был включен шкафчик именно той секции, в сторону которой был повернут центральный многопозиционный переключатель. А это могло означать лишь одно: этот отсек был последним, в котором что-то происходило, когда строители почему-то покинули свою искусственную планету. Что же именно происходило? Логично было предположить, что происходило что-то связанное с ракетами, а раз ракеты там не было, значит происходило именно отправление ракеты — последней покинувшей спутник.

Если так, то в этом переключателе не может быть ничего страшного... Калве осторожно поднял руку, нашарил переключатель, повернул на одно деление и поспешил к тому шкафчику, который должен был, по его предположениям, включиться. Да, он не ошибся, аппарат работал. Теперь в нем возникали сложные узоры, нарисованные электрическим током. Возникали и исчезали.

Что-то это ему напоминало... Ага, машина ведет себя так, будто она озадачена. Смена импульсов в ней происходит в том же ритме, да-да, и с той же частотой, как в радиосигналах, что слушал Азаров в первые минуты после прибытия. Калве попробовал включить соседнюю секцию, еще одну, и всюду повторялось одно и то же. Он начал догадываться: ни в одном из этих ангаров нет ракет, это они с Коробовым видели сами. Значит, команда, которая посылалась с помощью этого переключателя, действительно относилась к каким-то действиям, связанным с ракетами.

Калве удовлетворенно усмехнулся. Он на правильном пути. Именно здесь пряталась разгадка управления механизмами, обслуживающими ракеты. И первый секрет можно было узнать уже сейчас, сию минуту: просто повернуть переключатель в положение, включающее их отсек — единственный, в котором была ракета, — и посмотреть, что из этого получится.

«Спокойно, милый друг, спокойно, — сказал он себе. — Не надо торопиться... От этого поворота переключателя ракета может в один миг вылететь в пространство, а ведь она нам нужна... Вспомни-ка Коробова и серую массу! Нет, никаких эмоций, никаких порывов. Только осторожно, только методично...»

Калве совсем забыл, что время идет, что друзья, вероятно,

уже беспокоятся о нем, что он давно хочет есть и запас кислорода у него приближается к концу. Со стороны он выглядел сумасшедшим: то расхаживал по залу, бормоча себе под нос, то снова и снова усаживался перед пультом и водил над ним рукой, прослеживая какую-нибудь интересную цепь.

Теперь он решил найти дорогу к волноводам, по которым должны были передаваться команды из центра по секциям. В существовании их он не сомневался. Однако никаких схем, хотя бы отдаленно напоминавших соответствующие земные, Калве пока не видел. Потом ему показалось, что проще будет проследить, откуда подходят импульсы к круглому экрану, какой источник питает непрерывно горящие на нем огоньки. Может быть, тогда станет понятно, что же именно эти огоньки обозначают...

Голубые линии, которые он стал теперь изучать, уводили его куда-то совсем в другую сторону. Они не соединялись ни с одним из шкафчиков, а тянулись под стену и затем вверх, уходя в расположенный выше ярус.

Калве решил, что немедленно пойдет их разыскивать: эти огоньки почему-то казались ему заслуживающими особого внимания. Он повернулся к двери, и вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

Резко рванувшись, Калве сорвал со шлема экран инвертора, закрывавший глаза, и облегченно перевел дыхание: перед ним стоял Коробов.

Коробов онемел: сквозь шлем было видно, как он беззвучно шевелит губами. Калве с досадой выругал его за то, что подкрадывается неслышно и пугает людей, вместо того чтобы окликнуть по-человечески, а потом вспомнил, что ведь сам же выключил свою рацию, так как связи с товарищами все равно не было. Он повернул рычажок, и в его наушники ворвался негодующий голос Коробова:

— ...окончательно. Такие это полтора часа?

Калве взглянул на часы. Действительно, вот уже целый час сверх уговора провозился он здесь, и, если бы не резервный баллон с кислородом, на который автоматически переключилась подача, ему давно пришлось бы плохо. Вздохнув, он развел руками и спросил:

— А у вас как там дела?

— Да ничего особенного... Ребята разобрали один робот. Типичный марсианский робот... А у тебя как?

— Да вот, — протянул Калве, — типичная марсианская кибернетика...

Потекли дни. Все ушли в работу: Азаров колдовал над спаянными деталями рации, Сенцов, Коробов, Раин все обшаривали их новое пристанище — не теряли надежды разобраться в устройстве корабля. Роботы в соседнем ангаре и те, не покладая шупальца, трудились над их старой ракетой, что-то подтаскивали, наваривали... Они утихомирились только на третий день.

Калве все дни напролет занимался все тем же: при помощи инвертора прослеживал одно за другим бесконечные разветвле-

ния цепей кибернетического центра. Каждый день он распутывал еще один узелок схемы, но — странное дело — чувствовал, что к решению основной задачи — к овладению ракетой — пока не приблизился ни на шаг. Вечерами — условными в этом мире — приводил в порядок сделанные за день записи и наброски, и со стороны это выглядело так, будто Калве готовит к печати солидную монографию «К особенностям структуры марсианских вычислительных и быстрорешающих устройств», столь спокойным и благодушным он казался. На деле же его все больше охватывала тревога.

Первые дни друзья встречали его с нетерпением — вот сейчас Калве, усевшись в кресло, вдруг возьмет да и скажет: «Ну, между прочим, можно лететь хоть завтра. Нажать там одну кнопку, и сразу отсек откроется...» Постепенно все начали понимать, что этого дождутся не скоро.

Текли дни, и каждый из них уносил с собой частицу вспыхнувшей было надежды.

Первым начал сдавать Азаров. У него что-то не ладилось. Исподволь наблюдая за ним во время работы, Сенцов заметил, как все чаще взгляд молодого пилота становится отсутствующим, устремляется куда-то сквозь все перегородки, броню спутника, сквозь многие миллионы километров пространства.

Раин внешне оставался спокоен. Но и он все чаще начал заговаривать о том, не пора ли, наконец, бросить напрасные поиски, не тратить зря время, а использовать его для того, чтобы осмотреть весь спутник, исследовать его — хотя бы в интересах будущих поколений. И — кто знает? — если во всем этом огромном хозяйстве найдется хотя бы один годный к употреблению телескоп, посвятить свое время (оставшееся еще время — так следовало понимать это) тому, что было делом его жизни — наблюдению светил.

Начинало казаться (или это Сенцовым овладевала уже паника?), что Коробов тоже изучает ракету не для того, чтобы применить свои знания при возвращении, а просто убивая время. Может, с таким же увлечением, иногда думал Сенцов, и с таким же спокойствием второй пилот решал бы сейчас шахматные задачи, окажись у них шахматы?

Но прекратить работу было невозможно. Связь с Землей была нужна во что бы то ни стало: тут речь шла о безопасности тех, кто в будущем полетит по этой же трассе, о безопасности многих людей и кораблей. Передатчик был совершенно необходим. По сравнению с задачей предупреждения Земли их собственное спасение отходило на второй план. Поэтому следовало ободрить Азарова, как-то помочь ему.

...Сенцов оставил Раина и Коробова в нижнем этаже носовой части ракеты, где они и так и сяк пробовали подобраться к наглухо закрытому аппарату искусственной гравитации, и направился в каюту Азарова.

Азаров лежал, уткнувшись лицом в эластичное ложе. Очевидно, нервы все-таки не выдержали: по всему полу каюты были расшвыряны детали, пластины печатных схем, отдельные блоки, валялись клочки бумаги — остатки очередной уничтоженной схемы.

— Не выходит? — спокойно спросил Сенцов.

— И не может выйти. С таким же успехом можно монтировать передатчик из пивных бутылок. Генераторный блок погиб, чем я его заменю? От усилителя сверхвысоких частот что осталось? Рожки да ножки! Нечего и думать...

— Думать все-таки надо, — сказал Сенцов. — Передатчик — это главное. Другого способа сообщить на Землю у нас нет и быть не может. Конечно, на спутнике наверняка есть какие-то устройства связи. Но как отличить их? Как понять, передатчик это или какой-нибудь агрегат для чистки сапог?

Азаров кивнул.

— На это надежды нет, — сказал он. — Мы можем надеяться только на свои детали. А у нас их не хватает, и взять их некуда.

Оба умолкли, каждый мучительно думал, где искать выход. Потом Азаров тяжело вздохнул.

— Да, знать бы на Земле, что такое случится, всю ракету набил бы запасными блоками. Жаль, что в другой рейс идти не придется: теперь уже есть опыт по части вынужденных посадок.

— Ну, это ты оставь, — сказал решительно Сенцов. — Все мы хотим еще летать. Погибать никто не собирается. Вот поэтому-то и нужен передатчик.

— Мы все сделали, — пробормотал Азаров. — Теперь осталось только с честью закончить. Передатчик? На передатчике мы на Землю не улетим.

— Не знаю, откуда вдруг такой пессимизм, — сказал Сенцов. — Погибнуть здесь мы никак не можем... (Азаров пошевелился, искоса взглянул на Сенцова.) Ну, предположим самое худшее. Мы действительно не сумеем использовать эту ракету. Ну и что? (Азаров часто заморгал, затем посмотрел на Сенцова уже прямо.) Будем ждать здесь. Кислорода, воды хватит надолго. Продуктов — на год. На худой конец наладим их регенерацию.

— И что же — до конца жизни? — хрипло спросил Азаров. Сенцов пожал плечами, усмехнулся.

— А сколько ты еще рассчитывал прожить? — спросил он спокойно.

Азаров поморгал, нетвердо ответил:

— Ну, лет семьдесят...

— Допустим. Так почему нельзя жить здесь? Образум, так сказать, филиал человечества... Да ведь нам здесь век доживать не придется! Хотя это уже зависит от тебя.

— От меня?

— Конечно. Будет связь с Землей — за нами прилетят не позже, чем через год. Ты же сам понимаешь, нас не бросят. Год — это даже крайний срок...

— Подумаешь, год! — сказал Раин. Оба оглянулись — не заметили, как он появился в дверях. — Робинзоны вон десятками лет жили, да разве в таких условиях? Тут за год всего даже осмотреть не успеешь.

Азаров все еще лежал, но щеки его чуть порозовели.

— Так что остановка за тобой. Сумеешь смонтировать ра-

цию — вытащим ее на поверхность спутника, будем сигналить на Землю.

— Да из чего? Из чего? — закричал Азаров. — Как будто я не хочу! Ведь нет выхода!

— Выход всегда есть! — твердо сказал Раин. — Надо только уметь его найти. Из могилы, говорят, нет выхода, да и то люди выбирались. Надо искать! Ты не пробовал использовать то, что осталось от вычислителей Калве? Там ведь какие-то блоки уцелели...

— Да думал я об этом, — ответил Азаров. — А вы видели, что там уцелело? Таких блоков у меня и у самого хоть пруд пруди.

— Действительно, надо еще подумать, — сказал Сенцов. — Ведь выход-то есть, наверняка есть, только мы его не видим...

На минуту воцарилось молчание. И потом Сенцов задумчиво проговорил:

— Генераторный блок, генераторный блок... А если взять части от других приборов? Насколько я вспоминаю устройство рации, там использовалась часть тех же самых типовых деталей, которые стоят в наших радиометрических приборах... Хотя бы в тех же счетчиках. А?

— Я прикидывал, — сказал Азаров. — Кое-что оттуда можно позаимствовать, но не все.

— Счетчик? — внезапно спросил Раин. — Погодите-ка, мне пришла в голову идея... Счетчик-то мы здесь нашли?

— Ну, нашли...

— Так, значит, и сама автоматическая ракета должна быть где-то здесь, на спутнике. Ее надо только найти. Ведь радиооборудование ракет-автоматов в принципе от нашего ничем не отличалось?

— Только в деталях! — сказал Сенцов, и Азаров подтверждающе кивнул. — Это мысль!

— Может быть, там вообще сохранился в целости передатчик! — с воодушевлением подхватил Азаров. — А ведь действительно, как нам сразу не пришло в голову?.. Надо немедленно начать поиски!

— Я думаю, — сказал Раин, — что вообще надо изменить распорядок работ. Пусть Коробов вместе с Азаровым идут на поиски. А я буду помогать Калве. Вдвоем у нас пойдет гораздо скорее. С осмотром же ракеты отлично справишься и ты один.

— А какой смысл? — спросил Сенцов. — Калве и так работает правильно. А мы бы вдвоем.

— Гм... — неопределенно ответил Раин. — Наверх я все же пойду?

— Что же, пожалуйста, — согласился Сенцов. — А ты, Витя... Но Азаров уже пошел за скафандром.

Калве ввел Раина в круглый зал с пультом.

— Вот, — сказал он. — Тут помещается пульт управления. Но дело-то все в том, что эти машины самопрограммируются. Они способны сами менять режим работы в зависимости от изменения окружающей обстановки и так далее...

— Знаю, — ответил Раин. — Испытали на собственной шкуре.

— Следовательно, логически рассуждая, управлять ими практически нет никакой необходимости. А в то же время есть и пульт и органы управления — вот они. Вот эта рукоятка совершенно меняет режим работы. Я тут кое в чем сумел разобраться...

— Очень интересно! Так что же вас смущает?

— Не могу понять, как это происходило. Видите этот экран со стрелкой? Он связан с чем-то в верхних ярусах, исследовать я еще не успел. От него идут цепи ко всем машинам. Но зачем он? Понять не могу.

— Так, так... — начал присматриваться Раин. — Три кольца... Если это атомная структура, то один электрон на третьем уровне... Натрий?

— При чем тут натрий?

— Не представляю... А чем, собственно, этот пульт управляет?

— Тут происходит приблизительно вот что, — пояснил Калве. — При установке стрелки в одно из трех фиксированных положений по длине и в любое положение по окружности в цепи возникают кратковременные импульсы, вернее — комбинации импульсов. Они слишком непродолжительны, чтобы представлять собой какую-то программу, которая передается машине. Но они могут быть сигналом к выработке определенной программы.

— Это уже кое-что. Я, правда, в этой области не специалист...

— Тем лучше! Как говорится, свежая голова. Так вот, эти импульсы направляются в одну из секций машины, а именно в ту, которая в данный момент включена вот этим многопозиционным переключателем. Но направляются не непосредственно, а проходят через эти вот устройства (он указал на стоявшие в простенках шкафчики). В них сигналы значительно видоизменяются... Я подозреваю, что именно здесь помещается управление программирующими устройствами.

— Резонно. А эти лампочки?

— По всей вероятности, они сообщают, когда сигналы доходят до адресата. Но вот каково содержание сигналов?

— Я сужу, возможно, как дилетант, — сказал Раин. — Но посмотрите на двери: настолько велика была, очевидно, уверенность конструкторов в безотказности своих машин, что они не предусмотрели даже аварийного ручного открывания дверей. И если уже, очевидно, десятилетия назад покинутый спутник все еще нормально работает, значит в их рассуждениях была истина...

— Проблема кибернетики номер один — проблема надежности — ими решена основательно, — с уважением знатока ответил Калве. — И как разумно все автоматизировано: механизмы не работают непрерывно, а включаются лишь на время, когда необходимо. Именно поэтому они и не устают, не стареют. Мы не знаем, когда прилетел сюда этот корабль, — может, сто, а может, и тысячу лет назад. А все автоматы в полной рабочей готовности. Удивительно продуманно и экономно! Это построено на века...

— Но, — продолжал Раин, — стоит ли строить такие вещи

на века? Техника так стремительно развивается, машины стареют... Вы говорили, что импульсы идут от этой стрелки?

— Да, — ответил Калве. — Она выдвигаемая, телескопическая. Каждому из трех строго фиксированных положений ее по длине соответствует своя форма импульса. И при каждом положении конец стрелки находится на одной из этих окружностей. Стрелку можно двигать также по кольцевой прорези. При этом я заметил: импульсы посылаются в машину именно в тот момент, когда стрелка совмещается с огоньком, расположенным на той окружности, на которой находится конец ее. Нацеливать стрелку можно очень точно, тут целая система настройки; причем здесь — он указал на один из экранов — мы видим участки окружностей под большим увеличением. Настроить можно с точностью до десятой доли градуса...

— Но зачем?

— Этого-то мы и не знаем.

— Не знаем... — как эхо, повторил Раин. — Так... А эти сигналы? Ага, они указывают, где находится ракета? И так, сидевшему за этим пультом следовало знать, в каких ангарах есть ракеты и в каких нет? Так, так... Не подтверждает ли это вашего предположения о том, что вся эта техника и служит для запуска ракет?

— Так мне казалось. Но я боюсь ошибиться.

— Если так, — оживился Раин, — возможно, мы действительно отсюда выберемся? Чем я могу вам помочь?

— Мне пока не ясна роль этой рукоятки, — сказал Калве. — Вы двигайте ее, а я прослежу за возникающими импульсами.

— А это не опасно?

— Все равно включенный сейчас ангар пуст...

Раин послушно положил руку на рычаг. Калве надвинул на лицо экран инвертора, кивнул головой, сказал:

— Начинайте.

Раин нажал рукоятку.

Калве словно выслеживал зверя: согнувшись, приглядываясь к стремительной пляске голубых линий, запетлял по полу. Раин с улыбкой наблюдал за ним. Затем, действуя по оставленной Калве программе, он поставил рукоять в прежнее положение и сразу же опять потянул на себя, повторяя ту же серию импульсов. При этом он мельком взглянул на небольшой экран, находившийся рядом с рукояткой... и моментально забыл и о Калве и о его задании.

— Что с вами? — окликнул его Калве.

Раин, не отрывая глаз от экрана, замахал рукой. Калве подбежал к нему.

На чуть выпуклом экране — он был, как и все экраны на спутнике, не кинескопом, а какой-то иной конструкции — мелькали странные картины. Калве и Раин затаили дыхание.

...Это не был полетный дневник. Раин понимал, что если на спутнике и имелся бортжурнал, страницы которого теперь возникли перед ними, то велся он, вернее всего, в какой-то закодированной записи, магнитной или иной. Но сейчас они видели их уже расшифрованными, как будто на этом небольшом, сантиметров шестьдесят на сорок, экране им показывали хроникальный фильм.

А может быть, это вовсе и не были записи из журнала... Машина показывала отдельные, разрозненные события, и к тому же в обратной последовательности, словно заново припоминая их, углубляясь в прошлое, чтобы лучше проанализировать. В ее воспоминаниях — если так можно было назвать воспроизведение на экране событий, запечатленных в виде мельчайших электрических зарядов в блоке памяти машины, — встречались странные провалы, вызванные, возможно, какими-то неполадками в самой машине. Во всяком случае, на экране не получалось связного рассказа, а мелькали разрозненные картины, какие порой видятся во сне.

Сначала Калве и Раин увидели этот самый машинный зал и себя в нем, потом в зале остался один Калве, потом Калве и Коробов (так решил Раин, потому что фигуры, хотя и расплывчатые, все же напоминали людей в знакомых скафандрах) открывали подряд все двери.

После короткой заминки на экране возникло крупное изображение красной планеты. Они сразу узнали Марс. Потом промелькнули сразу два изображения: с поверхности Марса стартовали ракеты, как две капли воды похожие на ту, которая стала теперь их домом, а на другой половине экрана откуда-то из пространства надвигался на них сплюснутый сфероид, охваченный поясом взлетных эстакад. Калве и Раин узнали в нем Деймос и переглянулись: снято со стороны?

Изображение с Марсом поблекло, задрожало и, размываясь, исчезло, а надвигающийся шар Деймоса занял весь экран. В одном и том же месте его поверхности изредка вспыхивали спящие огненные струи...

— Вы понимаете, что это значит? — вскричал Калве. — Это же не спутник!

— Звездолет... мы на звездолете! — быстро ответил Раин.

Вспышки продолжались — очевидно, включались на короткое время двигатели, тормозя звездолет. Потом на экране замелькали изображения внутренних помещений Деймоса, разные его отсеки. Большинство из них было совсем не знакомо космонавтам. Одно из изображений замерло, задержалось на экране: большой зал, который весь, от пола до потолка, пронизывали странные, радужно переливающиеся стержни. Но некоторые из них не светились — от них во все стороны разлетались красные искорки...

«Неисправность, что ли?» — подумал Калве, наблюдая, как постепенно гаснут и остальные стержни. Вот потух и последний: из него вылетела стайка искр, и наступила темнота...

Разбираться во всем этом не было времени. На экране возникла стремительно летящая из темноты глыба. Трудно было определить ее размеры: это мог быть метеорит, мог быть и крупный астероид. Он выглядел каким-то не настоящим, а словно нарисованным и сразу расплылся и погас, сменившись новым изображением. Теперь весь экран заняла гигантская, как показалось обоим, планета с неровной, волнующейся, как море, поверхностью. Что-то знакомое почудилось Калве в облике этой планеты, он повернулся к Раину...

— Юпитер, — коротко сказал тот, не отрываясь от экрана.

Неожиданно появился тот же самый круглый пульт, около

которого они стояли, и знакомый экран был в середине его, только его опоясывало не три, а пять окружностей, и огоньков было больше, как сразу заметил Калве. Раин поднял брови: вдруг на экране возникли знакомые уже три кольца...

Калве осторожно отошел от экрана: ему не терпелось проверить, с какой нагрузкой работает машина сейчас. Он шел от шкафчика к шкафчику, в которых сосредоточивались результаты громадной работы, протекавшей в десятках наполненных серым веществом ящиков во всех тридцати секциях машины. Да, вот теперь она работала на полную мощность: везде бушевали голубые линии...

Калве заглянул в одну из секций: серая масса показалась ему охваченной холодным голубым пламенем.

Калве возвратился к экрану, от которого все не мог оторваться Раин.

— Что? — спросил его Калве.

— Снова переигрывает... — почему-то шепотом ответил Раин.

Он напряженно всматривался в экран, карандашом наносил какие-то точки на листок бумаги... А на экране промелькнула водяная гладь, взволнованная ветром, потом равнина, озаренная зеленоватым светом. И все исчезло. Экран погас.

Калве и Раин молча сидели еще минут пять — на экране ничего больше не возникло.

Раин с трудом перевел дыхание. В баллонах кончался кислород. Надо спешить в ракету.

— А работа? — спросил Калве.

— Придется прийти еще раз... И вообще к черту данные! Вы можете попытаться объяснить, что это нам показывали?

— Я думаю, — сказал Калве, — что этой рукояткой машине задается определенный режим работы, при котором она может анализировать события, записанные в ее памяти.

Для удобства и быстроты восприятия лишь какую-то часть этого анализа обладавшая громадной — это Калве понял еще раньше — памятью машина преобразовывала в видимое изображение. Как это делалось, Калве не представлял, но ощущал, как машина, которой приходилось иногда при помощи логических выкладок восстанавливать события, сведения о которых почему-то не были для нее закодированы, иногда не то, чтобы запутывалась в рассуждениях, а тут же, на экране, исследовала различные варианты и тут же отбрасывала менее вероятный. Так, следовало разобраться, были ли кадры о прилете ракет с Марса документальной записью или отвергнутым вариантом. А промелькнувший метеорит? Что обозначали загущающие стержни? Что двигатели звездолета вышли из строя? Но было непонятно: от столкновения ли с метеоритом, или же из-за перенапряжения двигателя при попытках вырваться из притяжения Юпитера. Во всяком случае, двигатели вышли из строя, звездолет вынужден был остаться здесь...

Раин слушал объяснения Калве, что-то быстро записывал. Ему пришло в голову, что дело было даже не в притяжении Юпитера, а просто в том, что при наблюдениях издалека вся масса нашей солнечной системы казалась летевшим сюда неизвестным астронавтам сосредоточенной в центральном светиле. Звездолет шел на такой скорости, что, когда приборы заметили

ошибку, исправить ее, не допустить губельного искривления траектории стало можно, только пустив двигатели на полную мощность. И двигатели, наверное, уже порядком износившиеся за долгий полет, не выдержали — отказали...

— Но куда они делись, хозяева этого корабля? — спросил Калве. — Почему бросили такое удивительное сооружение? Это же настоящее чудо науки и техники!

Раин задумчиво пожал плечами, потом ответил:

— Судя по тому, что мы видели, произошла какая-то авария, и они были вынуждены покинуть этот звездолет и перебраться на борт другого, спасательного корабля. — Раин помолчал. — Ничего, во всем разберемся со временем... А пока все это настолько важно, что нам надо как можно скорее передать это на Землю. Мы одни не можем оставаться хранителями таких бесценных сведений. Вся надежда теперь на Азарова...

14

Азаров в это время был далеко от них. Нагрузившись запасными баллонами с кислородом, он уже успел обшарить многие помещения Деймоса.

Они пошли вместе с Коробовым, а потом разошлись в разные стороны. Азаров решил начать поиски с того отсека, в котором был найден счетчик. Да, возможно, ракета когда-то и была здесь, но никаких следов ее пребывания не осталось.

Куда она могла исчезнуть? Где искать ее? Очевидно, если ее куда-то перетащили — разумеется, в разобранном виде, — то тащили ее не через коридор... А для чего вообще могли ее разобрать? Ну, хотя бы для изучения — вполне возможно.

Значит, надо было найти иной ход из ангара. Поиски заняли около часа и не увенчались успехом до тех пор, пока Азарову не пришлось в голову попробовать проникнуть в один из боковых люков: судя по происшествиям в их ангаре, за ними должны были находиться роботы.

Он с трудом открыл один из люков. Конусы автоматов стояли за ним без движения, будто дремали в ожидании, когда их позвуют. Азаров осторожно пробрался между ними. Ход привел его к широкой трубе, уходящей вертикально вверх. В ней была дверь. Азаров вошел, постоял немного — внезапно пол под его ногами стремительно пошел вверх.

...Потом больше двух часов бродил он по космическому городу. Глазам его открывались огромные лаборатории, пустые хранилища, в которых когда-то, очевидно, находились обильные запасы. В одном зале оказался даже огромный — метров сто на двести — бассейн, сейчас пустой. «Уж не плавательный ли?» — усмехнулся Азаров.

Он проходил через просторные залы, уставленные непонятными устройствами, которые с одинаковым успехом могли предназначаться и для испытаний машин, и для гимнастики, для тренировки бездействующих мускулов.

Он разыскал и жилые каюты — они одни занимали целый этаж. Попытался прикинуть общее количество населения спутника. Получалось очень большое число, порядка нескольких тысяч. Азаров недоверчиво покачал головой.

Кислорода, однако, и здесь в атмосфере не было. Жить тут сейчас было нельзя.

Азаров прибавлял шагу. Осмотр заинтересовал его, хотя никаких следов автоматической ракеты обнаружить он не смог.

Он поднялся в очередной ярус. Открыл дверь. И отшатнулся, увидев звездное небо. Сначала ему показалось, что он внезапно вышел на поверхность спутника, но сейчас же он понял: в этом зале одна стена и потолок были так прозрачны, что, казалось, вовсе отсутствовали.

Вероятно, Азаров поднялся уже в самую верхнюю часть шара, если только спутник действительно имел такую форму. А это, несомненно, была обсерватория, по крайней мере некоторые приборы напоминали земные рефлекторы и радиотелескопы.

Азаров пожалел, что рядом нет Раина: астроном позавидовал бы ученым, которые когда-то здесь работали... Кроме несомненных телескопов, здесь были и иные приборы — легкие фермы без антенн и без зеркал, и Раин наверняка не пожалел бы времени, чтобы понять, какое отношение имеют они к астрономии.

Азаров присел в кресло перед одним из таких приборов, чтобы оглядеться и передохнуть. Отдыхая, он задумчиво глядел сквозь прозрачную стену в черноту пространства. И внезапно ему показалось, будто перед его глазами возникают новые звезды. Да, несомненно, вот уже несколько их появилось из темноты... Его осенила смутная догадка: вероятно, прибор все-таки был тоже телескопом, только роль линз в нем, как в электронном микроскопе, выполняли мощные магнитные поля. Инструмент, очевидно, включался автоматически, как только оказывалось занятым кресло наблюдателя.

Азаров внимательно разглядывал звездную картину — неба он не видел, казалось, уже неделями... Телескоп выделял часть небосвода — похоже, созвездие Дракона, сообразил он, вспоминая занятия по астронавигации. Только из четырех светил, которые были сейчас в поле зрения телескопа, раньше он знал лишь одну звезду четырнадцатой величины — прочие оставались невидимы и в самые сильные телескопы Земли. Случайность ли это? Просто ли инструмент направлен на этот участок неба, или...

Ему припомнились рассуждения Раина о том, что возникновение и быстрого развития жизни следует ожидать на планетах, вращающихся именно вокруг энергетически не очень сильных светил — желтых карликов вроде Солнца. В таких планетных системах гораздо менее вероятны резкие катастрофы — такие, как внезапные скачки радиации, губительные для жизни, успешшей уже приспособиться к определенному режиму.

Но если это не случайность, что ученые Марса искали в созвездии Дракона? Нет, все-таки случайность...

Встав с места, он подошел к одному из рефракторов. Тот же уголок неба отражался в его зеркале. И в ту же сторону были направлены ажурные параболоиды радиотелескопов.

Нет, это не случайность, что в какое-то определенное время телескопы смотрят на созвездие Дракона. А если не случайность, то... И это большое число жилых кают... Такому количеству жителей просто нечего было делать в спутнике, на них не хва-

тило бы работы... Нет, конечно, это не может быть простой случайностью...

Он прошел в соседний зал. Это была громадная, на многие гектары, оранжерея, покрытая таким же прозрачным куполом, за которым зияла пустота. Зал не делился на отсеки и, видимо, занимал всю верхнюю часть шара. Только в центре потолка виднелась круглая непрозрачная площадка, к ней снизу шла толстая труба.

Азаров направился к ней. Путь лежал мимо длинных полос грунта, на котором в свое время, похоже, росло что-то, служившее продовольствием. Иначе какой был смысл разводить здесь сады? Теперь лишь хилая, желтоватая травка покрывала почву — может быть, потомки культурных растений, оказавшихся менее долговечными, чем машины, и выродившихся в результате отсутствия ухода и возросшей радиоактивности. Кое-где стояли странные, низкорослые, искривленные деревья без листьев, но с зеленовато-голубыми, просвечивающими ветвями. Они жили — устройства спутника продолжали подавать сюда воду, углекислоту, питательные вещества.

Азарову пришло в голову, что в оранжерее должен быть кислород: здесь нет машин, которым могла бы угрожать коррозия, а система деления спутника на отсеки и ярусы с блокировкой всех переходов позволяла иметь в различных местах разную атмосферу.

Однако он не стал проверять свое предположение. Возникшие у него мысли манили к круглой площадке наверху.

Он подошел к трубе, осмотрел ее в поисках люка. Люк был и даже сам открылся перед ним. И в тот же миг разом погасли висевшие невысоко над полом мощные светильники, оранжерея наполнилась теплым желтым светом...

— Солнце! — неистово крикнул Азаров, закрывая глаза от света. Действительно, Деймос на своем пути вокруг Марса вышел из теневого конуса, и далекое, родное светило залило оранжерею своими лучами.

— Солнце... — повторил Азаров, прижимаясь к прозрачной стене, черное пространство за которой сразу перестало казаться таким безнадежным.

Ему хотелось петь, смотреть на Солнце без конца. С трудом заставил он себя войти в открывшийся перед ним люк. Побежали вниз стены, трубы... Теперь Азаров оказался на самом верху, на заветной площадке.

— Ну да, — сказал он. — Я так и думал...

Он очутился в небольшом круглом прозрачном зале, и теперь со всех сторон его окружало звездное небо. По окружности зала тянулись низкие широкие диваны. В центре, у четырехгранного пульта, стояло откинутае назад кресло. Перед пультом возвышался большой постамент с экранами, шкалами приборов, блестящими точками индикаторов. На самом же пульте не было ничего: ни переключателей, ни рычагов. Только две большие выпуклые кнопки — красная и белая — выступали над его гладкой поверхностью.

— Так я и думал... — проговорил Азаров. — Конечно, это не спутник. Звездолет, звездолет высокого класса...

Он сел в кресло за пультом. Тотчас же на постаменте засве-

тился экран: на нем была точная картина звездного неба, такая же, какая виднелась за прозрачным куполом этой, по всей вероятности, ходовой рубки. Наверное, это был звездный компас: чтобы следить, насколько точно машины соблюдают курс. Азарова немного удивило, почему строители звездолета вынесли ходовую рубку на самую поверхность, гораздо безопаснее было бы поместить ее где-нибудь в глубине корабля. Но тут же, став на место воображаемого оппонента, он возразил сам себе: так можно судить, исходя из земных представлений о прочности...

Приборов на пульте громадного звездолета оказалось даже меньше, чем на их земной ракете. Вероятно, здесь гораздо в большей мере, чем пока на Земле, применялось суммирование показаний приборов вычислительными устройствами. К пилоту поступали лишь обработанные, самые важные сведения. За остальными следили сами машины.

Азаров вздохнул, закрыл глаза. Вот так здесь сидел когда-то командир звездолета, вел его к неведомым светилам — представитель иной жизни, намного обогнавшей нашу... На диванах вокруг располагались в свободные минуты члены экипажа, друзья и соратники командира — такие же, как он, рослые, здоровые и, наверно, добрые и веселые люди. Они жили, они стремились к открытиям, от которых, быть может, зависела судьба пославшей их планеты.

Азарову показалось, будто просторное помещение наполнилось вдруг сдержанным гулом голосов, едва слышным отзвуком работавших где-то внизу двигателей... Перед его закрытыми глазами замелькали незнакомые, причудливые рисунки созвездий, почудилось, что он сам грудью пересекает пространство, через которое стремится этот могучий шар...

Так он сидел несколько минут, не раскрывая глаз. Но надо уходить отсюда: не здесь же, в ходовой рубке звездолета, искать остатки автоматической ракеты!

Он спустился обратно в оранжерею, не задерживаясь, двинулся дальше. И снова потянулись бесконечные вереницы помещений, заполненных машинами, механизмами, все более странными, непохожими на земные, комнат с неустойчивыми полами, — они мягко колыхались, когда Азаров проходил по ним... В одном месте он наткнулся на прозрачную перегородку, за которой клубился лиловый туман — только густые лиловые облака, сквозь которые ничего нельзя было разглядеть, — и среди них то и дело посверкивали голубые молнии. Азаров долго стоял, наблюдая за причудливой игрой разрядов, пока они не начали слишком часто отскакивать в его сторону. Тогда он поспешил уйти отсюда, обозначив перегородку на плане, на котором отмечал весь свой путь.

...Через два часа он снова оказался внизу, в радиальном коридоре. Сегодняшняя программа поисков была закончена, он видел очень много интересного, а ведь была осмотрена лишь малая часть того, что скрывалось в этом колоссальном шаре. Над его устройством впоследствии не один год поломают голову ученые Земли. Но никаких следов автоматической ракеты он так и не обнаружил.

Азаров уже хотел войти в коридор, ведущий к ангарам, но раздумал и решительными шагами подошел к другой двери —

той самой, у которой Сенцов и Раин, пробираясь с поверхности, обнаружили, по их словам, усиленную радиацию. Почему ракета или ее остатки не могли находиться в помещении, где уровень радиации выше?

Он приблизился к двери вплотную. Лампочка индикатора затлела чуть ярче. Ну и что? До опасности, во всяком случае, далеко, а ракета может находиться именно здесь, и все равно ведь, если она не найдется в других помещениях, придется лезть за ней сюда.

Азаров оглядел дверь. Запорной планки здесь не было, но слева он увидел три углубления — такие же, как и у входного люка корабля, — вложил пальцы в эти гнезда.

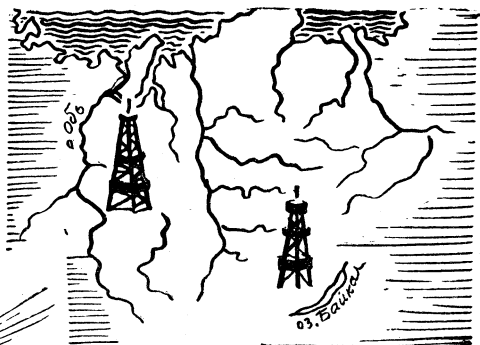
Дверь тяжело поехала в сторону, он успел удивиться ее необычной толщине... И сразу лампочка в скафандре запылала так ярко, что в глазах его на миг поплыли красные круги. Радиация стремительно возрастала, как будто он, открыв дверь, выпустил на волю миллиарды крошечных дьяволов и они, радостно кувыркаясь, стремительно неслись теперь по коридору... Азаров инстинктивно рванулся назад, но тут же остановился: надо же закрыть дверь, иначе...

Он снова вложил в гнезда три пальца, но дверь не закрывалась. Азаров стал лихорадочно вспоминать, как же закрывался люк ракеты, и с ужасом вспомнил, что это происходило лишь после того, как кто-нибудь переступал порог в одну или другую сторону. Наверное, был и другой способ, но он его не знал. Значит, чтобы закрыть дверь и прервать течение смертоносного потока, остается одна возможность: заставить ее опуститься за собой, а потом уже искать, как открыть ее изнутри...

[Окончание следует]



НОВЫЕ КЛАДЫ СИБИРИ



«У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

В. И. ЛЕНИН

Пророчество этих слов особенно ясно осознаешь сегодня, когда видишь, как воплощается в жизнь великая Программа нашей партии. Мы расскажем лишь о некоторых задуманных и уже осуществляемых советскими людьми чудесах.

...В трудные годы гражданской войны по инициативе В. И. Ленина в Сибирь была послана небольшая геологическая экспедиция. В объемистых рюкзаках изыскателей лежало... 30 пудов соли — самое большое, что могла дать тогда геологам голодная сражающаяся Советская республика. Это было первое «ассигнование» на развитие нефтегазовой промышленности в восточных районах страны.

Прошли годы. В поисках нефти и газа снова отправляются в Сибирь экспедиции. Но как не похожи они на ту, первую! Исследователи получили самолеты и вертолеты, тракторы, вездеходы, легкие буровые станки, современные приборы. Поиски горючих ископаемых достигли небывалого размаха: «прослушивая», «простукивая» недра Сибири, тысячи километров отмерили не знающие усталости геофизики. Вслед за ними — проверить на практике результаты сейсмической разведки — шли буровики. По болотам и непроходимым лесам тащили многотонное оборудование тракторы. И вот наконец...

50-е годы. На берегу Оби, в полярной тайге, в районе Березова, ударил газовый фонтан. А затем еще восемь фонтанов голубого топлива забило в других районах обского понизовья. Геологи предполагают, что запасы газа в этих местах исчисляются цифрой с двенадцатью нулями!

1960 год. На реке Конде, студеном притоке Иртыша, возле поселка Шаим, получена первая промышленная нефть.

1961 год. Прибавилось еще два месторождения в среднем течении Оби. Настоящую большую нефть дают они!

1962 год. На берегу Лены, на севере Иркутской области, забил колоссальный фонтан высококачественной нефти.

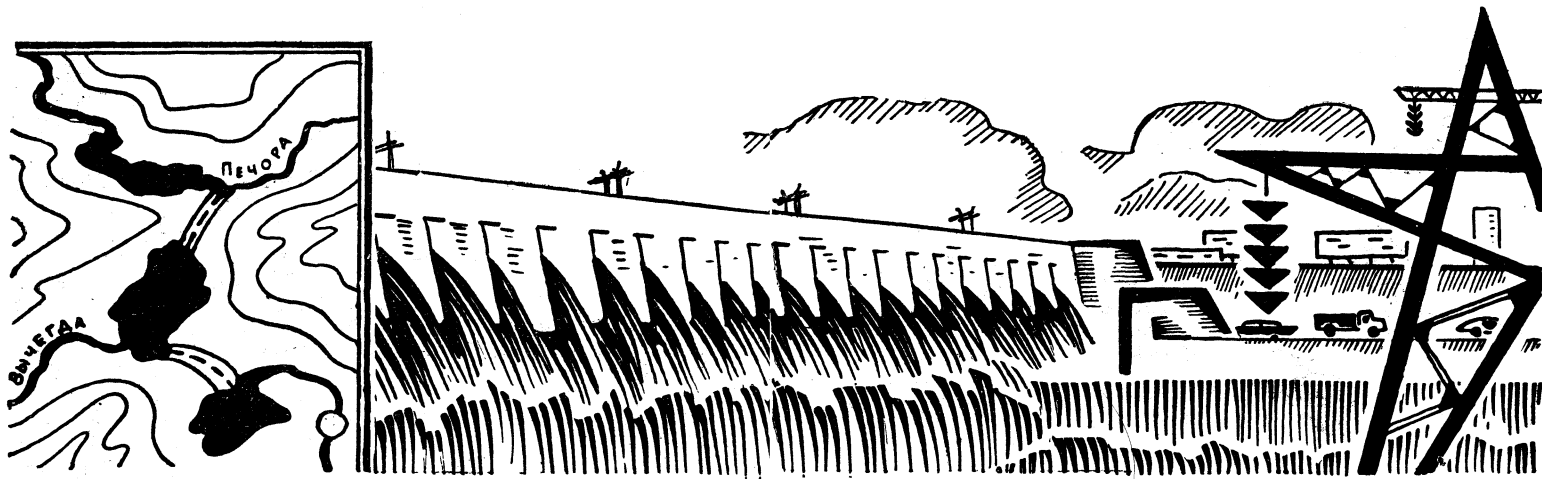
Месторождения нефти и газа открыты сегодня в Якутии и арктической части Сибири; не без успеха ведутся поиски в бассейнах Ангары и Тунгуски.

Да, Сибирь баснословно богата горючими ископаемыми. У геологов есть все основания предполагать, что только западная ее часть (не говоря уж о всей Сибири) по запасам нефти и газа, вероятно, значительно превосходит месторождения Кавказа и Волго-Уральской области и вполне соизмерима с уникальными месторождениями Среднего и Ближнего Востока.

Мы знаем Сибирь угольную, Сибирь рудную, Сибирь алмазную. Теперь можно говорить о Сибири нефтяной. На помощь сибирякам едут нефтяники со всех концов страны: из Азербайджана и Татарии, Башкирии и Украины. Нет сомнения, что в скором времени сибирская нефть и газ будут питать нашу растущую промышленность.

Вспомните: первое ассигнование... И наши планы сегодня: к концу двадцатилетия Советский Союз по производству топлива оставит далеко позади все страны мира.

Вот оно, чудо XX века!



ПЕЧОРА ТЕЧЕТ НА ЮГ

Куда впадает река Печора! Еще сегодня на этот вопрос можно ответить без труда — в Баренцево море. Но завтра эта истина перестанет быть бесспорной...

Ученые из института «Гидропроект» имени С. Я. Жука разрабатывают сейчас план переброса вод Печоры и Вычегды в Волгу.

Представьте себе:

Двенадцатикилометровой, глухой плотинной перегороджены верховья Печоры (близ села Усть-Воя). Дамбой перерезана в верховьях река Вычегда (близ села Усть-Кулом). На реке Кама построен Верхне-Камский гидроузел. Три водохранилища, образовавшиеся возле плотин, соединены густой — 160-километровой — сетью каналов. Огромное новое Печорско-Вычегодско-Камское море ищет выхода. И находит его: через турбины Верхне-Камской ГЭС северные реки текут в Волгу...

Эти покоренные воды несут свет, электриче-

скую энергию. Потому что благодаря им на гидростанциях Волги и Камы можно получить дополнительно столько электроэнергии, сколько дает одна из Волжских ГЭС!

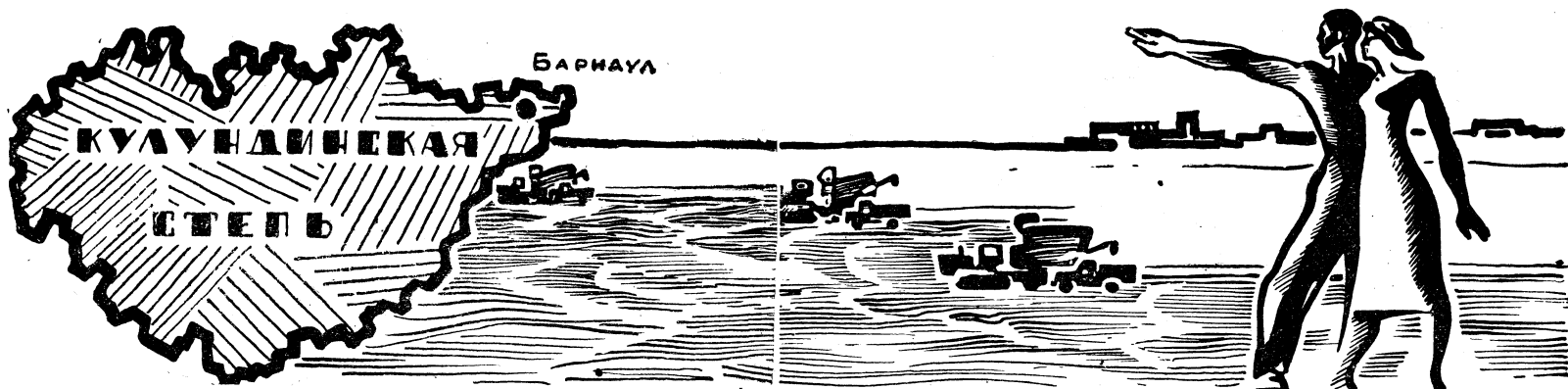
Они несут печорский уголь и лес. Новый водный путь длиной в 800 километров прочно связал южные районы страны с северными. Любые суда проходят по новой водной магистрали.

Они несут воду в засушливые степи Заволжья. Заволжье станет крупнейшей животноводческой базой в стране.

Они несут, наконец, жизнь Каспию, который постоянно мелеет. Только за последние 30 лет его уровень понизился на два метра, а из многочисленных протоков в дельте Волги судоходным остался лишь один — Бахтемир.

К осуществлению этого дерзкого проекта уже приступили. Комплексная изыскательная экспедиция работает сегодня на берегах Печоры. Гидрологи и геофизики собирают данные для гидростроителей.

Скоро советские люди внесут серьезную поправку в географию своей страны: часть печорских вод потечет на юг.



КУЛУНДА — МОРЕ ПЛОДОРОДИЯ

...Тяжелые, налитые колосья. Золотые волны убегают вдаль, скрываются за горизонтом. Море пшеницы, бескрайное, необъятное. Такой в недалеком будущем станет вся Кулунда.

Словно гигантский треугольник, врезалась Кулундинская степь в междуречье Оби и Иртыша. Этот край жаркого солнца, плодороднейших почв и богатейших залежей соли страдает из-за нехватки воды.

Победить засуху, превратить всю Кулундинскую степь в плодородное море — этой проблемой заняты сегодня ученые Сибири. Шесть научно-исследовательских институтов, руководимых специально созданной координационной комиссией во главе с академиком П. Я. Кочинной, готовят планы широкого наступления на засуху.

Чтобы разработать тактику наступления, исследователи занялись глубоким изучением естественных условий Кулундинской степи. Уже второй сезон работает здесь комплексная экспедиция. Климатологи и гидрологи определяют водные ресурсы края, почвоведы исследуют плодородие почв в различных районах, агрометеорологи и гидрофизики уточняют режим жизни и питания растений в условиях Кулунды.

Одновременно ученые обдумывают и техниче-

скую сторону вопроса: какими средствами можно победить врага — засуху! Есть несколько проектов строительства ирригационных систем в Кулундинской степи. Они очень разные, но ясно одно: все воды Кулунды — крупные реки, подземные источники, малые речушки, талые воды — все должно быть использовано в полной мере. Обь и Иртыш смогут оросить обширные, прилегающие к ним земли. Северную часть степи напоят поверхностные воды: поперек склонов будут строить дамбочки, которые задержат их. А для средней части Кулундинской степи люди добудут живительную влагу из-под земли: по подсчетам ученых, подземные водные ресурсы Кулунды составляют полтора-два миллиарда кубометров в год.

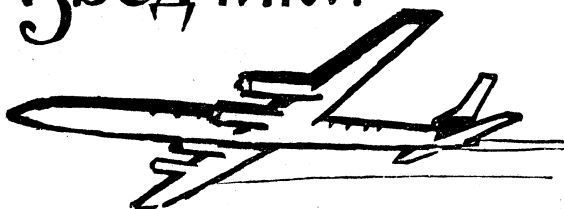
Орошение Кулундинской степи позволит получить только зерна дополнительно 15—20 миллионов тонн в год!

Изучая вопрос обводнения Кулунды, академик Г. М. Кржижановский писал, что создание здесь оросительной системы явится «своеобразным маховым колесом», которое двинет огромный край по пути прогресса.

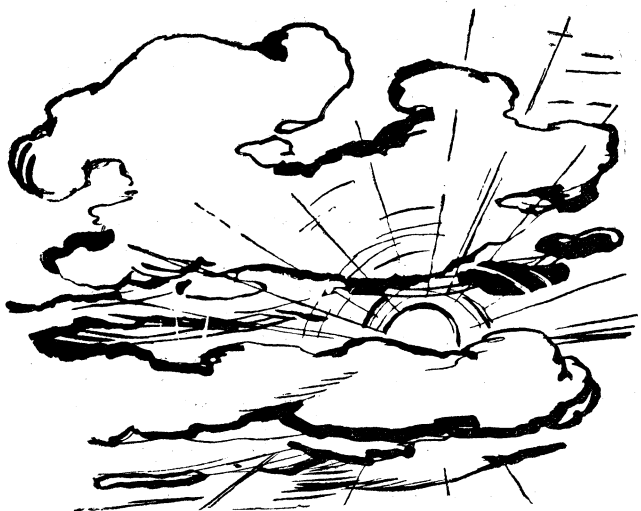
Сегодня это «маховое колесо» приводится в действие.

Разведчики

АНДРЕЙ МЕРКУЛОВ



ЗАОБЛАЧНЫЕ ДОРОГ



Рисунки Г. Храпака

Почему Клещинский ушел в дождь? Он был разведчиком — одним из первых среди тех, кто, стремясь за ускользающий круг горизонта, угадал требования своего века.

Разведчики заоблачных дорог... Стремлениям их нет предела. Однажды взлетев, они тянутся в небо.

Человек уходит в небо, чтобы вернуться и снова взлететь. На земле ему снятся острова из серебристых облаков или звездной космической пыли. А в небе он вспоминает знакомый

с детства полынный запах родных полей и до боли желанную тишину, особенно ясную, когда после посадки выключен двигатель и земля перестала быть опасной. Вернувшись из неведомых краев, которые продолжают жить в их памяти, они тоскуют, взгляд их скользит мимо вас и становится отчужденным. Быть может, так смотрели матросы Колумба, когда после своего необычайного плавания они рассказывали о нем землякам.

Я знаю, облака вместе с летчиками сходят на землю и продолжают стоять у них в глазах. Я замечал у них этот взгляд, сквозь дома и вещи, сквозь сутолоку дня — туда, где мы с вами не были.

Наш век дал им новую точку зрения. Они видят землю с высоты полета, избавившись от древней зависти к птицам. Клещинский был одним из первых, кто увидел землю такой, какой ее тогда не видели другие — сверху.

* * *

Многих разведчиков заоблачных дорог, тех, кто составляет славу и цвет нашей авиации, мне довелось знать.

В памяти моей они проходят единым строем, летчики-испытатели наших дней: Анохин, Перелет, Коккинаки, Седов, Рыбко, Шиянов, Опадчий, Юганов, Амет-хан, Верников, Гарнаев, Машковский, Алашеев, Неферов, Щербаков, Ильюшин...

Я представляю их на работе среди машин, сама форма которых говорит о рвущейся в небо скорости. И часто мне хотелось представить, какими бывают испытатели в самой обычной обстановке, дома, накануне опасного и трудного дня.

Помню зимний вечер, уют московской квартиры, где меня познакомили с Яковом Верниковым. Тогда он занимался на разных машинах штопорами: намеренно вводил новые реактивные самолеты в штопор, чтобы проверить, выйдет ли из него машина. Впоследствии он испытывал хорошо известный теперь самолет «АН-10». Это был добродушный, очень полный человек, который, смеясь, говорил о себе, что по нему кабины новых самолетов меряют. Неторопливо он стал рассказывать.

Штопор — неуправляемая фигура высшего пилотажа, не нужная в авиации. В штопор срываются против желания, и он ведет к неприятностям. Поэтому, обучая курсантов или испытывая самолет, нарочно входят в штопор, чтобы знать, как выйти из него. Машина срывается из горизонтального полета и, вращаясь, идет к земле. К той земле, на которой живут летчики. Но теперь она становится враждебной и приближается слишком быстро. Длина одного витка при штопоре бывает более шестисот метров.

Рассказывал Верников очень флегматично и медленно. Трудно было представить, что это человек молниеносных решений.

Однажды в перевернутом штопоре, повиснув вниз головой на ремнях сиденья и теряя за один виток полкилометра высоты, он вдруг упал лицом на переднее стекло колпака, который закрывает кабину летчика: лопнули ремни, не выдержав перегрузки.

— У меня короткая шея, — объяснил он. — Была бы длиннее, могла сломаться.

До управления он не мог дотянуться. Стоя на голове в кол-

паке, он отчетливо видел, как машина, вращаясь, рвется к земле. Все же он выбрался. Сумел овладеть машиной.

— Как же ты это сделал?

— Сейчас уже не помню. Понимаешь, очень нужно было это сделать.

Я посмотрел на часы. Рассказывал он три минуты.

— Сколько же времени это продолжалось?

— Ну, за три минуты я был бы уже в земле.

Он подумал, не торопясь подсчитал, потом добавил:

— Самолет сделал пятнадцать витков. За две минуты. Но ведь в воздухе думаешь быстрее.

За окном была зима. Падал мягкий медленный снег. Верников стал звонить синоптикам на аэродром.

— Плохой прогноз. Опять погода нелетная, — сказал он сердито, бросая трубку. — А мне хотелось полетать.

Писать о летчиках трудно. Они не терпят фальши и требуют правды и мужества, а не восторженных слов. Но писать о них нужно. История авиации проходит на наших глазах. Каждый из тех, кто делает эту историю, достоин книги и правды, такой же высокой, как небо, в котором они летают.

* * *

Как-то раз я спросил у Юрия Гарнаева, испытателя, у которого за плечами было уже немало серьезных дел, не считает ли он, что летчик, подобно игроку, испытывает судьбу.

— Игрок играет, — сказал Гарнаев, — а мы работаем. Работать для нас — это значит жить. Жить во что бы то ни стало. Это концентрирует волю. Обостряет чувства. Ты начинаешь соображать быстрее, чем это кажется возможным. Не думаешь о смерти. Не веришь в нее. И ты будешь жить, если не сделаешь ни одной ошибки. В этом вся трудность — ни одной ошибки. Обижаться на опасность нам не приходится. Такая профессия. Сам добивался ее и выбрал потому, что хочешь жить. А смысл жизни там, где борьба и победа над сложностью работы, над скоростью и высотой. Ты выходишь навстречу опасности, потому что хочешь жить. По-настоящему жить, не допустив просчета в работе, не покинув в трудную минуту машину на произвол судьбы. Жить — это значит привести ее на аэродром, даже если она не в порядке. И посадить. Спасти себя и ее, выполнив до конца свое дело. Вот что значит жить в воздухе.

Я вспоминаю один американский сценарий об испытателях. На скоростном самолете известный летчик отправляется в рекордный полет. Из мотора вдруг начинает бить масло, летчик совершает вынужденную посадку. В ближайшем доме он находит девушку, такую, о которой мечтал. Он увозит ее на самолете. Где-то по дороге они женятся.

У знаменитого летчика нет денег даже для того, чтобы снять комнату. Он вязывается в опасные спортивные соревнования. Жена смотрит с трибуны. Она еще не понимает ничего в полетах. Летчик выигрывает приз, ему надевают венок победителя. В это время раздается глухой удар, и черная карета пересекает поле: погиб его друг, у которого осталось трое детей. Поло-

вину премии летчик отдает вдове друга, остальное пропивает.

Чтобы обеспечить жену, он становится испытателем. Но теперь жена знает, что такое полеты. Она приезжает на аэродром и видит: самолет пикирует, пока не сломаются крылья. Это нужно, чтобы установить предел их прочности. Ночью она слышит удар самолета о землю. Проснувшись, видит перед собой часы, которые стучат: «Пока еще жив, пока еще жив». Это сон. Летчик мирно спит дома. Но вот все чаще его бортмеханик с тоской повторяет слова о слепой дороге испытателя, для которого, кроме смерти, выхода нет.

Однажды перед испытанием тяжелого бомбардировщика бортмеханик забывает прилепить к фюзеляжу жевательную резинку «на счастье». Машина срывается в штопор. Уже в огне, самолет как бы врезается в экран... Умирает бортмеханик, взяв с раненого товарища слово оставить полеты. В конце фильма бывший летчик с тоской смотрит, как другие поднимают в небо самолеты...

Американский фильм «Летчик-испытатель» — талантливый некролог людям этой профессии в Америке. Проникнутое горечью и пессимизмом повествование о судьбе обреченных, которые слишком часто говорят о том, что нельзя жить в воздухе...

С кадрами из этого фильма, не щадящего нервы зрителей, мне хочется сравнить другие кадры — из жизни Гарнаева.

Примерно 1950 год. В авиаконструкторских бюро люди склоняются над чертежами устройства, которое должно спасти летчика при аварии на больших скоростях и высотах.

Реактивный двигатель неизмеримо расширил возможности полетов. Но теперь обычный парашют уже не спасает при аварии. Встречный поток воздуха прижимает к машине, калечит при попытке выбраться. Трудность не в том, чтобы придумать стальное кресло, скользящее по пазам и снабженное патроном, который может выстрелить это кресло. Главное, чтобы человек остался после выстрела живым и вернулся на землю.

Так открывается одна из интереснейших страниц в истории современной авиации — создание катапульты, которой оборудованы теперь скоростные самолеты на случай аварии.

Первые опыты проводились на земле, затем испытывали кресло в воздухе с манекеном. Кресло отделяется от самолета, оно уже отрегулировано и не задевает хвостовое оперение. С помощью небольших тормозных парашютов останавливается его вращение в воздухе. После того как кресло минует самолет, ремни расстегиваются и манекен спускается на парашюте. Большого от него нельзя добиться. Он не может рассказать о своих впечатлениях. В кресло должен сесть человек...

Гарнаев одним из первых в мире испытывает на себе действие катапульты. Спешить в таком деле нельзя. Он долго тренируется и тщательно готовится к этому на земле. В прошлом он уже занимался делом, имеющим большое значение для летчиков, — испытывал различные средства спасения, главным образом новые парашюты. Он должен знать многое, прежде чем совер-

шить первый головокружительный прыжок — выстрелить самого себя из самолета.

Самое трудное — в первый раз. Не менее трудно, чем первый взлет на новом самолете.

Испытатель катапульты взвешивает все возможные варианты. Сначала нужно точно продумать положение в кресле, чтобы воздушной волной руки не сорвало с подлокотников. Потом, когда скорость погасится, надо освободиться от кресла и, раскинув руки, удержаться в положении прыгающего в воду пловца. Иначе человека может затянуть в штопор, и тогда не открыть парашют.

Управлять своим телом в воздухе нелегко. Особенно когда ты одет в надутый воздухом мягкий скафандр. Испытатель еще долго тренируется и обдумывает будущую работу...

Наступает решительный день. Ночь он не спал, несмотря на хорошее здоровье и тренированные нервы, — мысль все время возвращалась к предстоящему. Жена знает о том, что ему предстоит, но, кажется, не знает, что это будет сегодня.

Хороший ясный день. Самолет набирает высоту. Неожиданно высветляется новая, непредвиденная трудность: на большой высоте обмерзли стекла скафандра. Почти ничего не видно. Трудно будет ориентироваться в воздухе.

Первый раз он так и катапультируется — в шлеме с обмерзшими стеклами... Стучат часы. Кажется, что они стучат все громче. Летчик готов к предстоящей работе. Рука нажимает нужный рычаг. Огромная сила выталкивает из самолета снаряд, созданный человеком для спасения человека. Первый удар воздуха. Страшное физическое напряжение — три секунды, пока гасится скорость. Кресло вылетело, не зацепившись за самолет. Теперь, выдержав первую встречу с воздушным потоком, чувствуя, как гаснет скорость полета, испытатель освобождает ремни. Кресло уходит вниз. «Специалист падения», он находит нужное положение, осваивая движения в скафандре. Он начинает считать секунды, чтобы определить длину прыжка. Затем привычный толчок открывшегося парашюта.

На аэродроме, сняв шлем, он долго смотрит на землю, чувствуя, как спадает огромное напряжение самого трудного первого шага в воздухе. Он знает: главное сделано. Трудно всегда в первый раз. Скоро его работа будет освоена многими.

С этого дня Гарнаев работает все увереннее. С самолетов разных типов, с разных мест экипажа катапульты «опрыгивается». Наконец он покидает самолет при скорости, близкой к скорости звука: свыше 900 километров в час. Все проходит благополучно. Но в новом деле всегда бывают неожиданности, к ним надо быть готовым.

Однажды, как было предусмотрено заданием, Гарнаев выстреливает не себя, а манекен, сидящий впереди; но что-то случилось с креслом, оно не выходит до конца из пазов и, попав в поток воздуха, опрокидывается мгновенно всей тяжестью на фонарь пилотской кабины. Кресло прочно застряло в обшивке, почти закрыв летчику обзор. Гарнаев понял, что теперь его не сорвать даже пикированием — слишком рискованно. Так с креслом «на голове» он вернулся на аэродром и блестяще посадил машину.



В другой раз после прыжка с катапульты, когда Гарнаев уже расстался с креслом и падал свободно, от резкого толчка разорвался раскрывающийся парашют. Взглянув вверх, летчик увидел рваные ленты вместо купола.

Он открывает запасной парашют. Внизу полотно железной дороги, где виден приближающийся поезд. Обрывки основного парашюта не дают управлять стропами. Гарнаева несет прямо на рельсы. Очень обидно спастись в воздухе и попасть под поезд. Но он падает в двух шагах от насыпи. Купол, по счастью, не затянуло под колеса. Пролетает мимо паровоз, мелькает растерянное лицо машиниста.

В один из дней работа с катапульты кончилась. То, над чем работал Гарнаев, называется теперь «катапультирование при отработанных средствах».

Гарнаева ждет новая работа...

Все чаще среди тех, кто занимается авиацией, повторяется слово «космос» — слово, которое еще недавно означало очень отдаленное, фантастическое будущее.

Было известно, что там, на огромных высотах, где почти нет воздуха, не могут действовать обычные рули управления, опи-

рающиеся на встречный воздушный поток. Там пригоден только реактивный принцип полета, который требует новой техники.

Снова ясный апрельский день. На аэродроме отменены все полеты: предстоит событие чрезвычайной важности. Посреди бетонной площадки стоит странное сооружение. Оно ничем не напоминает летательный аппарат. Нет киля, нет крыльев. Одни только двигатели, сопла которых смотрят в землю. Это турболет, реактивный аппарат, который впервые должен сегодня оторваться от земли.

К нему подходит Гарнаев. Его провожают друзья и знакомые. Видно, что самого испытателя тоже немного беспокоит мысль: а может ли эта штука летать?

Гарнаев в последний раз шутливо спрашивает у одного из ученых, создававших аппарат:

— Как же все-таки он полетит?

Тот отвечает с уверенностью:

— Очень просто. Сила тяги против веса.

Гарнаев поднимается в стеклянную кабину. Он напряжен и сосредоточен. Рука ложится на сектор газа. Еще секунда, и струи взрывов ударят в землю. Он включает газ. Пламя вырывается из сопел. Несколько тысяч лошадиных сил рванули вверх неуклюжее сооружение, на всякий случай привязанное к земле тросами. Турболет оторвался от взлетной площадки — и его сразу, накренив, повело в сторону. Но в ту же секунду летчик овладел рулями управления. Он чувствует, что машина стала послушной. «Струйные рули» действуют... Аппарат по воле летчика идет влево, вправо... Все в порядке. Можно сажать машину.

Из кабины друзья выносят его на руках. Взволнованный ученый спрашивает:

— Как же вы все-таки взлетели?

— Очень просто. Сила тяги против веса, — отвечает Гарнаев.

Оба смеются. Теперь им можно смеяться.

Через несколько месяцев Гарнаев уже показывал взлет новой машины на авиационном параде в Тушино...

Работа летчика-испытателя, построенная на разумном риске, ведет к открытию неизведанной высоты и скорости. Он разведчик, идущий впереди навстречу опасности. В его работе много гуманизма. Он обеспечивает безопасность тем, кто будет летать на серийных машинах.

Перед полетом Юрия Гагарина испытатель Гарнаев участвовал в создании условий невесомости в самолете. Это было необходимо для предварительных выводов о возможном самочувствии космонавта. И если о Гарнаеве сделать фильм, он будет смотреться с напряжением, но в нем не будет психологического надрыва. В характере испытателей наших не трагизм обреченности, а пафос борьбы за покорение высоты.

* * *

Героизм и мастерство испытателя иногда заключаются в том, чтобы спасти себя, когда уже нельзя спасти машину. Это не просто инстинкт самосохранения. Здесь жизнь и работа сли-

ваются в одно — летчик должен вернуться, чтобы рассказать о случившемся. Иначе гибель машины может остаться загадкой и работу придется начинать сначала.

Уйти из гибнущей машины — это значит в доли секунды проявить все свое мужество, хладнокровие, находчивость и знание летной работы.

Сергея Анохина авиаконструктор Яковлев назвал академиком летного дела. Он наделен особым чувством воздуха, как говорят его товарищи по работе.

Однажды в полете возникла опасность взрыва. Анохин должен был покинуть самолет, но оказалось, что катапульта не работает. Выбрасываться без нее из реактивного самолета, даже при погашенной до предела скорости, — дело исключительного мастерства. Анохину уже пришлось однажды прыгать без катапульты, преодолевая силу встречного потока, но в этот раз ему предстояли еще большие трудности. Двигатели, засасывая воздух, работали в крыльях, откинутых далеко за кабиной. Их надо было миновать, прежде чем броситься в пространство. Кроме того, нужно было удержаться как можно дольше на гладком фюзеляже, чтобы сразу не понесло на стабилизатор. Анохин открыл люк и выбрался на фюзеляж. Главное теперь — ни одной ошибки. Он полз по фюзеляжу, держась за тонкую антенну, протянутую вдоль самолета. Миновал двигатели. Антенна оборвалась. Его понесло к стабилизатору. Анохин знал, что удариться шлемом и потерять сознание — значит не выдернуть кольцо парашюта. Отличный гимнаст, он сжался в комок и оттолкнулся от стабилизатора ногами. Ноги долго болели потом от толчка, но самолет ушел. Анохин открыл парашют и снова — в который раз! — благополучно приземлился.

Анохин — единственный в испытательной авиации, кто летает на всех типах реактивных машин после своего пятидесятилетия. В домашней обстановке он всегда удивляет скромностью, немного угловатой застенчивостью, как будто всю свою решимость он оставляет в воздухе. Он молчалив, разговориться может только в кругу хороших знакомых. Кроме авиации, любит спорт, езду на мотоцикле и больших собак. У него есть свои чудачества. Перед войной он был послан авиационным инструктором в Турцию. Поселили его в фешенебельном квартале Стамбула, в одном из переулков. Он выходил из дома не в дверь, а прыгал для тренировки со второго этажа в окно вместе со своей огромной собакой. Богатые турки боялись даже ходить по переулку, где живет «отчаянный русский летчик»...

* * *

Когда мы встретились с Александром Щербаковым, он считался молодым испытателем, хотя ему было около тридцати. Есть профессии, которые требуют длительного возмужания. За широкими плечами Щербакова к тому времени был опыт войны на истребителях, академия имени Жуковского, специальная школа летчиков-испытателей и не один год работы на испытательном аэродроме. Но ему поручали только самые простые дела. А он мечтал о большем.

Я давно привык к его спокойствию и сдержанному юмору, его молчаливой деликатности и уменью, когда это нужно, к серьезному отнестись шутливо, а к шутке — всерьез. Я вспоминаю его в тот вечер, когда он привез домой высотный костюм, чтобы ехать с ним утром на тренировку в барокамеру. Он примерил костюм: Высокий, с четко вылепленными мускулами, Саша был плотно обтянут зеленым капроном со шнуровкой на руках и ногах, под которой проходит шланг для сжатого воздуха, чтобы создать искусственное давление при аварии кабины на большой высоте. У самого пояса раскачивались толстые резиновые трубки, которые подключают к баллонам со сжатым воздухом. Посмотрев на себя в зеркало, он решил, что, если выйдет на улицу, за ним побежит не меньше девушек, чем за модным поэтом. В этом костюме с кислородной маской на лице он действительно был похож на человека-амфибию...

Но помню я и другой вечер, когда Щербаков открылся мне в момент одного из самых сильных переживаний, которые выпадают на долю тех, кто работает в воздухе. По случайному совпадению тот день оказался для него и значительным и трагичным.

Мы заранее договорились, что вечером, когда он вернется с работы, пойдем к знакомым посмотреть привезенный из Италии каталог очередной международной выставки живописи в Венеции.

Я позвонил ему.

— Придется отложить. Ты не подскажешь, кому звонить, чтобы поместили некролог?

— Кто?

— Паршин.

Паршина я видел за два дня до этого. Он много шутил и, как всегда, интересовался: что сейчас пишет Шолохов? Ему нравилось мужество шолоховской прозы.

— Когда?

— Сегодня утром.

Я дал телефоны редакций. Мы помолчали неловко и положили трубки.

Немного позже Щербаков позвонил сам и сказал, что пойдет смотреть каталог. Возвращаясь, мы шли по ночному бульвару, и Саша заговорил обычным своим спокойным голосом, каким всегда объяснял мне какое-нибудь устройство в самолете. Но я уловил за этим спокойствием внутреннее напряжение.

— Ты знаешь, — сказал он, — Паршин разбился на моем самолете.

— Как?!

Он начал рассказывать.

Как начинающий испытатель, Щербаков занимался тем, что летал с кинооператором на относительно простой реактивной машине. Они снимали полеты других самолетов. В современной авиации все существенное фиксируется на пленке. Саша с нетерпением ждал случая подменить кого-нибудь на сложной машине. В этот день случай представился. Ему позволили вылететь на скоростном истребителе. Он пошел к самолету. А когда вернулся, упоенный первым полетом на новой машине,

узнал о несчастье. Паршин, летчик более опытный, чем Щербаков, заменил его на киносъемке и разбился.

Авиационная техника нелегко раскрывает тайны нового. Испытатель — инженер, который знает, что без его работы невозможно развитие авиации. Случайные люди, которых увлекает внешняя романтика летного дела, ей не нужны. Но летчик по призванию, столкнувшись с опасностью в работе, все равно не оставит своего дела и без колебаний сделает новый шаг вперед.

Александр Щербаков оказался летчиком по призванию: с тех пор на его счету немало трудных полетов.

* * *

Есть на далеком Шпицбергене деревянный крест, где безыменные суровые поморы когда-то сделали ножом такую надпись: «Тот, кто бороздит море, вступает в союз со счастьем, ему принадлежит мир, и он жнет не сея, ибо море есть поле надежды».

Я не знаю, сколько книг написано о море. Но о небе, которое стало полем новых дорог и надежд, написано мало.

Настало время поговорить об облаках. Только сейчас, с развитием массовой авиации, мы привыкаем смотреть на них сверху вниз, а не снизу вверх, как смотрели веками.

В комнатах метеослужб на аэродромах висят по стенам портреты различных облаков с описанием их родословной, повадок и характера. Это целая поэма о тумане, на которую здесь, в этой комнате, летчик перед вылетом смотрит строгими глазами: ему вся эта «чертова слякоть» может помешать.

Но потом на земле, после работы, в его глазах продолжает стоять величие небесных гор, многообразие оттенков их освещения, которое невольно, как и на море, делает многих закоренелых практиков глубоко замаскированными поэтами в душе.

У летчиков-испытателей есть одна общая и главная черта — молчаливая, твердая приверженность делу. Они не любят красивых фраз. Но каждый из них в душе хоть немного поэт.

В минуту их доверия меня всегда тянуло спросить о краях, которые они одни повидали, — ведь еще так немного людей, видевших звезды в полдень...

Однажды мы с Щербаковым были у Сергея Анохина. Разговор шел совсем о другом. К случаю я спросил, как выглядели облака на высоте, где им довелось быть вчера. Странная, хорошая улыбка осветила лицо Щербакова: «Ох, знаешь... Обычно некогда смотреть, но это бывает так здорово...»

И они стали объяснять мне, как выглядит небо на большой высоте. На минуту оба задумались и замолчали. И тогда я вдруг почувствовал себя так, как будто поезд ушел, а я остался один на платформе.

Как-то я подружился в Арктике с командиром транспортного корабля. Я летел в кабине — не только потому, что фюзеляж был всего-навсего обмерзшим до отчаяния пустынным железным сараем. Нигде не поговоришь так запросто с летчиками, как здесь или в летной гостинице, если живешь с ними в од-

ной комнате. Мы жевали бортпаек, запивая крепким чаем из термоса, и говорили о всякой всячине. Командир был немолодой, энергичный, сухощавый, чуть горбоносый, прожаренный дотемна арктическим солнцем, подвижной и очень серьезный. Он даже свой экипаж «насквозь» воспитывал, следил, что читают.

Самолет висел над облаками. Пейзаж был привычен и близок летчикам. Делая свое дело, они в то же время вбирали глазами так же естественно, как легкими воздух, тонкие переливы нежных северных красок, бесконечную, чуть всхолмленную облачную равнину под нами, похожую на волнистое снежное поле, дальние розовеющие от солнца гряды более высоких облаков, подобные горным вершинам, на которые мы шли, поворачивая маршрут.

После взлета командир должен был, как обычно, до посадки передать штурвал второму пилоту. Но он этого не сделал. Молча и прямо смотрел он перед собой на приближающиеся облака, похожие на ледяные вершины, отсвечивающие розовым отблеском скрывающегося где-то за ними солнца...

Облака приблизились. Врезавшись в легкую воздушную массу, мы почувствовали на секунду обманчивое впечатление стремительного приближения горной вершины. Потом все вокруг потонуло в сероватом влажном даже на взгляд тумане. В этой серой массе прямо перед нами обозначилось тусклым желтым пятном солнце. Самолет пробивался к нему. Солнце наливалось светом, уменьшалось и вдруг стало нестерпимо ярким: мы вышли из облака. Впереди тянулась новая гряда. Теперь облака были ниже, чем курс самолета. Командир чуть отстранил от себя штурвал, машина опустилась, снова мы понеслись на облака и врезались в него. В сером тумане опять стало накаляться солнце, пока не вспыхнуло в чистом небе по ту сторону облачной гряды. Мы шли, как бы пронизывая насквозь одну горную цепь за другой.

Когда полет сквозь облачные горы кончился, командир взглянул на меня. Я заметил, он доволен вдвойне: оттого, что показал мне свое небо, и потому, что сам снова пережил увлечение этой игрой с родной ему стихией...

У летчиков, хотя они мало говорят о своих чувствах, ощущение красоты заоблачного пейзажа бывает развито особенно сильно, и жаль, что их глаза не могут, как киноаппарат, сбереечь для других увиденное в небе.

* * *

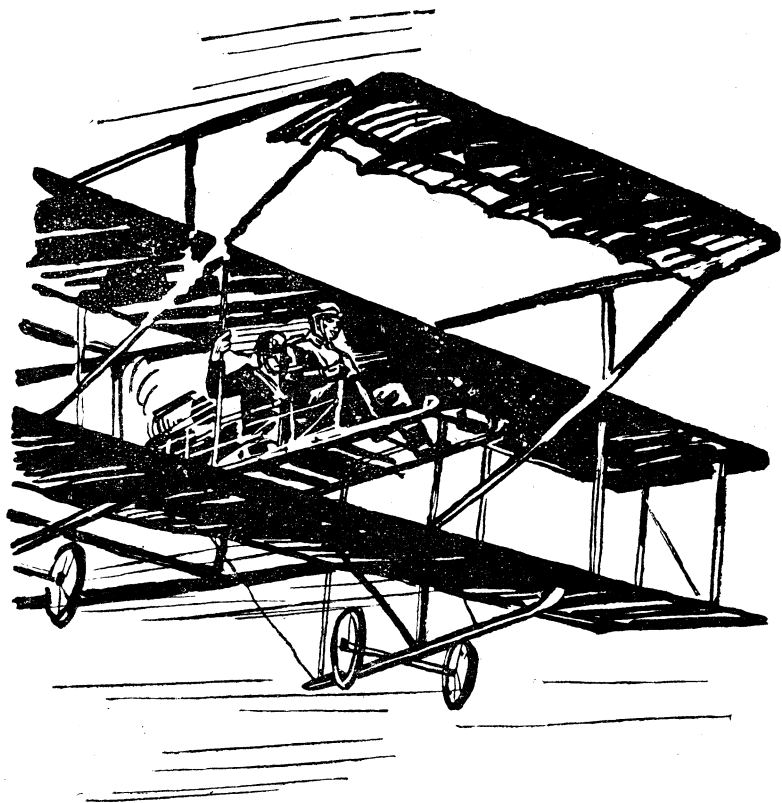
...Корреспондента разбудили ночью, сказали, куда ехать. Утром, не доезжая станции Тихова Пустынь, он стал смотреть в окно вагона.

На переезде сторожиха крикнула:

— Влево смотрите!

Корреспондент записал:

«Утро теплое и туманное. Широко стелются мокрые поляны, желтеют перелески. И вот, немного не доезжая до выросшей на косогоре деревни Верховье, саженьях в двести от дороги, на



краю неглубокой лощины, заросшей черным раkitником и веселой зеленью молодых елок, как громадная упавшая на землю птица, вырисовывается серый контур погибшего «нюпор». Стоит он хвостом вверх, зарывшись носом в землю, и спереди накрыт мокрым брезентом...»

У аэроплана собралась следственная комиссия. Вокруг толпа. Клещинский прожил в деревне Верховье двое суток, и крестьяне подружились с ним. Корреспондент записал: «Они так и говорят — наш поручик».

Сняли брезент, ключом отвернули тросы. Показались два пробковых желтых шлема. Рука Клещинского судорожно вцепилась в рычаг глубины. Подошвы на сапогах согнуты от сильного нажима на педаль в предсмертный момент. Он боролся до конца. Серебряные погоны. Шерстяная рубаша коробится от черной крови. На руке идут часы. Их сверяют. Часы не останавливались.

— Контакт включен!

«Ньюпор» упал с работающим мотором.

Рядом с Клещинским лежит механик Антонюк. Простое чистое лицо. Рассказывает староста деревни:

— Двое суток машину поручика нашего караулили, чтобы не сбаловал кто из ребятешек. Потом держали, как он лететь собрался. Сильная машина, страсть. Ветер от нее шапки посшибал. Вот солдаты все спорили, кому лететь. Этот вот выпорил. — И староста показал на Антонюка.

— Ступай на место, борода, — говорит часовой.

Бабы начинают всхлипывать.

Клещинский был одним из первых русских авиаторов.

Это было начало века — бурное детство авиации, промчавшееся на парусиновых крыльях, на аэропланах, которые окрестили «летающими этажерками». Теперь «этажерки» сданы в музей, а самолеты с парусиновыми крыльями, точнее уже перкалевыми, возят почту на короткие расстояния.

Узнать о Клещинском из старых газет можно немного. Но я не хочу мириться с этим. Мне хочется представить его живым, ощутить силу молодости его самого и авиационного дела, когда авиация только расправляла крылья. Я хочу представить обстановку того времени, его интересы и увлечения, чтобы понять, что заставило его вылететь в дождь.

...В те дни знаменитая Ходынка — ныне вертолетная станция в Москве на Ленинградском шоссе, — была дальней окраиной Москвы. Здесь рождалась и крепла наша авиация. Здесь встречали и провожали авиаторов, шли тренировки, сдавались экзамены на звание пилота. Над полем трещали пропеллеры и проносились похожие на коробчатых змеев аппараты.

Ходынка была полна событиями. Вот однажды, в дождливый июньский день, аэродром оживает вместе с рестораном «Авиация», где с шести часов утра накрыт стол для встречи. Ранним утром на поле зажигают сигнальный костер, и столб черного дыма тянется к небу. Рядом видна фигура крепкого плотного старика: сам Николой Егорович Жуковский прибыл в этот ранний час на аэродром. Собравшиеся упорно мокнут посреди поля. Ждут лейтенанта Дыбовского, который летит через Москву из Севастополя в Петербург.

На вопрос корреспондента, какое значение имеет полет, Жуковский отвечает:

— Огромное.

— В чем оно заключается?

— Пишите просто: огромное значение.

— ?!

— Другой, — объясняет профессор, — летел, летел, да и погиб либо сел. А этот — ничего. Все благополучно. Другой летел, летел и аппарат бы сломал. А у этого цел, вот до самого конца и без замены частей.

И действительно, разве этого мало для летчика тех дней?

Из-за сплошного тумана Дыбовский сел, немного не долетев до Москвы, и там, на лугу, рассказывал подоспевшим корреспондентам о трудностях полета через Сиваш.

Аварии тогда были в порядке вещей. К ним привыкли. Гораздо больше тревожили воображение перелеты. Перелеты Дыбовского, Поплавского, Андреади, Габера-Влынского и Самой-

ло — все это были события, близкие и знаменательные для Клещинского. Как всякий авиатор, он большую часть времени проводил на аэродроме и у самолета.

Клещинский был одним из самых молодых авиаторов. Радостное волнение охватило его, когда, наконец, уже дождливой осенью, он получил разрешение и стал готовиться к перелету...

На месте гибели Клещинского корреспондент подошел к его товарищу; поручику Иванову, с просьбой разъяснить, почему произошла катастрофа. Поручик сказал:

— «Ньюпор» всю ночь простоял на дожде. Тяжесть его увеличилась от впитанной влаги. Летел поручик Клещинский на дальнее расстояние. Бензин и масло не везде можно добыть, приходилось везти их с собой. Тяжесть аппарата была от этого ненормальна. Он хотел вернуться, но хвост занесло, и вышел «обратный вираж».

— Зачем же эти опасные перелеты на дальние расстояния в ужасную октябрьскую погоду, а не летом?

Поручик Иванов впервые взглянул на корреспондента.

— Мы считаем, — сказал он подчеркнуто медленно, — что нам нужно научиться летать в самых неблагоприятных обстоятельствах. Без малейшей дорожной организации, не зная ни направления ветра, ни условий местности. Оттого-то, сознавая всю опасность, мы и летаем в осеннюю непогоду...

Клещинский сам захотел лететь осенью и полетел в дождь. Но он не учел лишний груз масла и бензина и упал на поле, недалеко от Калуги, где жил в то время почти неизвестный чудак-учитель, по формулам которого выводят теперь на орбиту ракетные корабли.

* * *

Среди пилотов Клещинский был рядовым. Имя его забыли. Но я стал писать о Клещинском потому, что он один из тех энтузиастов-одиночек, которые на свой страх и риск искали пути в небо.

Им было трудно. Тогда в России правительство рассматривало авиацию чуть ли не как частное дело. Дерзкие проекты лучших умов страны — такие, как проект ракеты Кибальчича, — десятилетиями пропадали в архивах. Странно звучат сегодня сообщения давних газет о том, что 31 марта 1913 года в Москве было «выпущено на улицу 3 000 кружек для сбора пожертвований» на нужды воздушного флота.

Клещинский не дождался того времени, когда воздушный флот стал детищем народа. Унаследовав от авиации прошлого «летающие этажерки», мы сумели всего через несколько десятилетий первыми отправить корабли в космос.

Социализм стал стартовой площадкой для завоевания космоса.

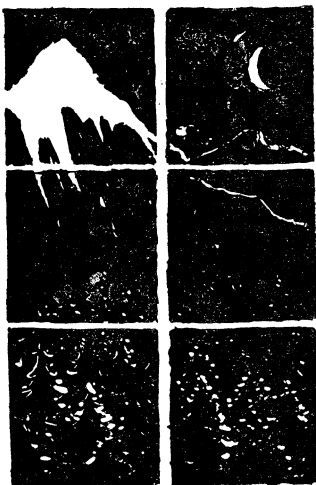
Наследники Кибальчича и Можайского, ученики Жуковского, Циолковского и Цандера, соратники Туполева — создатели и капитаны нашей мощной техники, советские разведчики заоблачных дорог подняли мир до пределов, доступных прежде только мечте.

Они шли по гребню на высоте трех тысяч семисот метров. Ветер, зажатый в скалах, набирал здесь силу горного потока. Он мог столкнуть в пропасть при первом же опрометчивом шаге. Шестеро альпинистов, в связках по двое, двигались очень осторожно, то и дело припадая к камням, перегибая, когда порыв ветра ослабнет.

Спортсмены были одеты в перкалевые штормовки, подбитые мехом, с остроконечными капюшонами. Среди нагромождений гигантских скал, гладких отвесов и каменных взлетов они напоминали крохотных гномов.

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ



Потом альпинисты прошли по узкому каменному выступу «полке» на площадку.

Ветер пропал. Было слышно, как он посвистывает в скалах за поворотом.

— Вот она! — неожиданно для себя громко сказал Мурат.

Пятеро проследили за его взглядом. Они тяжело дышали — давал себя знать разреженный воздух высокогорья, и борьба с ветром утомила их.

— Вот она, — повторил Мурат негромко, словно поправился извиняясь.

Его товарищи молчали.

Они смотрели на каменную стену высотой в четыре десятиэтажных дома. Стена была стального цвета. Лишь кое-

СТЕНА

Рисунки С. Прусова

где в нее вкрапливались, словно ржавчина, рыжие породы, а посредине проходила угловатая трещина, едва приметная на расстоянии.

Самый высокий в группе, Мурат глядел на стену поверх голов своих спутников. В душе он ругал себя за несдержанность. Его товарищи, как и он, отлично знали, что это и есть та самая «Психологическая» стена.

Так ее прозвали альпинисты.

— Отдохнем, — сказал парень, шедший первым.

Мурат понял, что товарищи почувствовали его волнение. Ему совсем не хотелось этого, но так получилось.

Спортсмены сели, прислонившись рюкзаками к камням. Было холодно, но солнце припекало.

Протерев запотевшие очки, Мурат посмотрел влево. С площадки, на которой они сидели, хорошо просматривалась перемычка между двумя увалами. Вернее, снежный намет, засыпавший ее. Дальше шла наклонная полка, похожая на скошенный карниз здания. Она заканчивалась широкой плитой, напоминавшей односкатную крышу. И наклонная полка и плита — основание «Психологической» стены — обрывались в километровую пропасть.

С этой «Психологической» стены и сорвались в пропасть два года назад четверо альпинистов. Четверо из шести. Они шли в одной связке. Двое благополучно преодолели стену и закрепили веревку наверху. Но кто-то из стоявших на полке или поднимавшихся по отвесу стены сорвался. Веревка, закрепленная на камнях, не выдержала тяжести падавшего, лопнула, и тогда унавший увлек за собой остальных.

Мурат, только что поступивший на работу инструктором контрольно-спасательной службы, вместе с начальником пункта Николаем Семеновичем Смирновым вышел в горы. Дело было зимой, а группа, попавшая в беду, совершала первое в истории зимнее восхождение на трезубец Домбай-Ульгена.

Погибшую четверку искали неделю. На дне пропасти было много снега, и тела альпинистов провалились очень глубоко. Когда их откопали, они напоминали фигуры из группы Лаокоона. И были так же тверды, как мрамор.

От места гибели в Домбайскую поляну возвращались на вертолете. Всю дорогу молчали. Мурат старался не смотреть на покрытые брезентом тела, а Смирнов ушел в кабину к пилотам.

Мурат впервые столкнулся с беспощадностью гор. Он долгое время не заговаривал со Смирновым о трагической попытке зимнего штурма Домбай-Ульгена, потом спросил напрямик:

— Почему они погибли?

— Не так шли, — коротко ответил Смирнов.

— Не так? — удивился Мурат. Ему казалось, что нет более надежной страховки, чем связка вшестером. Ведь каждого в случае срыва удерживают пятеро, четверо, ну, трое наконец.

— Не так, — убежденно повторил Николай Семенович. — Надо идти в связке по двое. Только по двое.

— И в этом залог успеха?

Николай Семенович окинул взглядом могучую фигуру Мурата, рядом с которым казался себе щуплым парнишкой:

— Успех решает тренировка. Ну и, конечно, характер!

Тогда-то Мурат и задумал совершить вторую попытку зимнего штурма Домбай-Ульгена. Во время летнего альпинистского сезона Мурат встретился с ленинградским масте-

ром спорта, инженером-судостроителем Виктором Синецким. Среди альпинистов Виктор был известен под прозвищем «Генерал». Веселый балагур и гитарист «внизу», Синецын преображался в горах. Его словно подменяли. Он становился молчаливым и суровым, а его выдержка и выносливость изумляли даже бывалых.

Будто между прочим Мурат сказал Генералу:

— Неплохо бы зимой прогуляться по трезубцу.

— Та история тебе покоя не дает? — усмехнулся Синецын. — Или ты решил принять вызов Домбай-Ульгена? И нас подбиваешь?

— Второй год присматриваю компанию.

— Выбрал?

— На тебе остановился.

Виктор в ответ тронул струны гитары.

Постоял Мурат, послушал и, приняв молчание за отказ, ушел.

А через неделю Генерал явился на контрольно-спасательный пункт.

— Мурат, ты больше никого не присмотрел?

— На Домбай-Ульген?

— Ну ясно. С нашего завода еще четверо решились пойти. А тебя — шестым. За идею.

— Пойду. Если начальство отпустит. Как вы, Николай Семенович?

— Кто да кто пойдет? — спросил Смирнов.

Синецын назвал.

— Что ж, ребята дельные, — подумав, проговорил Смирнов. — Тренируйтесь. А что думают по этому поводу в Центральном Совете общества?

— Они думают, что зимнее покорение Домбай-Ульгена следует засчитать как первовосхождение.

Мурат очень обрадовался. За два года работы на КСП он облазил горы Западного Кавказа, но все восхождения пролегли по хоженым и переходным маршрутам, а в первовосхождении ему участвовать не приходилось.

Штурм вершины — это экзамен. Только особый. В альпинизме нельзя пойти на авось. Тому, кто любит «риск», лучше не подниматься в горы, потому что цена альпинистского риска — жизнь. Спортсмены в горах не «рискуют», они либо идут наверняка, либо возвращаются.

Николай Семенович согласился отпустить перворазрядника Мурата на восхождение высшей категории трудности. Смирнов хорошо знал своего воспитанника. Они вместе не раз выходили на самые опасные спасательные работы — лазили в похожие на ловушки трещины ледников, поднимались по спинам дремлющих лавин, пережидали громоподобные низвержения камнепадов. Они вместе каждое утро занимались на турнике — Мурат подтягивался до восьмидесяти раз, по шестидесяти раз приседал на каждой ноге. Смирнов уступал ему до десяти жимов и по пяти приседаний.

Группа тренировалась на скалах. А когда выпал снег, Мурат вбежал в палатку радостный, словно подарок получил:

— Ребята, вот и зима!

С этого времени подготовка стала еще ожесточеннее. По утрам Мурат выходил из дома раздетый, становился лицом к трезубцу, над которым поднималось солнце, и принимался за физзарядку.

2

А теперь, увидев стальной монолит стены, Мурат почувствовал, что на него обрушился страх. Здесь, в пятидесяти метрах от «Психологической» стены, страх настиг его как лавина, но сейчас Мурат понял, что, подобно лавине, страх этот скапливался в нем исподволь, может быть с того самого дня, когда он выкапывал погибших, и, наверное, именно потому Мурат так упорно готовился к штурму — он хотел во что бы то ни стало победить страх.

Мурат, бывало, посмеивался над спортсменами, которые в минуту откровенности рассказывали, как, случалось, от страха они не могли пошевелиться или были не в силах заставить себя разжать оцепеневшие пальцы, подняться и идти дальше. И каких усилий воли требовал этот шаг!

Теперь сам Мурат испытывал то же чувство — когда не просто даже подумать о том, что надо подняться, когда приходится переступить через душевное волнение, словно через стену. Это чувство знакомо солдатам, вернувшимся на передовую после тяжелого ранения и снова идущим в первый бой; морякам, спасшимся после кораблекрушения и опять выходящим в штормующее море; тем, кто, пережив катастрофу, садится в самолет или автомобиль.

— Вот и добрались, — проговорил Мурат.

Его тяготило молчание.

Мурат не мог видеть, как под защитой темных очков на него внимательно смотрит командир.

— Пожалуй, стоит подкрепиться, — сказал Синицын.

— Конечно! — поддержал его Мурат.

— Да ну, — махнул рукой Востриков, у которого из-под очков выглядывал только невообразимо курносый нос. — Пройдем ее, тогда и перекусим.

Но Сеня Мухин, шедший в связке с Муратом, воспринял пожелание руководителя восхождения и своего напарника как приказ. Он скинул рюкзак и достал примус.

Мурат с благодарностью глянул на Сеню и подумал о том, что есть люди, в руках у которых вещи становятся удивительно послушными: не капризничают, не упрямятся, а ведут себя как хорошо выдрессированные животные. Прикосновение — и добродушным шмелем гудит примус. Горит весело, с удовольствием. Стоит Сене подойти к тлеющим сырým дровам в печке, раза два двинуть кочергой, как занимается огонь, трещат разгоревшиеся поленья. Не успеешь оглянуться, а у Мухина уже уложен рюкзак: ничто не выпирает, не топорщится, все нужное — сверху, под рукой.

Он думал о Мухине с теплотой и какой-то завистливой

нежностью, наверное, потому, что был уверен: Сеня не ощущает противной, тошнотворной оторопи.

Потом он перевел взгляд на Генерала, который, по твердому убеждению Мурата, никогда не испытывал чувства, похожего на страх. И в душе Мурата рождалось презрение к себе.

Кто же поверит ему, что он готов сейчас пройти по любому другому, пусть самому сложному маршруту, преодолеть с легким сердцем любую другую каменную стену? Но вот эта стена, под которой он выкапывал из-под снега мертвецов, эта каменная глыба лишала его уверенности.

Он пытался подхлестнуть себя мыслью о том, что перед выходом в горы Николай Семенович доверительно попросил его быть не только осторожным самому, но и тщательным образом следить за поведением других на этом сложном маршруте.

— Пойми, Мурат, — сказал Смирнов, — ты идешь в горы не только как альпинист, но и как представитель контрольно-спасательного пункта. Если посчитаешь нужным — можешь запретить любому участнику любой поступок, который, по твоему мнению, ставит под угрозу жизнь и здоровье остальных.

Тогда Мурат был горд поручением. А сейчас — это проклятое чувство...

— Помни, — говорил, прощаясь, Николай Семенович, — за тобой всегда последнее слово — железное право вето. Пользуйся им разумно и решительно.

Когда Смирнов ушел, Мурат встал у окна комнаты и долго смотрел на сияющий силуэт трехглавой горы. Стояла лунная ночь. Ели на склонах, опущенные инеем, были белыми, от них тянулись голубые тени.

А потом неожиданно Мурат увидел в черном зеркале окна свое отражение, похожее на старинный портрет: часть лица освещена, часть терялась в темноте. Мурат щелкнул свое отражение по носу и подмигнул ему.

Кажется, именно тогда у него в душе шевельнулось что-то похожее на неуверенность, на предвестие страха. И исчезло.

— Замечтался! — Мухин тронул Мурата за плечо. — Я — человек увлекающийся. Минута — и банка пуста.

Мурат протянул было руку за консервами, но только махнул:

— Доедай. Не хочется.

— Ты не болен? — спросил Синицын.

— Нет.

«Право вето! — про себя усмехнулся Мурат. — Единственное, что я могу сделать с этим правом, — попросить всех вернуться. Мне, видите ли, боязно. Я не могу продолжать восхождение...»

3

— Пошли, — поднимаясь, сказал Синицын. Внешне он был слишком спокоен.



— В первой связке пойдём я и Ваня, — он смотрел мимо Мурата, — вторыми — Востриков и Панов. Ты, Мурат, и Мухин — замыкающими.

Мурат вздрогнул словно от пощечины:

— Но ведь договорились...

— В первой связке пойду я, а не ты. Все!

— Николай Семенович...

— Ты пойдешь в третьей связке.

Это было слишком. Слишком обидно. График движения связок по маршруту выработывал Смирнов. Именно Мурат, по мнению Николая Семеновича, должен был первым пройти «Психологическую» стену, а остальные следовать за ним.

— Я требую... — начал Мурат.

— Тогда я потребую, чтобы мы повернули обратно! — жестко выговорил Генерал.

Альпинисты смотрели на Мурата с удивлением. Мурат нарушал дисциплину. Он отказывался выполнять приказание руководителя восхождения.

«Право вето, — подзуживал себя Мурат. — Не могу же я потребовать у Генерала отмены приказа только потому, что я обижен, что меня поставили в третью связку. В первой-то идет он! Черт!..»

В этом восхождении Мурат считал себя как бы в положении техника-практика, который по своим знаниям не уступает инженеру — мастеру спорта, но еще не имеет «диплома» об окончании высшего учебного заведения, как Синицын. Чтобы получить звание мастера спорта по альпинизму, надо в общей сложности пройти семь перевалов и покорить тридцать одну вершину различных категорий трудности — от 1-а до 5-б — и не в одной горной стране, к примеру, на Кавказе, как

Мурат, а по крайней мере в двух.

Генерал был прав по всем статьям.

— Извини, — сказал Мурат, но Генерал не ответил. Он придирчиво осмотрел узел страховочной веревки, завязанный на груди, и повторил:

— Пошли. Поднимаемся парами. Пока связка не поднялась на стену, следующая стоит на полке и ждет.

Синицын подошел к скале у перемычки между каменным увалом, на котором они находились, и основанием «Психологической» стены. Размеренными ударами молотка он забил в трещину крюк. Потом продел в проушину крюка кольцо карабина и зацепился за него веревкой. Махнув рукой, чтобы Ванин был наготове, Синицын двинулся к перемычке, прощупывая наст черенком ледоруба. Скрылся за выступом скалы, похожей на окаменевший язык пламени.

Теперь все внимание Мурата было сосредоточено на Ванине, стоявшем на страховке. Тот держал моток в правой руке, затем веревка шла через спину в левую руку и тянулась к невидимому Синицыну.

Из-за поворота стало слышно, как тот забивал второй крюк.

«Он дошел до трещины в стене, — понял Мурат и перевел дыхание. — Сейчас начнется подъем...»

Скрылся за поворотом Ванин, хрупкий, большеглазый, которого Мурат мог бы втащить на своих плечах на любую из вершин.

«Этот Ванин, — ехидничал над собой Мурат, — этот Ванин маникюр же делает, только лаком своих холеных ногтей не красит. И он идет впереди тебя!»



К крюку у поворота подошла вторая связка и стала ждать своей очереди.

Стоявший рядом с Муратом Мухин что-то говорил ему, но тот не слышал. Он припоминал выступы и трещинки на стене, за которые можно схватиться, куда можно сунуть пальцы и повиснуть, подтягиваясь вверх. Мурат мысленно неотступно следовал за Синицыным. Тело Мурата было в напряжении, словно он сам уже поднимался по стене, подтягивался на руках от выступа к выступу и чувствовал за спиной пропасть с припорошенными на дне клыками скал, похожих на смерть в маскировочном халате.

— Идем, Мурат, — слышался голос Мухина.

«Все!» — мелькнуло в голове Мурата. Он не смог одним движением зацепить веревку за кольцо карабина.

И им овладело бешенство. Он пошел к перемычке не как положено — след в след впереди идущего, а прямо, словно испытывая судьбу.

Подняв голову, увидел уходящую в небо стену, местами будто покрытую ржавчиной. И там, на высоте, две маленькие фигурки, связанные паутиной веревки.

«Тогда сорвавшегося со стены не смогли удержать трое. Двое, наверное, стояли на полке, на подходах, как мы теперь. Третий и четвертый — на стене. И сорвался самый верхний...» — Мурат прикрыл глаза, ему даже показалось, что он услышал крик. Но в то же мгновение понял, что это действительно крик.

Открыв глаза, Мурат увидел, что Востриков, ведущий второй пары, повис на веревке и раскачивается будто неживой.

Выше его метров на десять, вцепившись в уступы руками, ногами, даже, как показалось Мурату, подбородком, прильнул к стене Панов.

Мурату стало жарко. Он скинул с головы капюшон, подался вперед. Он заметил, как Востриков попытался схватиться за выступ на стене, но проплыл мимо, не рассчитав движения руки. Потом Востриков судорожно рванул с стены.

Снова промах.

— Чего там? — спросил Мухин. Он стоял за скалой и ничего не мог видеть.

— Стой! — прошипел Мурат.

Востриков опять проплыл мимо уступа и не ухватился.

— Эй, Петя, — как можно спокойнее позвал Мурат, — ты вытяти вперед правую ногу. Под ней — трещина.

Востриков услышал и сразу как-то собрался. Движения его стали увереннее.

— Еще выше ногу, — по-прежнему ровно сказал Мурат. — Вот так. Цепляйся!

Востриков дотронулся ногой до стены, зацепился за трещину «кошками» ботинка. Сильным движением всего тела подтянулся к стене и словно прилип к ней.

— В порядке? — слышался голос Генерала.

Только теперь Мурат обратил на него внимание. Сини-

цын стоял на стене, но за отвесом ему ничего не было видно.

— Порядок! — ответил ему Мурат. Потом он крикнул Панову, тому, кто удержал сорвавшегося Вострикова:

— Вася! Востриков зацепился за трещину. Забей в стену около себя крюк и перестрахайся.

— Петька крепко держится? — спросил Панов.

— Крепко, — ответил за Вострикова Мурат. Он знал, что сейчас никакая сила не заставит Петьку разжать пальцы. Он удержится. Он не разожмет пальцы, если даже потеряет сознание. Петька знает: в его руках его жизнь.

— Мне надо подняться на метр, — сказал Панов, — там хорошая трещина для крюка.

Через минуту Мурат услышал, как звенит сталь о сталь.

Словно распятый на стене, Панов был похож на «икс».

— Продолжайте подъем! — крикнул Мурат.

И все пошло обычным порядком: Панов страховал Вострикова, пока тот не добрался до крюка, потом вверх пошел Панов, а его напарник остался на страховке.

Так они чередовались, пока связка не преодолела стену.

— Пора! — сказал Мурат, скинул перчатки и только теперь понял, что забыл о своем волнении, о страхе. Остались какие-то упреки к себе, но разбираться сейчас в них не было времени.

Мухин кивнул и перекинул через спину веревку.

Нарочно глядя вниз на припорошенные снегом скалы на дне пропасти, Мурат, почти не касаясь рукой стены, прошел по наклонной полке к трещине. Он словно мстил себе. Но когда он подошел к самой трещине, настроение его изменилось. Он почувствовал вдруг, что очень устал, устал настолько, что равнодушен к предстоящему подъему и даже к тому, как он окончится. Однако Мурат заставил себя подняться на носки, дотянуться до первого выступа, схватиться за него и подтянуться. Потом он нащупал опору для левой руки, перехватом поднялся метра на три, пока нашел опору для ноги. Отдышался и снова пополз вверх по стене, цепляясь за выступы, уступы и трещины — за все, что могли ухватить пальцы, на что могли опереться ноги.

Дороги назад не было.

Его глаза стали точнее отыскивать выбоины на стене, а пальцы намертво схватывали ее. И каждые полметра выигранной высоты вселяли уверенность и спокойствие.

Он был сейчас один на один с камнями и высотой — реальной смертельной опасностью. Ни камни, ни высота не знали и не могли знать ни жалости, ни сожаления. Они были просто камнями, каждый из которых мог выскользнуть из-под руки, и высотой, упав с которой разбился бы даже самый крепкий камень.

А когда уставали руки или пальцы не находили опоры, Мурат думал о Сене, косился на него через плечо и всегда встречал его поднятое вверх лицо с прищуренными от

напряженного внимания глазами. Нет, он был не один. Но Мурат ловил себя на мысли, что если бы он знал — его страхуют еще два или три человека, то не стал бы, может быть, так тщательно выбирать каждый камень, каждую выбоину, за которые цеплялись его руки.

Вот что, очевидно, имел в виду Смирнов, когда утверждал, что на скальных участках двойка — самая надежная связка.

В том месте, где Востриков сорвался, Мурат увидел обломившийся натек льда. Несмотря на мороз, солнце все-таки прогрело камень, и лед не выдержал тяжести альпиниста. Кто же мог предусмотреть такое?

Всякий раз, когда Сеня подбирался к Мурату, чтобы поменяться местами и идти направляющим, Мурат видел его шевелящиеся губы и никак не мог понять, чего это бормочет напарник.

— Колдуешь? — не выдержал Мурат при очередной встрече.

— Стихи, — ответил Сеня и отправился вверх.

«Стихи? — оторопел Мурат. — У него хватает... Он читает стихи? Какие же это? Стихи... Даже рядом с Мухиным, который впервые идет по пятерке-«б», я просто...»

Добравшись до Мухина, Мурат спросил:

— Какие стихи?

— Пушкин, — бросил вдогонку Сеня.

«Может быть, это помогает?» — подумал Мурат и попробовал: «Ветер по морю гуляет...», «Мой дядя самых честных правил...», но это было явно «не то».

Подтянувшись на руках, сделав последнее усилие, Мурат увидел гребень пика ЦДСА. И тут же Синицын подхватил его и помог вскарабкаться на плиту.

— Ну, зачем? Зачем? — проговорил Мурат. Но когда над плитой показалось лицо Сени, его шепчущие губы, Мурат поспешил ему помочь.

— А вот у меня со стихами ничего не получилось...

— Не те читал, — уверенно сказал Сеня. — «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю...» Эти годятся.

«Ладно, — подумал Мурат, — учи...»

4

Потом все шестеро долго сидели молча.

Ветер, бушевавший с утра, нагнал облака. Они плотно затянули пропасти. Похоже было, что альпинисты находятся не на высоте четырех тысяч метров, а на краю бесконечного снежного поля или у моря, из которого поднимаются рифы — вершины. Да, облака казались морем — седым, взбешенным. В нем двигались, вздымаясь и растекаясь, как волны, туманные валы. Вихрь срывал с их гребней пену, холодную и колючую. Только волны и всплески были немые, медлительны и будто невесомы.

Неожиданно Востриков сказал:

— Теперь я знаю — у бездны змеинные глаза. Они такие же, как у питона. Я видел в зоопарке — кролик верещал от ужаса, а сам полз в пасть удава.

Мурат перевел взгляд на Вострикова, и ему почудилось, что курносое лицо его вроде бы заострилось.

— Что ж ты не полз? — в голосе Панова клокотала ирония.

— Помолчи, — приказал ему Генерал.

Он поднялся, стал сматывать веревку в моток.

— Нехорошо мстить товарищу за волнение о нем. Пошли. Ночевать будем на пике ЦДСА. Тут всего пятьдесят метров.

— Теперь отсюда — семечки, — сказал Панов, идя рядом с Муратом.

— Летом — да.

— Почему?

— Карнизы. Летом гребень свободен от снега. А теперь на нем снежные надувы. Они хуже... Они что мышеловки.

— Скажи, Мурат, я подонок?

— Дурак, — и, помолчав, добавил: — Некоторые оптимисты утверждают, что это возрастное заболевание.

— А Востриков, как ты думаешь, обиделся на меня?

— Если умный — не обидится, — сказал Мурат.

— Я в первый раз по-настоящему страховал, — сказал Панов, — и разозлился на Вострикова. Вот черт курносый!

— Горы научат выдержке, — тихо проговорил Мурат и подумал, что сказал это больше для себя.

Они заночевали с подветренной стороны пика.

К утру высокие перистые облака затянули небо. Усилился ветер. Он дул упругими толчками штормовой силы.

Гребень между пиком ЦДСА и Западным Домбаем был не шире ступни. Идти по нему ветреным днем равносильно самоубийству. Генерал предложил садиться на гребень верхом и передвигаться, опираясь на руки.

Взгляд Сеницына остановился на Мурате.

— Как ты себя чувствуешь?

Мурат пожал плечами:

— Отлично. — и подумал: «Наверное, такие люди, как Сеницын, люди, не испытавшие страха, не умеют прощать даже временные слабости других».

— Иди первым.

Мурат кивнул и «оседлал» гребень.

Рюкзаки за спинами альпинистов превратились в паруса, которые невозможно было убрать. Приходилось ползти по припорошенным снегом острым камням, свесившись в сторону ветра, чтоб не сдуло. Приходилось очень чутко следить за напором воздушного потока. Стоило ему внезапно ослабнуть, и тяжесть рюкзака могла утащить в пропасть.

Они миновали Западную вершину, а на подступах к Главной их застала темнота. Палатку поставить оказалось негде. Идти в темноте было опасно, да и не хватило бы сил.

У напарника Синицына — Ванина разыгралась горная болезнь. Началась рвота. Спустились они метров на триста вниз — все бы прошло само собой. Но гребень по обе стороны обрывался отвесно.

Нашли крохотную площадку, на которой с трудом уместились шестером. Вбили крюки и привязали себя к ним веревками.

Мурат дал Ванину таблетки брома с кофеином:

— Не глотай — жуй. Быстрее помогут.

Ванин стал грызть горькие и солоноватые таблетки с равнодушным видом. Часа через два ему стало легче. Он прислонился головой к камню и хотел уснуть.

— Не надо спать, — сказал Мурат. Он хотел добавить: «А то без наманикюренных пальцев останешься», но не произнес этих слов, хотя ему очень хотелось. Он подумал, что сказал бы их, пожалуй, даже сегодня утром.

Мухин начал рассказывать приключение из собственной жизни. Сеня старательно смеялся сам. И другие смеялись впопад и невпопад, хотя не видели ничего смешного в том, что в детстве, вылезая из чужого сада, Сеня застрял в заборной дыре и сзади его штаны рвала собака, а перед его лицом стоял хозяин сада и читал нотацию.

Потом стал говорить Синицын:

— Помню, пять лет назад...

Где-то внизу с пушечным громом ударила лавина. Вздогнула вершина горы. Громовой раскат на минуту заглушил вой ветра.

Мурат придвинулся к Генералу, чтобы лучше расслышать его негромкий голос.

— При подъеме на Шхельду на меня вдруг страх напал...

— Страх? — перебил Мурат.

— Врять не стану даже во спасение. Держусь я за выступ, а нога...

«Неужели это правда? — думал Мурат. — Наверное, каждый человек хоть раз в жизни должен преодолеть психологическую стену внутри себя. Это делает его сильным».

А скалы стонали под ветром.



ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ



— Внимание! Внимание! Говорит Земля, говорит редакция «Искателя»! Начинаем нашу радиоперекличку. Все ли приглашенные явились на пресс-конференцию? Меркурий?

МЕРКУРИЙ. Здесь. Во всяком случае, та моя половина, которая всегда обращена к Земле.

— Отлично. Юпитер?

ЮПИТЕР. Тут. Но я не понимаю...

— Одну минуточку, уважаемый Юпитер, вопросы потом, сначала закончим перекличку. Сатурн?

САТУРН. Присутствую и внимательно слушаю вас.

— Уран и Нептун?

УРАН и НЕПТУН (*дружным хором*). Здравствуйте!

— Добрый день! Плутон?

Молчание.

— Плутон! Вас вызывает Земля!

Молчание. Потом его нарушает густой бас Юпитера:

— Не понимаю, почему для столь ответственной пресс-конференции, которая проводится, если мне не изменяет память, первый раз за последние пять миллиардов лет, не могли выделить

В КОСМОСЕ

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ



Рисунок В. Стацинского

какого-нибудь опытного корреспондента, более сведущего в астрономии?

ЗЕМЛЯ (*несколько смутившись*). Какие основания у вас так гсворить, дорогой Юпитер? Что вам не нравится?

ЮПИТЕР. Как по-вашему, какое расстояние отделяет сейчас нашего уважаемого брата от Земли?

ЗЕМЛЯ. Плутон — самая дальняя планета солнечной системы. От него до Земли около шести миллиардов километров...

ЮПИТЕР. Ну и за какое же время, по-вашему, радиоволны преодолеют это расстояние?

ЗЕМЛЯ. Одну минуточку... Шесть миллиардов разделить на триста тысяч... Н-да, получается...

ЮПИТЕР. Получается пять с половиной ваших земных часов. Да столько же обратно. А вы ждете от него ответа немедленно.

ЗЕМЛЯ (*торопливо, чтобы заглушить явственный смех, до-несшийся из разных точек космического пространства*). Итак, друзья, мы пригласили вас на эту пресс-конференцию, чтобы задать вам один вопрос: что нового вы нам о себе можете рассказать? Начнем с Меркурия. Прощу вас.

ЮПИТЕР. Я категорически возражаю. И вообще не понимаю, почему вы нас пригласили вместе с Меркурием? Он гораздо ближе к Солнцу, чем все остальные,— можно сказать, какой-то солнечный любимчик. И по своим физическим условиям резко отличается от всех нас. Мы — газообразные, а он твердый, как Венера и Марс. Пусть с ними и водит компанию...

МЕРКУРИЙ. Я не понимаю...

ЮПИТЕР. И понимать тут нечего: круглый, мертвый шар...

САТУРН (*ехидно*). И к тому же растерял всю атмосферу!

ЗЕМЛЯ. Друзья, друзья, не будем ссориться! Все мы члены одной чудесной солнечной семьи. Так у нас ничего не получится. Юпитер, вспомните, наконец, мудрую поговорку, она же относится прямо к вам: «Юпитер, если ты сердисься, значит ты не прав».

ЮПИТЕР. Это относится не ко мне, а к римскому божеству. А я не собираюсь поддерживать своим поведением глупые религиозные пережитки...

Порядок удалось навести лишь после длительных увещеваний. Наконец Меркурий получил возможность говорить.

МЕРКУРИЙ. Меня здесь упрекали в чрезмерной близости к Солнцу. А вы знаете, сколько неудобств это мне причиняет? Я повернут к нашему дорогому светилу всегда одной и той же стороной, так что температура на ней достигает почти шестисот градусов. Свинец и олово плавятся, образуя на моей поверхности раскаленные огнедышащие озера. А на другой моей стороне — межпланетный холод, почти абсолютный нуль. Попробуйте жить в таких условиях. И все-таки астроном Дольфус сумел обнаружить и у меня следы атмосферы...

ЮПИТЕР. Следы...

ЗЕМЛЯ. Но и это уже немало. А что вы еще открыли любопытного нашим астрономам за последние годы?

МЕРКУРИЙ. К сожалению, они обращают на меня слишком мало внимания.

ЗЕМЛЯ. Но в этом вы сами виноваты, дорогой Меркурий. По размерам вы чуть больше Луны, а находитесь от нас гораздо дальше. К тому же вас, как и Луну, мы можем наблюдать только в различных фазах. Да вдобавок вы все время норовите спрятаться в спящих лучах Солнца. Только недавно новые приборы позволили астрономам наблюдать за вами и ночью и днем. Так что пока еще остается в силе поговорка, сложенная астрономами еще в средние века: «Счастлив тот, кто видел Меркурий».

МЕРКУРИЙ. Благодарю за комплимент. Наблюдайте за мной пристальней, и я осчастливлю вас новыми открытиями.

ЗЕМЛЯ. Недавно астрономам удалось различить на вашей поверхности какие-то загадочные темные и светлые пятна неопределенной формы. Что это может быть? Во всяком случае, конечно, не следы органической жизни, при ваших природных условиях она просто невысказима...

ЮПИТЕР (*торжествующе*). Ага, вот вы и проговорились! Я давно раздумывал, почему это с Луной, Марсом и Венерой

вы вели задушевные беседы в индивидуальном порядке, а нас всех пригласили, так сказать, гуртом. Теперь я вас раскусил! Хотите, скажу, почему?

ЗЕМЛЯ. Тут, право, нет никакой предвзятости. Так решили в редакции, поскольку просто нет возможности посвящать каждой планете отдельную беседу, а вы все обладаете довольно схожими природными условиями...

ЮПИТЕР. Как бы не так. Что у меня общего, кроме звания планеты, с Меркурием? Нет, вы руководствовались скрытыми критериями!

ЗЕМЛЯ. Какими же, по-вашему?

ЮПИТЕР. Вы нас всех — от меня до Меркурия — считаете совершенно безнадежными в качестве носителей живой жизни, признайтесь. Марсу и Венере почет, о них не только статьи, даже толстые книжки пишут, а мы так, бедные родственники. А почему, по какому праву? У меня в атмосфере водорода гораздо больше, чем у вас на Земле. Есть у меня такие любопытные химические соединения, как метан и аммиак. Может быть, этот метан создали живые микроорганизмы, как предполагал Г. А. Тихов?

Температура моей поверхности, как установили ваши астрономы, не превышает —150 градусов. Ну и что же? Разве французский физик Беккерель не держал в течение шести лет обезвоженные споры бактерий, водорослей, грибов, лишайников в жидком гелии при температуре —271 градус, и даже после этого они преспокойно продолжали жить?! Тем более откуда вы знаете, может, в глубинах моего исполинского газового шара температура гораздо выше, как опять-таки предполагал профессор Тихов?

ЗЕМЛЯ. Но, дорогой Юпитер, советские ученые В. Г. Фесенков, Н. А. Козырев и другие исследователи пришли к выводу, что вы не можете целиком состоять из газообразного водорода. Где-то на глубине 11 тысяч километров от вашей видимой поверхности давление уже достигает таких колоссальных величин, что водород должен переходить в неведомое нам на Земле металлическое состояние.

ЮПИТЕР. Вам может показаться это невероятным с земной колокольни? Но как говаривал ваш мудрый баснописец Крылов, «весьма на выдумки природа таровата»...

Я давно увлекаюсь этой проблемой. Вот разрешите, я зачитаю слова американского профессора Д. Б. Хольдейна из недавно вышедшей книги «Планета Земля»: «Конечно, возможны типы жизни, химические основы которой совершенно отличны от нашей, например жизнь при низких температурах на внешних планетах, в основе которой лежат реакции в жидком аммиаке...» Слышите, ведь это про нас!

ЗЕМЛЯ. Ну, пока вопрос о возможности жизни в атмосферах из аммиака и метана, при низких температурах и громадных давлениях остается весьма и весьма спорным, перейдем к вашим более реальным загадкам, уважаемый Юпитер. Что, например, представляет Большое Красное Пятно, занимающее на вашей поверхности сотни тысяч квадратных километров? По-

чему оно все время движется? Почему иногда пропадает на несколько лет?

ЮПИТЕР. Конечно, вас так же интересует и вторая моя весьма примечательная особенность — движущееся темное пятно, пожалуй не уступающее размерами Красному? Ваши астрономы ему также присвоили отличительное название: Южное Тропическое Возмущение.

ЗЕМЛЯ. Да, оба этих странных пятна нас весьма интересуют. Не раскроете ли вы нам их тайну?

ЮПИТЕР. Нет. Догадывайтесь сами. Кажется, вы уже кое-что сделали для этого?

ЗЕМЛЯ. О, к сожалению, пока немного. Удалось подметить, что эти пятна оказывают определенное воздействие на облака аммиака, застилающие вашу поверхность. Они как бы отталкивают их со своего пути. Так же ведут себя оба эти пятна по отношению и друг к другу: если их пути пересекаются, то они спешат разойтись в разные стороны, уступая один другому дорогу. Они явно состоят не из аммиака, как ваш основной облачный слой, а из каких-то других веществ. Но каких именно, мы пока не знаем.

ЮПИТЕР. Немного же вы знаете. Вот я вам еще задам вопрос...

САТУРН. Позвольте, но это уже невыносимо! Нас пригласили на пресс-конференцию или на творческий вечер Юпитера? Мы его все, конечно, уважаем, но нельзя же до бесчувствия. Как будто у других планет меньше загадок.

ЮПИТЕР. Это что же у вас загадочного? Ваши кольца, что ли?

САТУРН. Хотя бы и кольца. Во всяком случае, они отличают меня от всех других планет. По объему я всего лишь в два раза меньше вас, почтенный Юпитер, но кольца придают мне совершенно исключительную неземную красоту.

ЮПИТЕР. Ну, эти кольца знакомы астрономам еще со времен Галилея.

САТУРН. Однако разобраться в их строении земным ученым удалось сравнительно недавно, не так ли, уважаемый председатель?

ЗЕМЛЯ. Да, внутреннее кольцо, которое иногда называют «креповым», потому что оно напоминает полосу из этой темной прозрачной материи, состоит из мелких песчинок и пылинок. Это установил советский академик Г. А. Шайн. Специальным изучением среднего, самого широкого и яркого кольца занимался московский астроном М. С. Бобров и пришел к выводу, что его образуют более крупные каменные глыбы. Удалось даже наблюдать тени, которые отбрасывают они в солнечных лучах, так что диаметр некоторых из них, вероятно, достигает нескольких метров.

САТУРН. Благодарю за столь точные наблюдения. Вы представляете, какую красоту придают моему небосводу эти уникальные кольца? Их тройная серебряная арка висит в небе, словно какой-то сказочный мост, озаряя мою поверхность призрачным голубоватым сиянием...

ЮПИТЕР. Ну, допустим, любоваться таким зрелищем можно лишь несколько минут, при восходе или закате Солнца. А днем ваши кольца отбрасывают такую густую тень на поверхность, что служат скорее помехой, чем украшением...

САТУРН. Вот как? А вы попробуйте заведите-ка себе такое украшение!

ЗЕМЛЯ. Друзья, друзья, мы опять уклоняемся в сторону, а пресс-конференция и так уже затянулась. Послушаем лучше наших уважаемых близнецов, Нептуна и Урана. Они схожи по своим природным условиям, почти одинаковы по размерам, но, вероятно, каждый имеет и какие-то любопытные особенности. Прошу. Кто первый?

УРАН. Позвольте мне...

НЕПТУН. Э, дорогой братец, позвольте сначала мне...

УРАН. Э нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете.

НЕПТУН. А вы съобаетесь и не припомните всего.

УРАН. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Ведь никто из вас не вращается в свете таким необыкновенным образом, как я.

ЗЕМЛЯ. Как так?

УРАН. А вот так. Земля, Марс и Венера вращаются в несколько наклонном положении, Юпитер — как волчок, можно сказать, стоя. А я — лежа на боку, так сильно наклонена ось моего вращения...

НЕПТУН. Подумаешь, и что из этого следует?

УРАН. Э, не перебивайте, дорогой братец... А из этого следуют удивительные вещи. Мой год равен по продолжительности 84 земным годам. Примерно 21 земной год подряд день и ночь у меня сменяют друг друга обыкновенным образом. Потом в одном моем полушарии наступает сплошной день, растянувшийся на 21 земной год. Затем на такой же период снова возвращается привычная смена ночей и дней, чтобы закончиться непроглядной ночью, также тянущейся 21 земной год. Ловко?

ЗЕМЛЯ. Да, это очень любопытно. Но, кажется, и Нептун обладает не совсем обыкновенными особенностями своего вращения. Наши ученые до сих пор ведут споры об этом. Одни считают, будто уважаемый Нептун вообще вращается, «стоя на голове»: он как бы перевернулся, и Северный полюс оказался на месте Южного. По другой гипотезе ось его вращения имеет небольшой наклон, примерно такой же, как у Сатурна. Было бы интересно узнать, какая гипотеза ближе к истине. Вы нам не скажете, дорогой Нептун?

НЕПТУН. Нет. Пусть вам этот хвостун рассказывает, он все знает и болтает гладко, а я не желаю.

ЗЕМЛЯ. Обиделся. Вот видите, теперь эту загадку нашим ученым придется разгадывать самостоятельно, а это не так-то просто, учитывая, что по своей вытянутой орбите Нептун порой забирается подальше Плутона. Жаль. Но что же делать? Мне остается только поблагодарить вас за любезное участие в нашей пресс-конференции и пожелать вам...

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС (*перебивает*). Как? А разве нам не дадут слова?

ЗЕМЛЯ. Кто это говорит?

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. Говорит Москва!

ВТОРОЙ ГОЛОС. Говорит Комсомолия!

ЗЕМЛЯ. Позвольте... Москва, Комсомолия — но ведь это все на Земле. Может быть, мы слушаем передачу московского радио?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Нет, я планета и зовут меня «Москва».

ВТОРОЙ ГОЛОС. Я — Комсомолия, тоже планета.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Мы говорим от имени двух с лишним тысяч пока что открытых вашими астрономами малых планет солнечной системы.

ЮПИТЕР. Неужели мы будем тратить время на этих малышей? Ведь астероидов астрономы открывают по полсотни сразу в урожайный год. У Меркурия хоть следы атмосферы остались, а эти и того не имеют...

МЕРКУРИЙ. Уважаемый председатель, я попрошу...

ЮПИТЕР. Ладно, ладно, не буду. «Планеты»... Да вокруг одного меня двенадцать таких камешков крутится.

САТУРН. И у меня девять.

КОМСОМОЛИЯ. Это ваши спутники, а мы — другие. Разве астрономы уже не раздумывают над тем, почему нас так много вращается вокруг Солнца по строго определенной орбите, пролегающей как раз в большом промежутке между небесными путями Марса и Юпитера? Может быть, как предполагают некоторые ученые, по этой орбите когда-то летала еще одна большая планета — Фазтон. Потом он раскололся на множество мелких кусков, и мы — его потомки?

ЗЕМЛЯ. Да, проверить эту гипотезу было бы чрезвычайно любопытно. Пожалуйста, помогите нам. Мы слушаем.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС (*удаляясь*). Нет уж, ищите разгадку сами...

ВТОРОЙ ГОЛОС (*затихая в космической дали*). Ищите сами, ищите сами...

ЗЕМЛЯ. Ну что же, друзья, наша конференция окончена. Еще раз благодарю вас и желаю каждому участнику нашей беседы скорейшего раскрытия всех его тайн.

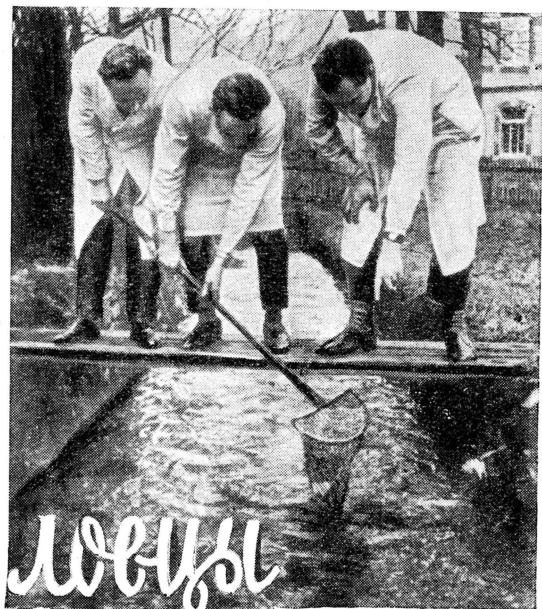
ПЛАНЕТЫ (*наперебой*). Спасибо! И вам того же желаем!

ЗЕМЛЯ. До свидания! Благополучного... Одну минуточку, нас снова кто-то вызывает. Перехожу на прием.

БОДРЫЙ БАСОВИТЫЙ ГОЛОС. Здравствуйте, дорогие друзья! Это я, Плутон! Рад принять участие в вашей беседе. Жду вопросов.

Немая сцена, как в «Ревизоре».

ЗЕМЛЯ (*с облегчением*). Хоть подтвердилось, что он жив и здоров, и то ладно...



ЛОВЦЫ МЕДИ

Люди в белых халатах стали частыми гостями на берегах небольшой речки Цвониц. Они исследовали дно, брали пробы воды и донных отложений, о чем-то подоуму совещались. Жители деревни Горнсдорф вначале удивлялись такому вниманию к их неказистой речке. Чувство благодарности пришло позже, когда оказалось, что вода в Цвониц стала чище, а рыба, которая до сих пор не особенно жаловала эти места, перестала их избегать.

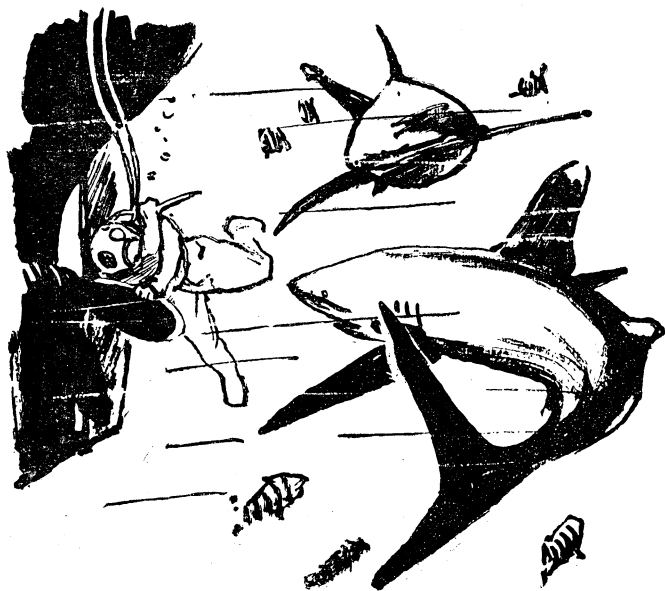
Однако люди в белых халатах не были бактериологами. Дитер Линднер, Петер Гейпель, Лотар Френцель — молодые инженеры завода электроприборов в Горнсдорфе, что неподалеку от города Карл-Маркс-штадт, — занимались ловлей... меди.

Их внимание привлекли частичные потери меди в гальваническом цехе. После травления печатных схем раствор стекал через сточный желоб в Цвониц. Вместе с ним уходила растворенная медь. Как удержать ее? Инженеры предложили построить осадочную башню, через которую стали пропускать богатый медью раствор после травления. Подсчитано, что в 1965 году будет сэкономлено металла на сумму 6 миллионов марок.

Эксперименты в Горнсдорфе были первым почином. Позже здесь возникла бригада «ловцов меди» № 2. Руководители ее — мастер гальванического цеха Вольфганг Фойгт и инженер Карл Гейнц Кюн предложили новый способ — освобождать неиспользованную медь из раствора с помощью электролиза. Их опыты увенчались успехом — первые слитки чистой электродной меди поблескивают в руках новаторов.

Какой способ «ловли» меди лучше и выгоднее, покажет будущее, когда будет накоплен опыт и на других предприятиях — ведь поиски горнсдорфских искателей получили одобрение и поддержку государства.

Лиза и Лизу с ОПАСНОСТЬЮ



„СПРАВЛЮСЬ!“

Он спустился под воду, подплыл к тому месту, где под килем темнел гребной винт корабля, и внимательно его оглядел. Сорваны болты лопасти винта. Для того чтобы исправить повреждение, придется повозиться.

...В команде морозильного траулера «Дмитрий Фурманов» не было водолаза-профессионала. И когда далеко от родных берегов, в Южной Атлантике, гребной винт стал работать с перебоями, исправить его вызвался матрос Николай Кабуло.

— Я ведь спортсмен, — сказал он. — Справлюсь!

Можно было, конечно, вернуться в порт. Но тогда пропал бы целый месяц промысла.

...Николай только принялся за работу, когда увидел длинную стремительную тень, промелькнувшую совсем рядом. Потом

еще одну, еще... Акулы! Что делать? Дать сигнал, чтобы поднимали? Но, может быть, морские хищники не нападут на него?

В следующее мгновение он выхватил из-за пояса нож — одна из акул кинулась в его сторону. Николай тут же понял, что увернуться ему не удастся, и принял бой. Его удар был точен. Клубы крови задымились в воде, и акула, судорожно извиваясь, отпрянула. Николай, быстро оглянувшись, заметил, что другие хищницы, словно рассвирепев, повернули к нему.

Тогда он дал сигнал к подъему.

— Ничего, — сказал он встревоженным товарищам, когда его подняли на палубу. — Вот отдохну немного и опять спущусь.

Пять суток подряд матрос Николай Кабуло спускался под воду в открытом океане и упорно ремонтировал гребной винт. Он знал: на корме собрались и ждут его сигналов товарищи, готовые в любую минуту прийти на помощь.

И вот капитан берет за ручку телеграфа. Сигнал в машинное отделение. За кормой траулера протягивается белая ниточка буруна — корабль продолжает путь...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ



Об этом подвиге узнали делегаты XIV съезда ВЛКСМ от посланцев молодежи, возводящей Братскую ГЭС.

...В конце февраля бригада коммунистического труда, которой руководит Михаил Мурашев, бетонировала донное отвер-

стие плотины, преградившей путь Ангаре. Работа спорилась. И вдруг кто-то заметил, что металлические шандоры, закрывающие доступ воде в то место, где работали бетонщики, не выдерживают напора реки. Трещина, еще одна...

Грозил катастрофа.

Добровольцы выжились предотвратить ее — заделать трещины, обеспечить безопасность работы бетонщиков. Их было много, этих добровольцев, около ста человек. Трое суток по колено в ледяной воде, наперекор ежеминутно грозящей опасности работали комсомольцы.

И задание было выполнено.

Есть старая легенда о старике Байкале. Триста тридцать шесть рек и речек — триста тридцать шесть дочерей Байкала всегда покорно несли ему свои воды. И только одна взбунтовалась, самая своенравная — Ангара. Повернула совсем в другую сторону. Старик рассердился и бросил на пути ее огромные скалы. Но и скалы не удержали Ангару — она вырвалась.

Скалы не удержали. А молодежь, комсомольцы победили строптивую дочь Байкала.

ДВЕНАДЦАТЬ БАЛЛОВ...

Они не моряки, но работают в море. Впрочем, когда называют их профессию, то обязательно прибавляют слово «морские». Они — морские нефтяники.

Место их работы — легендарные Нефтяные Камни, крошечный — по масштабам Каспийского моря — островок. Здесь они отвоевывают у природы ее богатства. И случается, бои завязываются жаркие, такие, в которых только подвиг может обеспечить победу.

Двенадцать баллов — такой силы шторм разразился на Каспии, когда на скважине № 613 прозвучал сигнал тревоги: песком забило компрессорные трубы. Если ждать «у моря погоды», то 150—200 тонн нефти останутся на дне. А этого морские нефтяники допустить не могли — им ли отступать перед штормом?

На место аварии срочно прибыл промывочный агрегат. Молодые операторы Самаедзин Хибабаев и Нури Мустафаев принялись за дело. И спасли нефть.

Об этом рассказал на заседании бюро ЦК ВЛКСМ старожил Нефтяных Камней Герой Социалистического Труда бригадир Акиф Джафаров. Морской нефтяник...



ФАМИЛЬНЫЙ РУБЛЬ



Рисунок В. ВАГИНА

Были события, о которых следователь Громов не знал, не мог знать — ни в книгах, ни в записях не осталось их следов...

Многие десятилетия фамильный рубль, подаренный Келлеру царем, спокойно лежал в семейной шкатулке графа, потом его наследников.

Многие десятилетия Мадонна возвышалась над алтарем часовни фамильного склепа, вызывая восхищение каждой похоронной процессии, приносившей очередного Келлера к месту последнего успокоения.

Но однажды Мадонна вздрогнула. И однажды, жалобно звякнув, подпрыгнул в шкатулке фамильный рубль.

С Невы порыв октябрьского ветра донес в особняк Келлеров грохот орудийных выстрелов.

Окончание. Начало см. в № 3.

А еще через месяц подполковник граф Келлер собирался в далекий путь... Он торопливо шагал по комнате, с испугом прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся с улицы. По зеркальному паркету носились обрывки бумаг. Поднял одну — приказ императора Николая Александровича о производстве в офицеры...

С тоской обвел глазами потемневшие портреты предков.

Заметил вытянувшегося на пороге лакея в красной, расшитой серебром ливрее. Поманил пальцем.

— Послушай, Прохор, ты все понял? Это наша последняя, самая большая ценность. О ней не знает никто. Повтори.

Внимание хозяина было лестным, и Прохор покраснел от радости.

— Та, что на Смоленском кладбище, статуй. Кто придет с государевым рублем, тому это... помощь и доверие. Все сполно. Я вам за сына — до гробовой доски!

В зал вбежали два мальчугана в нарядных мундирчиках.

— Папа! — крикнул голубоглазый, бросаясь на шею Келлеру.

Второй шелкнул каблуками и, встав во фронт, серьезно сказал:

— Честь имею явиться! Разрешите задать вопрос, господин подполковник?

— Разрешаю!

-- Господин подполковник, — расстроено сказал мальчик, — мою гренадерку на прогулках все время ветром срывает. Разрешите, я ее этишкетным снуром прикреплю?

— Этишкетным? — засмеялся Келлер. — Вот это да! Услышь такое государь — мигом в отставку! Ведь этот снур только уланам присвоен. Эх ты, этишкет!..

— Господи! — вырвалось у Прохора. — Петенька, сынок, неужто и вправду в прапорщики выйдешь?

— Мог бы, — мрачно сказал Келлер. — Да время не то... Ты знаешь, Прохор, — продолжал Келлер, — я почти не делал различия между Николаем и Пьером. Мы мечтали с тобой, Прохор, что они оба с честью послужат нашему государю. А теперь...

Келлер повернул голову к окну, прислушался.

— Что там поют?

— «Вихри враждебные веют над нами...» — отозвался Прохор.

Келлер торопливо заговорил:

— Прохор, я понимаю: это тяжело. Но — решай. Ты не увидишь сына, и, может быть, долго. Но я обещаю: через десять лет твой сын сам докажет тебе, что стал человеком. Каждое двадцатое число ты будешь получать от него деньги. Это будет ровно через десять лет — первый раз. Потом — всегда... А однажды ты скажешь: «Здравствуй, Петр Прохорович, здравствуй, сынок!..»

Чеканный шаг рабочего отряда за окном казался грохотом. Старый особняк скрипел и вздрагивал не то от ненависти, не то от немощности.

Песня постепенно затихла, растворившись в дальних переулках. И на секунду показалось Прохору, что все осталось по-старому: так же, как много лет подряд, по-хозяйски распоряжаются в соседней гостиной большие часы: «мы здесь, все так, мы здесь, все так...» На крыше сонно погромыхивает железо...

— Я б их, разорителей!.. — сказал Прохор. — Что ж, пусть едет Петенька. Я тебе, барин, верю.

— Ты знаешь моего брата. Он останется здесь. Не забудь: каждое двадцатое, начиная с октября 1927 года, — сказал Келлер.

Потом достал из шкатулки фамильный рубль, перекрестившись, поцеловал его и вложил в руки Николая. Повернулся к Прохору.

— Помни: помощь и доверие!

*

Минули годы. Давным-давно затерялась в корзине старьевщика келлеровская семейная шкатулка. И след фамильного рубля исчез в волнах Черного моря, сомкнувшихся за кормой последнего корабля с белыми эмигрантами. А Мадонна продолжала стоять. На том же кладбище. В той же часовне. Все такая же прекрасная.

Каждое двадцатое число Прохор вытаскивал из сундука пахнущий нафталином люстриновый пиджак и, с трудом втиснув опухшие ноги в «те», еще «государевы», сапоги, шел на Старый Невский.

На Старом Невском с ним не очень-то разговаривали. И когда он робко просил: «Мне бы господина Келлера», — из-за дверной цепочки раздраженно доносилось: «Господа на Смоленское кладбище переехали».

Потом ему протягивали конверт, и дверь захлопывалась. Конверт он разрывал тут же. Вытряхивал два-три радужных прямоугольника червонцев — искал фотографию. Но сын почему-то не присылал, и, отчаянно трусая, Прохор стучался еще раз.

— Жив ли хоть?

— Жив!

И дверь снова хлопала.

...Но однажды его пригласили войти. Прохор смущенно топтался у порога, а женщина средних лет вынесла из комнаты небольшой ящичек и сунула его в руки Прохору.

— Возьмите и уходите! Все!

— Что? — не понял Прохор.

— Я не желаю больше участвовать в сомнительных делах своего более чем сомнительного родственничка, — сказала женщина. — А побрякушки, которые вы найдете в ящичке, советую сдать куда следует! И больше сюда не приходите.

— А... Петенька? — спросил Прохор. — Разве он не будет больше присылать мне денег?

Женщина взяла Прохора за рукав, втащила в комнату и, прикрыв дверь, тихо сказала:

— Эх вы, простофиля! Никаких денег сын вам не посылал. Никогда! Это деньги Келлера. А вернее — вещи. В семнадцатом году он передал их моему супругу с условием, чтобы он продавал их, а деньги давал вам за то, что вы sklep бережете. Все, что осталось, — в этой шкатулке. Должны же вы знать правду. Да и как могли вы ждать иного от графа? Понимаете, графа Келлера?!

— А как же Петенька? — лепетал Прохор. — Мне же барин обещал: придет Петенька, «здравствуй» скажет...

Женщина как-то странно посмотрела на Прохора:

— Ну что ж, может быть, и придет, может быть, и «здравствуй» скажет... А теперь идите.

*

...Шел 1961 год. Стояла осень. Резкие порывы холодного ветра гнали по заботливо расчищенной дорожке оранжевые листья. Словно играя, вперегонки они пронеслись мимо старика в больших валенках с красными калошами. Сердито хмуря брови, старик семенил вслед за листьями и нанизывал их на железную тросточку.

У часовни он настиг последний.

— Ну вот, поди, теперь чисто будет... Как ты тут, сударыня моя?

Реже стал он заглядывать в этот угол кладбища. Но все-таки какая-то сила тащила его сюда. Ему казалось, не сдержи он обещания — и не приедет, никогда не приедет Петр.

*

Если бы за несколько дней до трагических событий на Смоленском кладбище Громов побывал в Ленинградском аэропорту, он мог бы стать очевидцем довольно любопытной сцены.

По трапу только что прибывшего «ТУ-104» сошел высокий пожилой человек. Его уверенные движения плохо вязались с растерянным взглядом и какой-то жалкой, беспомощной улыбкой.

Несколько секунд он не отрываясь смотрел на четкую линию Пулковских холмов, потом подошел к девушке, стоявшей около электрокара, и, стараясь перекричать ревущие моторы, спросил:

— Как... вас... зовут?

— Маша... — удивилась девушка.

— Маша... Боже мой!..

Выйдя из ворот аэропорта, странный пассажир сел в такси и сказал:

— На Васильевский остров. Там скажу...

За боковыми стеклами мелькали незнакомые улицы, застроенные новыми домами. Чужими казались даже старые особняки с атлантами и дворянскими гербами. Как давно это было — Петроград, бегство из него... Пока был жив отец, он мог учиться в университете. А когда старик подполковник умер, оказалось, что денег больше нет. Есть только одни долги. Ушел с последнего курса. И когда нечего стало жрать, сделался сутенером. Потом игорный дом, рулетка, связь с шулерами. И, наконец, пять месяцев тюрьмы. В камере, просматривая журналы, он наткнулся на историю похищения из Лувра Монны-Лизы. Эта история вызвала какие-то неясные воспоминания. С тех пор он стал внимательно следить за сообщениями о кражах художественных ценностей. И когда вышел из тюрьмы, решение уже созрело...

*

В конце проспекта показались ажурные ворота Смоленского кладбища, и пассажир попросил остановиться. Расплатившись с шофером, подождал, пока автомобиль скрылся за углом, и зашагал к кладбищенской ограде. Через минуту он без стука вошел в комнату Прохора.

Прохор поднялся из-за стола и, комкая клеенку, устался на гостя. Звякнул разбитый стакан.

— Где Петенька, где?..

Едва заметная досада промелькнула на лице гостя.

— Жив твой Петька! Жив Этишкет, кланяться велел. Ты... ты, Проша, жди. Приедет.

Он истово перекрестился. Прохор тоже перекрестился, но скорее машинально.

— Обещал, говоришь? Но сколько ждать прикажешь? — горько сказал Прохор. — А как же с деньгами получилось? Я-то думал — Петенька, а вышло-то оно вон как...

И снова тень досады пробежала по лицу гостя.

— А что получилось? Эти ценности батюшка так или иначе Пьеру положил. Так тебе не все равно? Деньги-то — они все одинаковые, Проша.

— От сына и деньги греют... А что, Петенька вышел в люди?

— Вышел... Конечно, вышел! Только понимаешь, Прохор...

Гость полез в карман и долго копался в раскрытой пачке сигарет.

— Понимаешь, устал я. Есть хочу. Примешь гостя?

*

В этот же день и час с другого конца города к Смоленскому кладбищу спешил еще один человек. Он ехал в трамвае маршрута № 24, чтобы по обыкновению перекинуться в карты со своим закадычным приятелем — кладбищенским сторожем Прохором. У человека было изъеденное оспой лицо и надвинутый на глаза бежевый берет с непомерно длинным хвостиком. Сойдя с трамвая, рябой миновал маленький каменный мост и вошел в кладбищенские ворота.

Подойдя к сторожке, мимоходом заглянул в открытое окно — и вдруг замер прислушиваясь. Странно!.. Он считал себя единственным человеком, который бывал здесь, а оказывается, у молчаливого, угрюмого Прохора есть еще и друзья?! Вот скрытный, черт! Интересно, о чем они там лопочут?

Прислушался. И по мере того, как доходил до него смысл разговора, добродушная улыбка уступала место изумленной гримасе, а веселые искорки в глазах потушила настороженность.

В комнате говорили приглушенно, иногда переходя на едва слышный шепот.

— А я вас сразу признал — ну, вылитый прадед! Кушайте, кушайте грибочки — у вас, поди, нет таких, а отец покойник любил, как же, помню... — пьяно бормотал Прохор, накладывая трясущимися руками грибы в тарелку гостя.

— Отец помнил о тебе до последнего часа... Все про Мадонну спрашивал. Кстати, как она там? — Гость наполнил стаканы зеленоватой жидкостью из бутылки с яркой этикеткой и, пока Прохор пил, незаметно выплеснул вино из своего стакана в окно.

Рябой не успел отскочить, и жидкость потекла по пиджаку. Хотел выругаться, но пряный запах, ударивший в ноздри, заставил завистливо облизнуться.

— Хороша фирма... Жаль, не в рот.

А Прохор между тем пододвинул свой стул поближе к гостю и радостно заорал:

— Стоит, отец мой, стоит! Такая же. Что ей, гладкой, делается — хоть в жены бери, хе-хе-хе, не стареет.

Он вдруг осекся и, погрозив пальцем, хитро прищурился.

— А, извиняюсь, рубль при вас?

Гость улыбнулся, достал бумажник.

— Вот. Смотри. Помощь... А как дальше?

— Как его, тьфу, господи, запоматовал! Это... доверие! Во-во! Оно и есть. А позвольте-ка рубль. Так... Он самый, государя Николай Палыча рука.

— Теперь давай о деле. Мадонну...

То, что секундой позже услышал рябой, заставило его злобно сжать кулаки.

...Дождавшись, когда Прохор ушел провожать своего гостя, рябой, опасливо озираясь, побежал к склепу Келлеров. Подойдя к часовне, прижался лицом к стеклу и, увидев Мадонну, едва освещенную призрачным светом лампадки, сказал:

— Ну, это мы еще посмотрим...

ГЛАВА III

В это утро Громов пошел на работу пешком. Перед предстоящим допросом ему хотелось подумать.

На набережной Невы было холодно. По-осеннему свинцовые волны, словно пытаясь согреться, наскакивали друг на друга, подпрыгивали и вперегонки неслись к серому граниту берега. Ветер яростно гнался за упрямыми волнами и срывал с них гребешки. Те рассыпались и, взвизвись к парапету, влажной пылью оседали на лицах прохожих.

Несколько молодых нахимовцев, смущенные формой Громова, неуверенно козырнули и тут же громко заспорили: стоило ли?

Неподалеку от Летнего сада Громов увидел рыбаков. Они были похожи на мокрых кукол. Громов заглянул в чье-то пустое ведро, машинально спросил:

— Не клюет?

«...У него не клюет, у меня тоже не клюет, — думал Громов. — Сколько еще неизвестного, неясного... Не найден Николай Келлер, не найдена Мадонна. Зато кое-что стало проясняться с Редькиным. Он явно предводитель какой-то шайки. Карманник Виктор Меднов, мальчик на побегушках — Ромка Кочин...

Теперь уже ясно: статую украл Редькин. Он — друг Прохора. У него был фамильный рубль. После событий на кладбище этот рубль исчез, «потерялся». А не «нашелся» ли он в руке Прохора?

Что сделал с похищенной статуей Редькин? Зачем она ему — ведь продать ее невозможно. Значит, он украл ее для человека, имеющего возможность вывезти статую за пределы СССР. Кто этот человек? По всей вероятности, это Николай Келлер.

Келлер был на кладбище у Прохора — это несомненно. Редькин бывал на этом кладбище — это тоже факт. Потрепанная записная книжка Прохора рассказала об этом. А стало быть,

Редькин мог подслушать разговор Прохора и Келлера о Мадонне. Чем иначе объяснить неудавшуюся подделку подписи царя на рубле? Эта подделка может означать только одно: Редькин слышал о подписи, но не знал, где она расположена».

Громов вспомнил, как долго он думал, с кого же начать допрос?

Три волка. Старый, молодой и волчонок...

Оперативные работники, проверявшие Кочина по заданию Громова, между прочим сообщали: «...не учится, не прошел в институт по конкурсу. Временно не работает, объясняет тем, что «не берут — специальности нет», а разнорабочим не хочет. В доме о нем отзываются хорошо. По словам родных, часто посещает районную библиотеку...»

Личина? Выполняет воровское правило: «Не гадь, где живешь»?

А может быть, просто Редькин запутал зеленого паренька?

Громов съездил в библиотеку — посмотрел читательскую карточку Кочина. Книжки Ромка читал самые разные, не отдавая предпочтения ни «шпионам», ни классикам. Читал быстро — больше двух-трех дней книжку не держал. Но вот «Честь» Медынского брал дважды. И оба раза не возвращал по неделе... Это могло быть и случайным. Но разве не мог следователь предположить, что в горькой судьбе Антона Шелестова ищет Ромка ответа на какие-то свои, очень трудные вопросы...

Громов решил допросить Кочина первым.

Допрос был долгим. Напротив Громова сидел худенький, узкоплечий мальчишка с жидкими бровями на болезненно-бледном лице. Набриолиненная темная голова, тщательно подбритые усыки.

— Ну, ты кто? — спросил Громов.

— Как кто?.. — смешался Кочин.

Громов положил на стол фамильный рубль:

— Из членов этой императорской фамилии?

Ромка молчал.

— Хорошо, — сказал Громов. — Тогда скажу я. Если я буду в чем-то неточен, ты поправишь меня. Вы — то есть Редькин — «Император», Виктор Меднов — «Наследник» и ты, так сказать, «Великий князь» — Вэка, объединились в шайку; под руководством Редькина убили сторожа на Смоленском кладбище, украли Мадонну и продали ее бывшему графу Келлеру, который приехал из-за рубежа. Опять молчишь?

— Нет-нет! — вскрикнул Ромка. — Я не молчу! Просто вы же сами сказали, чтобы я поправил вас. Можно?

В эти короткие секунды Громову показалось, что все рушится. Неужели ошибка?

— Понимаете, — заговорил Ромка, — иностранца зовут Эллис. И самое главное — я не убивал. Честное слово, не убивал!

«Врет или правда?» — подумал Громов.

И, словно угадав его мысли, Ромка сказал:

— Правда.

— Хорошо. Где найти Меднова? — спросил Громов.

— Этого я не знаю. Он никогда о себе не говорил. «Наследник» — и все. Он говорил: «Кличка — щит вора». Случайно знаю, что он еще и Витька. Проболтался по пьянке.

— Так... Келлера видел?

— Вы хотите сказать — Эллиса? Того, кто Мадонну купил?

— Да, купил. Но его зовут Келлер.

— Может быть... Я знал его как Эллиса. Вернее, слышал о нем. От Витьки. Эллис — иностранец. Памятниками интересуется. А Редькин и Витька, считайте, около года этими делами промышляют: иконами спекулируют, ангелов с заброшенных могил тащат. Эх!..

Ромка выругался и, спохватившись, умоляюще посмотрел на Громова.

— Простите, гражданин следовательно, накопело. Редькин меня всегда обманывал. Человеком не считал.

Громов смотрел на Кочина и думал:

«Какой парадокс — Редькин не считает его человеком! Редькин сам — пародия на человека и, надо же, не считает!.. Поймет ли Кочин, как это гнусно? Как объяснить ему?»

И Громов сказал:

— Послушай, Роман... Вот ты про Антона Шелестова книжку читал... Зачем?

— Я... Я совета искал. Разве о таком у людей спросишь? Ведь преступник я... Соучастник или как там... — вздохнул Ромка.

— Ну, и получил ты этот совет? — спросил Громов.

— Получил. Ведь как я жил? Отец все время в плавании. Дома одна бабка. Глухая. А матери нет... Батя другой раз хорошие вещи привозил. Вот я и позарился — во дворе у нас в очко играли... Ну и вышло дело. Проиграл вещи. Отец вот-вот приедет. А помощи-то ждать неоткуда...

— Ну и кто помог?

— Редькин помог... Сижу однажды в сквере. Подсел он. Интеллигентный вроде на вид. «Сохнешь?» — говорит. Излил я ему душу, пропади он пропадом! Ну, пошли. Напоил он меня. Денег подарил. За будущее. С того раза и пошло...

— А товарищи твои? Что ж, у тебя товарищей нет?

— Были, — вздохнул Вэка. — Только все они делом заняты. Кто в техникуме, кто на заводе, а кто уехал на стройку. Прислал мне один письмо. Хорошее такое письмо... Склад у них там загорелся. Три часа из огня не вылезали — спасли. Теперь герои, с медалями. Даже не верится, что в одном дворе жили когда-то! Прочел — и чуть не заплакал: мне бы к ним... Весь этот год, что с Редькиным да Витькой, спокойно заснуть не мог. Соседка постучит, а чудится — пришли, заберут... В парке с девушкой гуляешь, пойдет кто сзади — опять думаешь про то же: за тобой. Так и ждешь, что скажут: «Кочин? Следуйте за нами...»

— Ну что ж, Кочин, — сказал Громов, — вот я и пришел за тобой. Эх, парень, парень!.. А ведь если взглядеться, вокруг — хорошие люди, и жизнь хорошая... Уж теперь это я тебе от души говорю: мы тебя взглядеться заставим!

— Я все расскажу. Все до конца.

— Говори...

— Как украли памятник, я не знаю, хотя на «дело» меня

брали. Пока они на кладбище возились, я их в машине ждал. У Редькина прокатная «Волга» была.

— Куда отвезли Мадонну?

— Мы доехали до моего дома... Они меня высадили. Редькин дал тридцатку. «Напейся, — говорит, — и забудь».

— Почему так много?

— Плата за страх, — усмехнулся Кочин, — и за молчание. Больше ничего не знаю про Мадонну...

— А не про Мадонну? — спросил Громов.

— Деньги. Я знаю, где они хранятся. Я хотел их украсть. Назло.

— Разве можно украсть деньги из сберкассы?

— Что вы! Разве стали бы они сдавать в сберкассу! Ведь в случае ареста денежки-то тю-тю! Дайте закурить.

Ромка торопливо втянул в себя дым, закашлялся и, вытирая выступившие на глазах слезы, быстро зашептал:

— Я подкарауливал их каждый день и тихонько шел следом. И накрыл их. От Редькина они вышли с чемоданом, сели в машину и поехали. Я следом. На такси. Поехали к Гатчине. Не доехали самую малость — вижу, остановились, вышли. Я такси отпустил. Рисковал, конечно, а что оставалось делать? На обочину и по кустарнику — к ним. Ну, и увидел. Много! В чемодане.

— Чемодан взял?

— Куда мне с ним!.. Запомнил место — и все.

— Покажешь?

— Да.

...Когда увели Ромку, Громов снял трубку и попросил подготовить к выезду оперативную машину. Через минуту на пороге появились сотрудники оперативной группы. Кто-то сказал:

— Ну и вид у тебя, Громов! Может, домой? А мы уж как-нибудь сами?

— Спасибо, ребята, — улыбнулся Громов. — Только поедем вместе. Слишком долго ждал я этого выезда...

Встал, снял со шкафа небольшую чемодан. Смущенно улыбаясь, сунул в него надувную подушку и свернутое одеяло.

— Вот, санаторий себе тут устроил. На обратном пути подбросите домой. Идет?

*

Расследование преступления — это борьба, столкновение двух миров. В этом столкновении побеждает тот, кто больше знает, больше умеет, а главное — больше верит. Верит людям, верит в успех, верит в правоту своего дела...

Эти не верили никому — даже самим себе.

Их было двое в маленькой, убогой комнате.

Рябой мужчина в бежевом берете с длинным хвостиком стрянул пепел с сигареты и зло рассмеялся.

— В такой момент — и вдруг каюк «Императору»...

Горбоносый парень презрительно усмехнулся.

— О себе в третьем лице заговорил, Редькин? Плохой признак...

— Олух ты... Рубль-то наверняка в милиции.

— Ну и что?

Редькин в сердцах топнул ногой.

— Ведь этот рубль редкий, понял? Докопаться могут!

— Ну, а если так... Будет вашему величеству плаха!

— Ну? — удивился Редькин. — А вашему высочеству — через колоду от меня...

Горбоносый слегка побледнел.

— Не-ет... В безвыходные положения я не верю. Слушай... Надо найти другой рубль. В случае чего — отопремся: ничего не знаем — вот он, наш рубль! Кстати, сколько он стоит? Сколько готовить?

Редькин мечтательно завел глаза.

— По дореволюционному каталогу — сто пятьдесят рублей. Пятнадцать золотых десятков. Вот и смекай. Да кто нам его продаст — их же всего четыре штуки в городе...

Вернувшись от Редькина, Виктор долго слонялся по комнате. Пытался читать и не мог, хотел уснуть — тоже не получалось. Заедала тоска.. Мучительно потянуло в прошлое. Как и всегда, когда он думал о том, что его ожидает завтра.

...Совестью Витьки-«наследника» было его детство. Далекое, безвозвратно ушедшее, оно не оставило ничего, кроме пачки выцветших фотографий да небольшого кожаного мешочка с монетами. Он лежал на антресолях, в самом углу. И когда мать, перебирая старые вещи, задевала его, тихо звенел, словно жалобался на что-то. Иногда Витька слышал этот звон и подходил к лестнице. Взять и продать? Что-то удерживало его от этого... Но сейчас Витька забрался на антресоли. Достал кожаный мешочек.

Потом заперся в ванной и, сев на пол, высыпал монеты. Взял первую попавшуюся. Испанская пезета...

Задумчиво подбросил на ладони. Как это давно было — Черное море, «Артек», пионерский костер! И песня — торжественная, чуть тревожная:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы — пионеры,
Дети рабочих...

Отблеск пламени на лице соседа — черноволосого мальчишки в пилотке-испанке. Кажется, его звали Хосе. Вот он, его подарок, с которого началась коллекция. За эти двадцать лет монета стала тусклой, грязной. Как и сам Витька... А ведь тогда монета сверкала. И отец, положив ее на ладонь, восхищенно сказал: «А ты знаешь, какие они храбрые люди, эти испанцы!»

Да, Витька догадывался. Из шестимесячной командировки отец вернулся такой загорелый, а на гимнастерке рядом с маленькой серебряной медалью у него появился орден...

— За что? — спросил Витька.

Отец подошел к карте и долго смотрел на большой, покрытый горами полуостров. Потом сказал:

— Военная тайна, Витька. Так что не обижайся...

А потом отец снова уехал. И когда он уезжал, в репродукторе гремел голос Левитана. И всюду висели плакаты «Родина-мать зовет!».

На вокзале оробевший Витька протянул отцу пезету.

— Возьми, папка. На память. Это ведь из твоей Испании.

Отец очень внимательно поглядел на Витьку и кивнул. А через два месяца пезета неожиданно вернулась. Ее привез запыленный, очень усталый командир и молча положил на стол. Так ушел из Витькиной жизни отец...

Мать с утра до ночи работала в госпитале. А Витька целыми днями лазил по свалке разбитой трофейной техники. Там и нашел он «дружков». Помнится, обещали дать настоящее оружие. И чтобы заслужить его, Витька однажды помог «дружкам»: встал на угол и свистнул, когда заметил милиционера...

Пезета упала, глухо звякнув. Все исчезло. Остался лишь обшарпанный пол и куча заплесневелых монет.

Несколько секунд Витька тупо смотрел себе под ноги, потом с размаху ударил кулаком по монетам. Ванная наполнилась звоном. Витька сжал руками голову, метнулся к дверям и вдруг под умывальником увидел большой серебряный диск.

...Когда в трубке послышался хриловатый голос Редькина, Витька прикрылся ладонью и зашептал:

— Слушай. Радость у меня: в своих медяшках, знаешь, что нашел?

И вдруг осекся. Показалось — вновь услышал: «По дореволюционному каталогу — сто пятьдесят рублей!»

Деланно-равнодушно зевнул.

— Пятак 1805 года. Не подарить?

И, услышав яростную брань Редькина, положил трубку.

Однако телефон тут же зазвонил снова.

— Ты что же до прежде времени трубку ложишь? Слушай. Вэку замели... Деньги нужно перепрятать. Хотя он и не знает, а все же — мало ли что... Я сейчас за тобой заеду. Жди, цыпленок.

Торопясь, Витька заметался по квартире в поисках надежного тайника. Потом завернул рубль в целлофан и бережно спрятал в бумажник.

Но Витькин рубль был не из тех, что преподнес царю Франц Келлер. Он был сделан много позже, и хотя с помощью старых штемпелей, но уже специально для коллекций нумизматов. Этот рубль назывался «новодельным» и стоил очень недорого.

*

В этот вечерний час по Киевскому шоссе бешено мчались два автомобиля: выдавшая виды «Победа» — синяя с красной полосой — и следом за ней, на расстоянии какого-то километра — новенькая прокатная «Волга».

Они мчались к одной цели и в то же время — к разным...

Изредка поглядывая на спидометр (стрелка переваливала за восемьдесят, а все казалось — медленно), Громов думал о Витьке Меднове. Это были невеселые мысли. Ведь Меднов — настоящий вор, тут требовалась уже не профилактика, а самое серьезное лечение. И все же было жалко Витьку. И обидно, что просмотрели, как вырос этот сорняк.

Первой остановилась «Победа». Во внезапно наступившей тишине особенно резко слышался шум дождя. Чвакала под ногами грязь, хрустели сучья.

— Еще несколько шагов. Вот тут, — глухо сказал Ромка.

Луч карманного фонарика запрыгал по лужам, лопата легко врезалась в промокшую землю.

Показалась клеенка. Ее сорвали. Еще через минуту перед Громовым стоял чемодан.

Чемодан этот — случайное совпадение! — как две капли воды был похож на чемодан Громова. Впрочем, на полках магазинов можно было увидеть десятки подобных.

Когда сломали замок, из-под приподнявшейся крышки выпало несколько ассигнаций...

...«Волга» затормозила, и Редькин, приоткрыв дверь, стал вглядываться в темноту.

— Какого еще лешего тут носит?

Меднов опустил боковое стекло и тоже высунул голову. Впереди стояла какая-то машина. В ярком свете ее фар Витька вдруг увидел нескладную фигуру Ромки.

— Редькин, а ведь там — Вэка.

— Паскуда!.. Откуда он узнал?..

Редькин распахнул дверцу.

Витька схватил его за шиворот, рывкнул в ухо:

— Назад — милиция!

— Там же деньги! Мои и твои деньги! — Редькин почти плакал. — Эх!..

Витька дал задний ход. Автомобиль вполз в кусты — и вовремя: мимо пронеслась оперативная машина. Несколько минут оба молчали. Потом Редькин решительно сказал:

— Поехали за ними. — Достал из кармана пистолет, щелкнул предохранителем. — Не терять же деньги!

Витька отвел глаза.

— Пока — деньги. Но если поедем, можем потерять и голову. Хватит с меня сторожа!..

Редькин распахнул дверцу.

— Вылезай. И забудь про все. Кстати, не вздумай явиться с повинной. Ты меня знаешь...

Витька включил зажигание.

— Объясни хоть, на что надеешься?

— Чего объяснять, — мрачно сказал Редькин, — сам пока не знаю. Но не ехать не могу.

*

И снова по шоссе мчатся две машины. И снова впереди машина Громова. Все ближе и ближе расплывшееся за сеткой дождя оранжевое зарево — ночной спутник большого города. Вот уже пронеслись мимо первые витрины, освещенные неоновым светом реклам, и остались позади тяжелые колонны Московских Триумфальных ворот.

И опять первой остановилась «Победа» с красной полосой. И тотчас же сзади скрипнула тормозами «Волга».

— Почему не едут на Дворцовую? — спросил Витька.

— А ты не спеши... — Редькин яростно потер ладонью лобовое стекло. — Ты не спеши, Витя. Вот он, этот случай, смотри.

Витька прильнул к стеклу и увидел, как Громов вышел из машины, держа в руке небольшой чемоданчик, и исчез в подъезде.

— И пистолета не надо, — шепнул Редькин — Поделители наши денежки! Видал?

Редькин выпрыгнул из машины. Когда он заглянул в подъезд, Громов только что прикрыл дверь своей квартиры. Это было непостижимо, почти фантастично, но чемодан, за которым с таким риском охотился Редькин, стоял в нескольких шагах от него! И кругом — никого...

Громов оставил чемодан случайно, оставил потому, что очень устал. И только в комнате, сбросив перепачканное глиной пальто, вспомнил о нем. Хотел было вернуться, но в комнату заглянул сосед — молодой врач Саня Егоров. Громов жил по-холостяцки и, когда по вечерам выдавалась свободная минутка, с удовольствием играл с Егоровым в шахматы. Но на этот раз Саня принес толстую пачку рентгеновских снимков.

— Поздравьте, Иван Сергеевич, только что из операционной. Первая самостоятельная операция! И какая сложная!..

— Что ты говоришь? — Громов крепко пожал Сане руку. — У меня, брат, тоже операция, и тоже сложная. Только конца еще не видно. Ну да ладно! Садись, рассказывай. Только одну секунду — я на лестнице чемодан оставил.

Если бы Редькин заставил себя спокойно подойти к чемодану, он бы, конечно, взял его. Но бешеная радость, внезапно захлестнувшая сознание, заставила изо всех сил рвануться к чемодану, и, споткнувшись о ступеньку, Редькин грохнулся на каменный пол площадки. В отчаянном порыве попытался дотянуться — нет, слишком далеко!

Открылась дверь, и чья-то большая рука с длинными пальцами ухватила металлическую ручку чемодана, приподняла его и втянула за дверь. Щелкнул замок.

Редькин сел, тщательно отряхнул брюки. Несколько секунд тяжело дышал, высунув язык, потом поднялся и достал отмычку...

Едва Громов поставил чемодан возле двери своей комнаты и взял полотенце, собираясь пойти умыться, как из передней слышалось:

— Минуточку, не торопитесь...

Редькин вежливо снял берет, смерил настороженным взглядом вышедшего из комнаты Саню. Кивнул на чемодан.

— «Император»... Собственной персоной. — Громов не спеша повесил полотенце на вешалку и спросил: — С повинной пришли?

— Шутите, товарищ начальник, — сказал Редькин. — Человек вы, видать, мужественный...

— Это почему же? — спросил Громов.

— Да так... — неопределенно усмехнулся Редькин и кивнул на окно. — Не всякий способен под «мушкой» шутки шутить. Или не видите?

Конец фразы Редькина заглушил звон разбитого стекла. Громов оглянулся. Через распахнутую дверь в окне своей комнаты он увидел пистолетное дуло. Усилием воли заставил себя улыбнуться.

— «Наследник», если не ошибаюсь? Что ж, давайте знакомиться.

— Отойдите от двери! Оба! — глухо донеслось с улицы.

— А если нет?

— Буду стрелять.

Громов сделал шаг к Редькину.

Но черный кружок угрожающе пополз вверх.

— Стреляю! — крикнул Витька.

«Глаза-то сумасшедшие... Ведь и вправду бабахнет», — подумал Громов и спросил:

— Что вам нужно?

— Вот это деловой разговор! — осклабился Редькин. — Пустяки. Этот чемоданчик всего-навсего. И то, что в нем, заодно.

«Задержать! Во что бы то ни стало задержать! Но как?!»

И Громов спросил:

— А что взамен?

Редькин шагнул к чемодану, улыбнулся.

— Суй руку под крышку, сколько в жменю заберешь — все твое.

Только сейчас Громов посмотрел в сторону Сани. Он незаметно двигался вдоль стены к выключателю.

Громов тихо сказал:

— Саня, скорей!

Свет погас, и тотчас две вспышки полыхнули коротким красноватым пламенем: Громов и Витька выстрелили одновременно.

«Как в тире...» — почему-то подумал Громов, следя за медленно сползающей фигурой Витьки. Потом, различив в отблеске уличных фонарей забившегося в угол Редькина, крикнул:

— Так вот и сидеть!

Включил свет. Держа пистолет в руке, подошел к Редькину. Обыскал.

— Саня, позови кого-нибудь с улицы.

Саня вышел.

— А ты не поспешил, следовательно? — спросил Редькин.

Громов молчал. И Редькин, ободренный этим молчанием, бросил радостный взгляд на чемодан.

Заметив это, Громов взял чемодан, протянул Редькину.

— Мог бы подарить, да вам дадут казенное.

Редькин прижал чемодан к груди, дрожащими пальцами рванул крышку и... тупо уставился на резиновую подушку и свернутое одеяло.

*

— У меня хорошая зрительная память, — сказал Редькину Громов. — Я где-то вас видел. Да, у памятника Николаю I. Вы взяли у меня спички и, не вернув, ушли.

— Точно, — обрадовался Редькин, — спички! Я еще потом вспомнил. Ай, как неудобно получилось!

— Да, пожалуй что. Знать бы тогда — глядишь бы, все по-иному было, — сказал Громов.

Этот разговор происходил на следующий день в кабинете Громова на Дворцовой площади.

— Можно, я буду ходить? — спросил Редькин. — Не могу сидеть.

— Если так легче, не возражаю, — пожал плечами Громов. Достал лоскут, снятый с кладбищенской ограды, слепки следов и протянул Редькину.

— Сравните.

Редькин отвел руку Громова.

— Ни к чему это. Изобличать меня не надо. Я волк тертый, и «трудного» допроса у вас не будет. Так что не устраивайте сцены с вашими слепками.

*

...Первым к ограде кладбища подошел Витька. Несколько минут потоптался у отмеченной Редькиным доски, прислушался. Осторожно отодвинул доску, просунул в щель — и в ужасе вылетел обратно, оставив на гвозде кусок пиджака. Растерянный, обалдевший, мчался он вдоль забора и около мостика едва не сшиб Редькина.

— Что там?! — встрепенулся Редькин.

— Покойники из могил повылазили, — задыхался Витька. — Стоят у крестов и курят.

Редькин выругался.

— Трус несчастный! Это же лампадки! А ну — марш назад!

...Около склепа Редькин спрятался за какой-то памятник, а Витька подошел к часовне с Мадонной и тихо свистнул. Тут же появился Прохор, осторожно спросил:

— Кто таков?

— Я от Николая, — негромко сказал Витька. — «Помощь и доверие»!

— «Помощь и доверие», — помедлив, ответил Прохор. — Знает, сам не пришел? Может, опять обман какой? Рубль-то у тебя есть?

— Держи!

Витька протянул «фамильный» рубль. Прохор взял монету, осветил фонариком. Долго всматривался, потом хмуро глянул на Витьку.

— А ну, валяй отсюда!

— Ты чего, дед, выпивши? — удивился Витька.

Прохор угрожающе поднял клюку:

— Я те покажу подделывать!..

— Но-но, дед, не балуй! — крикнул Витька и, зацепившись за какое-то надгробие, тяжело рухнул в сухую траву.

Витькину жизнь спасло это падение: удар тяжелой прохоровской клюки пришелся по изголовью могилы.

— Убивают! — заорал Витька. — Редькин, сволочь, где ты?

— Ах!.. Вон оно как!.. Редькин, значит!

Прохор словно обезумел. Прыгнул на Витьку и стал топтать его ногами.

— Что же ты делаешь, морда? — стонал Витька, пытаясь свалить Прохора. — За кого губишь, гад! За Келлера? За то, что сыну он твоему сдохнуть помог? У-у, идиот песочный!

Услышав про сына, Прохор приподнял Витьку за борт пиджака и схватил за горло.

— Как сдохнуть? Ну, говори, а то жизни решу!

— Да отпусти же ты! — прохрипел Витька. — Давай полюдски поговорим. Мы — вам, вы — нам... Тебе не Келлер друг. Тебе Редькин друг. Боданем Мадонцу, заживем, как фраера!

— Про сына говори... — тихо сказал Прохор и отпустил Витьку.

— Не веришь, — горячился Витька, — не веришь? Так слушай!

Достал газету и, спотыкаясь на каждом слове, прочел заметку под рубрикой «В мире капитала».

— Теперь уверовал? Этишкет — слово очень редкое. Этим словом только одного человека звали: твоего Петьку.

— Откуда знаешь? — эхом отозвался Прохор.

— Дурак ты старый! — почти ласково сказал Витька. — Ты что же думаешь, мы лыком шиты? Когда к тебе за Мадонной шли, подготовились. Ведь Редькин о тебе всю подноготную знает. И газеты не в пример тебе читает. Вот она, газета-то!

Прохор со всего размаха ударил по газете кулаком.

— Врешь, гад! Врешь!..

И внезапно замолчал, тупо глядя куда-то вверх Витькиной головы. Витька вдруг почувствовал что-то очень похожее на жалость.

— Дед... — шагнул он к Прохору.

— Петенька... Петенька... — скривив губы, бормотал Прохор. — Здравствуй, Петр Прохорович... Здравствуй, сынок. Вот и довелось... Обманул, ваше высокоблагородие... Обманул, значит, старика... Мол, безответный Прохор, глупый... Ан нет! — вдруг со злобой выкрикнул он. — Нет! Я вас всех... Всех!..

И побежал к часовне.

— Чего стоишь? Бей! — услышал Витька тихий голос Редькина. — Он же Мадонну разбить хочет!

— Бей! Иначе продаст! — снова зашипел Редькин.

Витька шагнул вслед за Прохором, выхватил финку.

— Бе-ей!.. — донеслось сзади.

Витька в несколько прыжков настиг сторожа. Неясным силуэтом обозначилась перед ним сгорбленная спина, и он остановился, пораженный мыслью: «Сейчас я должен... убить».

И, уже ничего не соображая, Витька ударил...

Потом, спотыкаясь, пошел к Редькину. Звякнула выпавшая из рук финка.

Редькин нагнулся, подобрал и, обернув платком, положил в карман.

— Адрес оставляешь, дурак...

Подошел к Прохору и, присев на корточки, включил фонарик.

— Вечная память... Я этого не хотел. Он сам заставил... Ну, айда к Мадонне.

В часовне Витька попросил коньяку. Лязгая зубами, сказал:

— Не тяни! Зачем пьедестал пилить? Давай под подошвы — быстрее будет. Не мбгу я... трясет.

Редькин покачал головой:

— Вот она, необразованность!.. Отойди, не мешай!

...Когда дверь часовни тихо скрипнула и на пороге появился

Келлер, Мадонна была уже снята с постамента, и Редькин завертывал ее в одеяло.

— По какому праву? — холодно спросил Келлер.

Редькин выхватил пистолет, повертел им перед лицом Келлера.

— По праву сильного, господин Келлер. И более умного...

— Все ясно, — сказал Келлер. — Вы подслушали мой разговор с Прохором. Первое: прошу называть меня Эллисом. Второе: как будем договариваться?

— Учтите, — сказал Редькин. — Мадонна наша. На случай спора еще раз предупреждаю: сила на нашей стороне. Отсюда и условия...

*

— Где Мадонна? — спросил Громов.

— Простите, — Редькин с удовольствием взгляделся в хмурое лицо следователя, — но этого, к сожалению, я не знаю. Хотя могу предполагать, что Мадонна сейчас или, как говорится, высоко в небе, или где-нибудь в кладовой. Меня интересовали только деньги.

— Где Эллис?

— Вот что, гражданин следователь, — очень спокойно сказал Редькин, — я сознался. Я разложившийся, аморальный тип. Но я, между прочим, не убивал и в вас не стрелял. Где Эллис, не знаю. И давайте закончим на этом.

— Давайте закончим. Только есть еще один вопрос. Я хочу спросить: что вы думаете о случившемся?..

— Поздно мне думать, — сказал Редькин.

— Да, согласен: поздно. Но на вашей совести слишком много...

— Страшных снов не боюсь.

— А совести?

— Это вы говорите мне?

— Да, вам. Потому что, каким бы вы ни были сейчас, когда-то в прошлом вы назывались: человек!

...Войдя в камеру, Редькин устало опустился на койку.

«Мальчишка, сопляк! — зло подумал он. — Нашел, на чем играть! Да я и думать не хочу, слышишь, ты?!»

Потом он стал ходить по камере, стараясь не вспоминать об этом разговоре. Но чем больше старался, тем больше погружался в прошлое. Витька... Кто знает, не перейди он три года назад Витькину дорогу, и не стал бы Витька «Наследником»...

А вот с Ромкой получилось наоборот. Не он Ромке, а Ромка ему, Редькину, дорогу пересек.

Да... был он сам, «Император», мечтавший прожить без труда и забот. Был Витька — «Наследник». И не только по кличке. Свои «мечты» пытался вложить Редькин в душу этого своего преемника. И вот ничего... Темнота. Кромешная темнота!..

Редькин обхватил голову ладонями и заорал:

— Свет включите! Почему нет света! Све-ет!..

*

Громов возвращался домой. Днем лучи октябрьского солнца еще успевали кое-как превратить первый снег в небольшие лужицы, а вечером, когда холодная синеватая луна усаживалась

на шпиль Петропавловского собора, лужицы застывали. Они звонко хрустели под ногами, мешая думать, и Громов сошел на мостовую.

«А Меднов еще не допрошен... Врач сказал: не скоро можно будет допросить... — Громов остановился. — У него есть мать...»

Совсем рядом сердито скрипнули тормоза, кто-то звонко крикнул:

— Куда же под колеса-то? А еще милиция!..

«Я должен пойти к ней, — думал Громов. — Должен, несмотря ни на что!»

Вместо фарфоровой кнопки в звонке торчал огрызок карандаша. Громов долго стоял, не решаясь до него дотронуться.

Витька. Как отчетливо видит Громов тяжело сползающую фигуру в черном резиновом плаще! Как отчетливо слышит выстрел!..

«Как ты решился прийти сюда?»

Громов повернулся и сделал шаг вниз.

«Да, я стрелял в него. Но разве только потому, что он мог убить меня? Ну, ответь своей совести, Громов. Да, я опасался, что он убьет меня. И я защищал свою жизнь. Но только ли свою? Разве за моей спиной в этот миг не стояли другие люди? У матери Меднова горе. А если бы Витька ушел? Может быть, не одна еще мать плакала...»

Громов подошел к дверям. Протяжно зазвенел колокольчик, щелкнул замок, и на пороге в темноте коридора появился силуэт женщины.

— Кто вы? — спросила женщина.

— Следователь, — сказал Громов.

Она отступила в глубь коридора.

— Уходите.

И снова Громов шагнул к лестнице. Шагнул и тут же вернулся.

— Вы должны выслушать.

— Оправдания?

— Нет, — сказал Громов, — не оправдания.

Несколько секунд она молчала, потом сказала:

— Говорите. Только... в комнату я вас не позову.

— Хорошо. Я пришел не утешать вас. Вы — мать, а мать утешить нельзя. Я пришел сказать, что еще можно помочь Виктору. И это должны сделать мы с вами...

Спускаясь по лестнице, он прислушивался, ушла ли, но дверной замок так и не щелкнул...

ГЛАВА IV

Настал день, когда Громов окончательно выяснил: в Ленинграде ни Эллис, ни Келлер не проживают.

Была минута, когда у Громова опустились руки. Была минута, когда ему показалось — все кончено, он проиграл. И тогда, сразу же успокоившись, наверное, от безнадежности, Громов подумал: «А если у Келлера есть третья фамилия?»

В самом деле, Келлер — для родственников, Эллис — для преступной шайки Редькина. Третья фамилия — для легального проживания в городе. Как узнать эту третью фамилию? Невозможно! Но зато есть фотография. Ведь Николай Келлер и граф Франц Келлер похожи как два близнеца.

Фотографии были размножены, и гостиницы стали проверять еще раз...

Поздно вечером Громову позвонили.

— Говорит администратор Сергеев из Европейской гостиницы. Приезжайте немедленно...

Громов приехал через двадцать минут.

В холле гостиницы его встретил портье и провел в медпункт.

На кушетке лежал человек. Голова его была забинтована.

— Здравствуйте, — сказал Громов. — Вы Сергеев?

Человек молча кивнул.

— Что с вами? Где Келлер?

— Обо мне после. Давайте о деле. Записывайте...

...В этот вечер Сергеев дежурил. В холле сидели, беседуя, лишь несколько человек. Часов в двенадцать («Да, да, как раз Красную площадь включили!») Сергеев увидел, как по лестнице спускается высокий пожилой человек в очках. Он подошел к окошку администратора.

— Моя фамилия Лауэр. Я сейчас уезжаю.

Сергеев стал просматривать квитанции, искоса поглядывая на Лауэра. Незаметно выдвинул ящик стола — там лежала фотография, присланная Громовым. Сергеев поднял голову, пристально посмотрел в настороженное лицо Лауэра. Он!

— Простите, — сказал Сергеев, — я куда-то положил ключи от сейфа. Там документы. Верно, оставил в соседней комнате. Одну минуту...

Келлер оглядел холл. Достал пачку сигарет. Закурил. «Так, кажется, попался.. Ищейка проклятая! Ну ничего, не торжествуй!.. Рано еще!..» И сухо ответил:

— Тогда принесите паспорт ко мне в номер. Но учтите, я тороплюсь.

Когда Сергеев вошел в номер, Келлер плотно прикрыл за ним дверь и повернул ключ на два оборота.

— Где паспорт?

Паспорт Лауэра лежал у Сергеева в кармане, но надо было выиграть время до прихода Громова. И Сергеев спросил:

— Как вам понравился Ленинград?

— Перестаньте играть! — рассвирепел Келлер. — Это поездка для меня слишком дорога, как у вас говорят, материально. И я не позволю, чтобы мне мешали!

Сергеев молчал. Он даже не испугался. Он просто стоял и думал. Думал о том, как внезапно, неожиданно наступила в его жизни решительная минута.

— Вот что, — сказал Келлер, — я вижу, вы понимаете свое положение. Давайте поговорим. Я ведь, между прочим, тоже русский. И убивать соотечественника — это, поверьте, бесконечно чуждо мне. Меня с детства учили: гуманность — основа всех добродетелей. Так вот: я свяжу вас, заткну рот чистым платком, пережду телефон...

И тогда Сергеев ударил его в подбородок. Это был неумелый и, пожалуй, слабый удар. Но он был неожиданный, и поэтому Келлер упал. Сергеев ударил еще раз, уже ногой. Это была ошибка. Та самая ошибка, которую часто совершают неумелые бойцы и которая, как правило, сразу же решает исход схватки. Келлер поймал Сергеева за ногу, потом приподнял его и швырнул в угол комнаты. Сергеев стукнулся обо что-то острое, закрыл от боли глаза. А когда открыл их, увидел Келлера с гранитной пепельницей в руке. Потом Сергеев потерял сознание.

— Келлер уехал в Париж через Москву, — сказал Сергеев. — Вагон седьмой, место семнадцатое. Он брал билеты в гостинице, я уточнил.

— Спасибо. Спасибо за все! — Громов крепко пожал руку Сергееву.

*

Телеграмму о задержании Лауэра — Эллиса — Келлера Громов получил рано утром, когда прибыл в Москву ленинградский экспресс. Значит, он скоро увидит этого «счастливого» обладателя фамильного рубля. Скоро? Но как скоро? Не раньше, чем днем. А вдруг эти часы окажутся решающими и Мадонна исчезнет из Ленинграда? Нет, надо что-то срочно предпринимать. Но что? Где Мадонна? У кого?..

Пожалуй, все-таки есть способ выяснить это. Нужно поставить себя на место Келлера. Нужно думать, как Келлер, нужно действовать, как Келлер. Трудно влезть в шкуру волка. Но...

«Я приехал в чужую страну, — рассуждал Громов, — опереться не на кого, потому что Прохор погиб. Келлеров его оттолкнул, а других связей у меня нет. Не считать же связью этих уголовников — Редькина с его шпаной! Таким доверять нельзя. Мадонна в моих руках. Я живу в гостинице. Принести статую в гостиницу? Нет! Горничные любопытны, поползут слухи — в результате провал. Я — служащий выставки. Выставки, которую привезли из-за рубежа (об этом Громову сказали в гостинице) и которая скоро отправится домой. Естественно отвезти статуя на выставку и спрятать ее там. Но статуя слишком заметна, среди экспонатов ее не было, в каталогах она не значится...

Что же делать?..

Гипс! Куда делся гипс, о котором говорил Келлеров? Из ванной Келлерова он исчез, в гостинице его не оказалось. Статую, сделанную гостем, Келлеров тоже не видел. Значит, остается предположить...»

*

Громов пришел в выставочный зал вместе с первыми сотрудниками.

Выставка уже не работала. Сиротливо стояли у стен пустые рамы, кое-где виднелись постаменты с названиями скульптур. А самих статуй уже не было. Забравшись на стремянки, рабочие снимали последние картины. Отовсюду слышался стук молотков.

Подойдя к одному из рабочих, Громов спросил:

— Что, уже все экспонаты отправлены?

И пока тот неторопливо убирал молоток и вытирал о фартук руки, Громову показалось, что прошло много часов.

Сложив инструменты в плотничий ящик, рабочий сказал:

— Все экспонаты пока здесь.

— А можно посмотреть? — спросил Громов.

— Так выставка закрыта! Кто же ради одного посетителя две тысячи ящиков ломать будет? И потом, кто вы такой?

— Я следователь, — сказал Громов, — и пришел сюда по очень важному делу. Две тысячи ящиков ломать не нужно. Нужно ответить только на один вопрос: пока выставка работала, новых экспонатов не поступало?

— Привезли тут одну... — рабочий весело хмыкнул, — красотку. Готовил я упаковку — выставка последний день работала, — вдруг влетает их служащий — этот, как его, Лауэр. И говорит: приготовь, мол, стружку. «Зачем?» — спрашиваю. «Статую я, — говорит, — привез». Глянул я на нее — дура дурой. «Баскетболистка», — говорит. Упаковал. Вместе с какой-то корягой. «Азарт» называется.

Громов потянул рабочего за рукав.

— Идем.

Это был самый обыкновенный сосновый ящик. Один из двух тысяч.

— Ломайте, — сказал Громов.

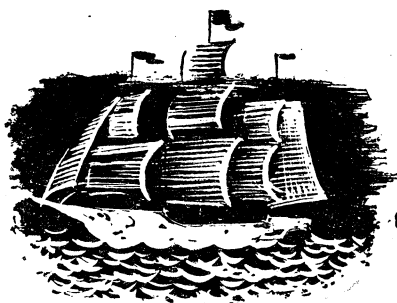
С визгом вылетели гвозди, а когда сняли стенки ящика, оказалась гипсовая фигура баскетболистки. Какое-то смазанное лицо, в руках — несуразный мяч овальной формы.

Громов вытащил перочинный нож, осторожно ковырнул руку статуи. Кто-то охнул — шершавый гипс отвалился, а под ним тускло блеснула чуть желтоватая поверхность мрамора...

*

Так закончилась удивительная история фамильного рубля и Мадонны Микеланджело, история, где причудливо переплелось прошлое и настоящее. И когда Громов вспоминает об этом запутанном деле, он думает о людях, которые помогали ему, незнакомых людях, ставших его друзьями. Он думает о Ромке и Витьке. Громова продолжает, конечно, волновать их судьба, но теперь он твердо знает, что Ромка и Витька найдут верную дорогу в жизни.





„ЧЕРЕП и КОСТИ“

Рисунки В. Чижикова

Некогда, в далекие славные времена порт Белиз в Гондурасе был главной базой пенителей моря — пиратов. В его гавань то и дело входили мрачные суда и выгружали дорогие товары, явно не сюда адресованные.

В те времена морской разбой был прибыльным и весьма почетным занятием. Из пиратских доходов вырастали крупные состояния и солидные торговые фирмы. Но, увы, даже тогда это дело не всегда было вполне надежным.

1728 год был очень удачен. Пираты делали блестящие дела.

В сентябре один из крупнейших пиратов — Черная Борода — во время очередной прогулки в водах Ямайки встретил нью-йоркский пакетбот. Как полагается, вся команда пакетбота была перебита, груз переменил владельцев, а судно отправилось испытывать крепость подводных скал. На пакетботе оказался пассажир из Нью-Йорка, молодой человек, такой красивый и приятный, что Черная Борода пощадил его и взял на борт, чтобы отвезти в Белиз и продать в рабство.

Четыре дня Джон Генри Вандом, так звали пленника, сидел под замком. На пятый день его позвали к капитану, который неожиданно угостил его ужином.

Крепко подвыпив, пират стал хвастаться своим богатством и открыл Джону много профессиональных секретов.

До самого Белиза Джон Вандом что-то соображал и записывал.

Когда пиратский корабль бросил якорь в порту, Черная Борода позвал Вандома и сказал:

— Вот что, обезьяна! Я хотел тебя продать, но теперь ты слишком много знаешь. Не имея возможности выбить эти зна-

ния из твоей башки, я принужден освободить тебя от нее. Жаль, но делать нечего... — И он вытащил саблю из ножен.

— Стой! — закричал Вандом. — Не делай глупости! Дорогой мой, это совершенно не деловой подход к серьезному вопросу. Знаешь ли ты, что я могу помочь тебе увеличить твоё состояние раз... ну... скажем, раз в десять, а то и больше?

Пират расхохотался.

— Ты? Обезьяна, молокосос! Не шути с Черной Бородой...

— Какие там шутки? Можешь ты вести себя серьезно пять минут?

Пират уселся верхом на пушку.

— Ну, болтай. Но помни, что через пять минут — фью!..

Вандом улыбнулся.

— Раньше всего должен тебе сказать, что я промотер. Да ты понимаешь, что это такое?

— Нет.

— Видишь ли, промотер — это человек, организующий дело, которое на самом деле не так хорошо, как кажется. Популярнее объяснить я затрудняюсь.

Пират поморгал и задумчиво сказал:

— Понимаю. Значит, тот мошенник, у которого я купил корабль, был тоже промотер.

— Дорого дал? А кораблик-то оказался дрянцом?

— Ну да.

— Значит, это был промотер. Но я не по корабельным делам. Мои дела более широкого масштаба. Приходило тебе в голову когда-нибудь продать свое дело?

— Вздор! Мое дело нельзя продать. Дело — это я! Нет меня — нет и дела! Я — все!

— Верно. Твое дело — это твои мозги, храбрость, корабль и экипаж.

— Да. Изю всего этого я могу продать разве только корабль.

Вандом задумчиво посмотрел на берег.



Эллис Паркер Батлер — известный американский писатель-юморист начала XX века. Книжка его рассказов на русском языке вышла в двадцатых годах в издательстве «Земля и фабрика». Новая редакция, перевода для «Искателя» сделана Е. Толкачевым.



— А как ты думаешь, разве жители Белиза не хотели бы заняться пиратством? Хотели бы. Почему же они не начинают дела? Разве у них не хватит денег, чтобы купить корабли?

Пират презрительно сплюнул.

— Одних денег мало. Храбрости у них нет и мозгов не хватает.

— Прекрасно! Я предлагаю тебе продать им свою храбрость и свои мозги.

— Еще чего? Они мне самому нужны.

— Конечно, нужны. Но я тебе предлагаю продать свое дело за цену, в десять раз большую, чем оно стоит, и в то же время оставить его себе. Ты и деньги получишь, и дело у тебя останется.

Пират вскочил.

— Вандом! Если ты сможешь это сделать, то пират ты, а я — мальчишка и щенок... А что получат эти люди?

— Эти люди, — нравоучительно ответил Вандом, — получат хороший урок и немного опытности в коммерческих делах. Итак, насколько я понял, этот год был самым прибыльным в истории морского разбоя. Все до единого пирата процветают. Никогда еще не было ограблено столько кораблей. И ты полагаешь, что в будущем году добыча будет еще больше?

— Наверняка!

— Ошибаешься. Прошлый год уронил ваши акции. Ваши подвиги, будь уверен, выведут из терпения англичан и французов,

они пошлют военный флот и постараются истребить вас. Кроме того, слухи о вашей огромной добыче заставят приняться за пиратство немало храбрых людей. Тогда число пиратов возрастет до такой степени, что на долю каждого придется совсем немного. Пиратство станет убыточным занятием.

Пират приуныл:

— А мне и в голову это не приходило... Ты прав. Продам-ка я свою посудину и открою спокойную табачную лавочку. Против судьбы не попрешь.

— Глупости! Если хочешь, отруби мне голову и продай свой корабль за сорок тысяч долларов, или оставь мне голову... и наживешь огромное состояние.

— Если принять во внимание, — ответил пират, — что твоя отрубленная голова мне не очень нужна, то я склонен принять второе предложение.

Вандом крепко пожал ему руку.

— Значит, создаем трест, — сказал он.

...Джон Вандом сидел в каюте Черной Бороды. На столе лежали бумага и перья.

— Я покажу тебе, — говорил Вандом, — как это делается на бирже у нас в Нью-Йорке. Прежде всего мы — люди бескорыстные и предлагаем всем желающим долю в прибылях. Всех, кто захочет, мы берем в компаньоны. Конечно, — предупредил он, — мы не будем виноваты, если доходы снизятся.

Черная Борода сосредоточенно скреб в затылке.

— Но это только начало, — продолжал Вандом. — Мы поделимся нашими планами с пятью крупнейшими конкурентами и сделаем их своими главными компаньонами.



— Вот еще!.. Зачем мы будем с ними делиться?

— Это яркое доказательство нашего бескорыстия. Не будь эгоистом. Кроме того, в единении — сила! Дело наше крупное, его надо кооперировать. Ты имеешь некоторый вес среди пиратов, каждый из них тоже. Если, соединившись, вы вытесните всю мелочь, доходность предприятия удвоится. Придет время, мы сумеем отделаться и от этих компаньонов, а пока пусть наслаждаются чистой прибылью и хвалят тебя.

— Как это сделать?

— Нужно основать трест пиратов. У нас будет сильный флот, и мы задавим всех, кто окажется вне треста.

— Здорово! Вот это в моем духе!..

— Назови мне пятерых самых крупных твоих конкурентов. Пират называл. Вандом записывал.

— Сколько стоят их корабли?

Черная Борода стал прикидывать:

— Мой корабль все-таки лучше других. Я оцениваю его в сорок тысяч долларов.

— Ладно, так и запишем: шесть кораблей — двести сорок тысяч долларов. Ладно, пойдем дальше. Сколько стоит твоя торговая марка?

— У меня нет никакой марки.

— Твоя марка — твой флаг. Дальше реклама. Кладем еще двести сорок тысяч.

— Клади, но объясни, что это значит. Я еще не могу освоиться с твоим воровским жаргоном.

— Твоя фирма, твое имя приобрели известность. Твоего флага боятся. Другому, чтобы добиться того же, пришлось бы потратить много времени и энергии. Это и есть паблисити, реклама. Я считаю, что двести сорок тысяч за нее — недорого.

Пират согласился.

— Теперь подсчитаем, — продолжал Вандом. — Действительный актив компании шести ведущих пиратов равняется семистам двадцати тысячам долларов. Поскольку вы работаете вместе, можно без риска удвоить сумму. Получится один миллион четыреста сорок тысяч, для круглого счета — два.

— Понимаю, — сказал пират. — Мы вносим в трест два миллиона.

Вандом только плечами пожал.

— На эти два миллиона мы выпускаем закладные листы из шести процентов годовых. Эти закладные листы получают шесть пиратов как часть платы за предприятие. Как инициатор и са-

мый главный из них, ты получишь закладных листов на полмиллиона, остальные — на триста тысяч каждый.

— Такой трест мне нравится...

— Затем мы выпускаем на четыре миллиона привилегированных акций из семи процентов.

— А это что за штука?

— Привилегированные акции, — объяснил Вандом, — это такие, по которым дивиденд уплачивается сполна и раньше, чем по простым акциям.

— Гм... А почему бы не выпустить их на восемь миллионов? Кто нам может помешать?

— В самом деле — кто?.. Теперь о простых акциях. Сколько за прошлый год заработали все шесть будущих членов правления?

Черная Борода подумал и ответил:

— Черт возьми!.. Я думаю... так, тысяч восемьсот долларов.

— Отлично, — подхватил Вандом. — Шесть процентов по закладным листам на сумму два миллиона составит сто двадцать тысяч долларов. Семь процентов на четыре миллиона по привилегированным акциям составит двести восемьдесят тысяч. Всего четыреста тысяч. Вычтя эту сумму из валового дохода восемьсот тысяч, мы имеем свободную наличность в сумме четырехсот тысяч долларов. Четыре процента — очень неплохой дивиденд для обыкновенных акций; поэтому оставшейся суммой мы сможем оплатить проценты по простым акциям на сумму в десять миллионов. На такую сумму мы их и выпустим. Их охотно разберут, полагая, что шесть ведущих пиратов, действуя вместе, заработают больше, чем действуя порознь. Конечно, публика не подозревает, что, капитализируя дело, мы хотим от него избавиться до того, как оно лопнет.

Пират задумался:

— Выходит, будто не совсем честно, а? Публика изрядно влипнет.

— Честность? Она не котируется на бирже, друг мой. Публика? Да черт с ней! Какое тебе дело до нее?.. А пока спусти-ка шляпку, я поеду переговорю с пятью будущими учредителями. Затем надо зарегистрировать по всем правилам новое акционерное общество «Череп и кости». А потом я съезжу в Белиз, организую биржу.

...Пираты оказались людьми толковыми и охотно пошли на предложение Вандома.

Вандом составил текст устава нового акционерного общества «Череп и кости» и зарегистрировал его в надлежащем порядке.



В уставе значилось, что капитал общества состоит из четырех миллионов долларов в привилегированных акциях и десяти миллионов — в простых; цель общества — ведение всякого рода доходных предприятий на суше и на море; ответственные лица: сэр Черная Борода — председатель, Стив Боннет, эсквайр, — заместитель председателя, и мистер Джон Генри Вандом — секретарь, казначей и директор-распорядитель. Для комплекта прибавлены были имена Рыжего Питта и Виски Бриггса, подставных лиц. Номинальным главой треста был Черная Борода, фактическим — Вандом.

Первым делом Вандом выпустил огромное количество листовок, брошюр и циркуляров, наводнив ими Белиз и его окрестности.

«Морской разбой, — говорилось в них, — всегда был честным, законным и очень доходным делом. С каждым годом доходы пиратов растут, и если так пойдет дальше, то акционерное общество будет легко платить четыре процента по простым акциям. С помощью технических усовершенствований и благодаря уничтожению конкуренции «Череп и кости» надеется платить десять, потом сорок и, наконец, сто процентов на капитал, вложенный в акции общества. Цена акции всего сто долларов, что дает возможность всем небогатым людям сделаться участниками этого грандиозного предприятия. Несмотря на явную невыгоду для акционерного общества, продажа акций начнется с нарицательной цены, заведовать продажей будет Джон Генри Вандом».

В Белизе было несколько игорных притонов. Вандом обратился к хозяину самого большого из них и предложил устроить в его помещении биржу по образцу Лондона и Амстердама.

— Да у нас нет ценных бумаг, — возразил тот.

— Нет, так будут. Я организовал одно общество, а если понадобится, организую еще десяток.

Узнав об основании биржи, жители Белиза пришли в восторг: они слышали, что биржа составляет гордость и украшение каждого города. Все состоятельные люди поспешили запастись постоянными местами на бирже, и хозяин игорного притона заработал сразу большие деньги. Конечно, он всячески восхвалял Вандома и его предприятие.

— Теперь можно приступить к делу, — объявил Вандом.

— Так-то так, — ответил Черная Борода, — но я хотел бы знать, что ты потребуешь от меня за хлопоты?

— Прежде всего я сберегаю свою голову. Если же ты хочешь меня отблагодарить, то заплати мне за организацию, как это делается в Нью-Йорке.

— Охотно! Назови цифру.

— Сущие пустяки: пятьсот тысяч закладными листами, пятьсот тысяч привилегированными и один миллион простыми акциями. За такое дело это недорого.

— Клянусь грот-мачтой, ты их получишь!

Когда все пираты-учредители собрались на корабле «Мечь», Вандом прочел им устав и текст договора, под которым каждый из них по неграмотности поставил крест.

В договоре был любопытный пункт:

«Джону Генри Вандому, как основателю компании и единственному коммерсанту среди пиратов, передаются все закладные листы и акции, и он уполномочен на их продажу. Без его раз-

решения пираты не могут продавать акций. Являясь вместе с Черной Бородой учредителем общества, Вандом имеет право на преимущественную — раньше других — реализацию своих акций, равно как и Черная Борода.

— Все это формальности, грош им цена, — пояснял Вандом.

...В день открытия биржи в гавани Белиза стояло двадцать три пиратских корабля. Черная Борода был задумчив. Потом он стукнул по столу кулаком и воскликнул:

— Джон Генри, на кой черт пустили мы этих бездельников? Правильнее было бы пустить их ко дну и не делиться прибылью.

— Эге, да ты становишься финансистом! Но их пятеро, а ты один. Доверься мне, и ты увидишь, что наши милые компаньоны не получают ни гроша. У нас не богадельня, а трест, черт побери!

Ровно в девять часов утра Вандом открыл биржу и начал продажу акций общества «Череп и кости».

Вначале граждане Белиза покупали сдержанно, хотя первый десяток акций прошел по номиналу, но часам к десяти привилегированные упали до 98, а простые до 90. «Медведи» старались сбить цену. Вандом с тревогой посматривал в окно, а между тем акции продолжали падать.

И вдруг Вандом просиял: флот треста направил пушки на ничего не подозревающие корабли «независимых». При первых же залпах акции подпрыгнули до 95, а когда первый корабль сдался тресту, цены опять достигли номинала — 100 долларов.

К четырем часам акции брали нарасхват по 128, и спрос превышал предложение. К закату солнца трест расправился с «независимыми», а на следующее утро простые акции уже шли по 196, непрерывно поднимаемые «быками», и к концу дня взлетели до 246.

Вечером компаньоны устроили грандиозную попойку и потребовали дележа добычи. На это Вандом спокойно ответил, что согласно договору продавал акции Черной Бороды и свои.

— Вам же выгоднее, — доказывал он. — Мы продали часть акций по сто и ниже, а теперь дают уже по двести сорок шесть. Когда дойдет очередь до ваших акций, цена может стать триста.

Всю следующую неделю акции держались между 240 и 260, потом медленно поползли вниз.

Публика жалась.

Джон Генри сказал Черной Бороде:

— Дела идут неважно: я успею спустить лишь половину наших акций, а необходимо поддержать цену до продажи остальных. Забирай-ка ты все правление и отправляйся в море.

— Чудесно! — воскликнул Черная Борода. — Я человек простой и люблю пускать кровь саблей, а не акциями.

После известия о скором отплытии акции окрепли, а при виде мощной эскадры, выходящей в море, бешено полезли в гору. Цена достигла 425, и к концу месяца Вандом распродал все свои акции и Черной Бороды, оставив лишь по одной, чтобы не потерять права голоса. Потом улыбнулся и приступил к продаже акций своих компаньонов. Но в этот день в городе появился незнакомец, рассказы которого сильно обеспокоили жителей. Англия и Франция закончила войну и вместе с Испанией снарядили большой флот против пиратов.

На бирже началась паника. Акции сразу полетели с 425 до 90. Вандом был страшно расстроен. Он выбросил на рынок до 10 тысяч акций, цена упала до 40 долларов, и никто не хотел их брать.

Через несколько дней, когда цена стояла 35, в Белиз пришел еще один незнакомец, весь обмотанный окровавленными тряпками, и сообщил, что соединенный флот держав настиг эскадру общества «Череп и кости».

Услышав эту страшную весть, Джон Генри, всегда бодрый и жизнерадостный, разрыдался как ребенок.

Акции общества «Череп и кости» упали до 12¹/₂ и, падая все ниже, дошли до 1¹/₄ доллара...

Когда Вандом подсчитал наличные деньги, оказалось, что акции пиратов были проданы на круг за 10 процентов номинальной стоимости.

На следующее утро при открытии биржи Джон Генри заявил, что считает себя обязанным, чем может, помочь держателям акций и готов скупить их по 2 цента за доллар. Все благодарили его, и скоро он скупил 80 процентов всех акций: и простых и привилегированных.

Через несколько дней с маяка оповестили город, что видны шесть кораблей. Это возвращался с добычей флот акционерного общества.

Рассвирепевшие жители бросились искать вестников несчастья с намерением линчевать их, но те скрылись.

Вновь открылась биржа, вновь акции поднялись до 100, а когда стало известно, что пираты захватили десять богатых испанских судов, акции сразу прыгнули до 600, но предложения не было. Когда цена поднялась до 1 000 долларов, Вандом начал понемногу выпускать скупленные акции.

Когда пиратам стало известно, что их акции пошли в среднем по 10 центов за доллар, они пришли в ярость. Однако жи-

тели Белиза подтвердили, что виноват не Вандом, а неизвестные люди, которые распространяли ложные вести. А Джон Генри убедил Черную Бороду, что тот еще дешево отделался.

— А теперь давай делиться, — сказал Черная Борода Вандому, когда они остались одни.

— Сэр председатель, в трестах это называется назначить дивиденды.

— Пусть называется как угодно. Ты ведь тоже порядочно получишь.

— О да, — скромно ответил Вандом. — Я получу немного больше половины всех акций.

— А я что получу? — забеспокоился Черная Борода.

— Деньги за свои акции и дивиденд.

— Сколько именно дивиденда?

— Гм... У тебя имеется одна акция. Это выходит одна сорокатысячная от суммы дивиденда и шесть процентов по закладным листам.

Когда Черная Борода очнулся после глубокого обморока, он сказал Вандому:

— Теперь я, кажется, начинаю понимать, что такое акционерное общество...

Пираты возмущались: акции их пошли за бесценок, а всю добычу от последнего набега в виде дивиденда поделили Вандом и мелкие держатели акций.

Джон Генри запер золото в сундук и поехал к обиженным членам правления.

— Мне очень жаль, друзья, что так случилось, — добродушно говорил он. — Я хотел бы помочь вам в беде. Ваши закладные листы приносят вам всего шесть процентов в год, и цена их сейчас всего сто восемь долларов, а простые акции, по которым мы недавно уплатили огромный дивиденд — пятьдесят процентов за три месяца, — стоят по тысяче долларов. Я готов на всякие жертвы для вас и готов обменять ваши два закладных листа на одну акцию. Я на этом потеряю по восемьсот долларов на каждой акции, но хочу сохранить ваше уважение.

Пираты были тронуты до слез. Сделка состоялась.

Но вскоре почему-то акции стали падать. Предложение превышало спрос, и цена понизилась до 600 долларов.

Вандом сказал Черной Бороде:

— Я продал все свои акции, и у нас с тобой осталось всего по одной. Зато у нас есть закладные листы. Я думаю, что пора закрывать эту лавочку. Надо объявить, что заниматься пират-

ством по крайней мере на три года невозможно — слишком сильные военные флоты держав.

— А как же мы будем платить дивиденды?

— А разве ты их собираешься платить? Ведь у нас с тобой нет акций, но мы благодаря своим закладным листам фактические владельцы всего флота. Стоит ли нам рисковать нашими кораблями ради акционеров, которые палец о палец не ударили?

— Что же нам нужно сделать?

— Биржевая наука учит, что теперь было бы полезно избавиться от компаньонов и остальных крупных акционеров.

Пират схватился за саблю:

— Да хоть сию минуту!..

— Постой, — остановил его Вандом. — Я сам займусь ими. А твоя задача — удержать корабли в гавани.

Дни тянулись за днями, настроение биржи понижалось. А когда через год со дня основания акционерного общества выяснилось, что платить проценты по закладным нечем, то согласно уставу акционерное общество «Череп и кости» было ликвидировано, а его имущество — корабли, склады, товары и прочее — перешло к владельцам закладных листов.

Черная Борода и Джон Вандом устроили по этому случаю пир.

— Ну, — сказал финансист, — теперь ты убедился в успехе моего метода работы? Смотри: прошел год — и в наших руках все дело морского разбоя западного полушария и состояние в несколько миллионов наличными. Прежде ты мог грабить только случайные купеческие суда. А по моему методу ограблены многие: наши компаньоны, друзья, ближние, дальние и вообще публика. Теперь мы снова возродим «Череп и кости» и заработаем новые миллионы.

— А знаешь, — задумчиво промолвил Черная Борода, — ты куда больший грабитель, чем я. И знаешь, меня все-таки любят, а тебя проклинают.

Вандом расхохотался:

— Наивный ты человек! Никогда из тебя ничего путного не выйдет. Проклинают? Да через неделю я, если захочу, стану самым видным и уважаемым гражданином Белиза. Как? Я подарю городу библиотеку, создам какую-нибудь там художественную школу и приют для престарелых пиратов. Так делается у нас в Нью-Йорке...

Конечно, читатель понимает, что все это произошло не в наши дни, а в XVIII веке...

„Лечение“ древних рукописей

Письменные памятники глубокой древности — это обычно переплетенные фолианты или свитки из папируса — доставляют немало забот хранителям музеев. Защитить их от разрушения временем — большое искусство. До сих пор, чтобы сохранить драгоценный папирус, его помещали между стеклянными пластинами. Но при этом приходилось заведомо портить древние памятники: разрезать на части свитки — ведь иногда их длина достигает 40 метров.

Ученые ГДР недавно применили более усовершенствованный «шифонный» способ консервирования рукописей.

Сначала, чтобы придать папирусу эластичность, его помещают между листами



влажной бумаги. Затем, распрямив реставрированный свиток, наклеивают на него тончайший шифонный шелк. По шелку осторожно наносят скальпелем все контуры свитка, выделяя даже фактуру папируса.

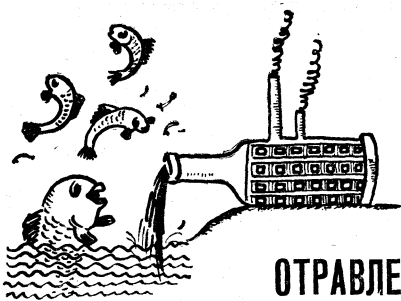
Теперь рукопись, получившую свой первоначальный вид, можно экспонировать, не причиняя ей вреда.

ОХОТА ПО РАДИО



Охотничьи собаки приобщаются... к радиотехнике. В Баварии (ФРГ) начали их дрессировку по такому методу: к ошейнику прикрепляют небольшой приемник, а дрессировщик с передатчиком и биноклем следит за собакой и отдает ей приказания на расстоянии нескольких километров.

По мнению некоторых газет, в истории охоты открывается «новая эра...»



ОТРАВЛЕННАЯ РЕКА

Жители двух итальянских деревень — Сан Чиприано и Портамбера — стали свидетелями необычного зрелища: рыба в реке По сошла с ума.

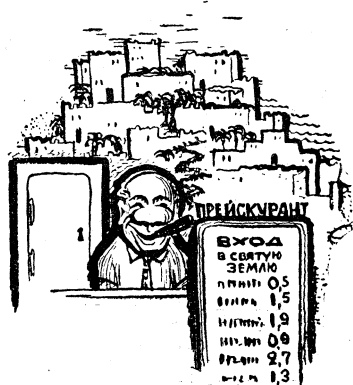
Громадные карпы свечой выскакивали из воды и шлепались обратно, лещи лезли на берег, уклейки и пескари целыми стаями окружали щук. Этот ералаш не прекратился и тогда, когда люди зашли в воду и принялись ловить рыбу руками. Улов был неплохой, но вряд ли крестьяне были бы ему рады, узнай они в тот же день, что произошло. Это выяснилось позже. Оказалось, что заводы, изготавливающие вина, выпускающие в реку производственную воду, содержащую спирты. В результате в части течения реки отравлено все живое. Нанесен значительный ущерб ее рыбным богатствам.

Филиал „Святой земли“

Почвы Калифорнии плодородны. Однако есть тут 23 гектара; на которых не растет ни один злак. И это не камни, не солончаки — площадь отведена под так называемую «землю обетованную». Архитекторы построят на участке библейские «города» Вифлеем, Назарет, Иерихон, пророят «реку Иордан» и выкопают «Мертвое море».

Весь спектакль обойдется в круглую сумму — девять миллионов долларов. Но опытные капиталовкладчики не унывают: они считают, что соберут здесь урожай тех же долларов, но побольше. В-первых, людям верующим, но не располагающим лишними долларами, теперь не понадобится ехать к «святым местам» через весь океан. Во-вторых, если добровольные пожертво-

вания окажутся не слишком большими, «землю обетованную» можно будет сдавать Голливуду в качестве декораций для многочисленных фильмов на библейские темы.



СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ	1
Ю. ЧЕРНОВ. Герои Монзонда	7
СВЕТЛАНА ЧЕКРЫГИНА. «Включите, пожалуйста, солнце!»	20
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ. Особая необходимость	34
Чудеса XX века	82
АНДРЕЙ МЕРКУЛОВ. Разведчики заоблачных дорог	88
НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ. Психологическая стена	102
ГЛЕБ ГОЛУБЕВ. Пресс-конференция в космосе	114
Снимки рассказывают	121
Лицом к лицу с опасностью	122
Г. РЯБОВ, А. ХОДАНОВ. Семейный рубль	125
ЭЛЛИС ПАРКЕР БАТЛЕР. Акционерное общество «Череп и кости»	146
Всемирный калейдоскоп	158

ЧИТАЙТЕ В «ИСКАТЕЛЕ»:

«Константин Эдуардович Циолковский космический человек, Гражданин Эфирного Острова...

Математик, физик, астроном, механик, биолог, социолог, изобретатель, «патриарх звездоплавания» Циолковский мыслит астрономическими цифрами, считает миллионами, миллиардами, миллиардами. Бесконечность не устрашает его...

Эти слова принадлежат Александру Беляеву. Ученый-мечтатель и писатель-фантаст... Они оба мечтали о покорении космоса, оба, пусть в разных областях, работали над «великой задачей XX века».

Исследователи творчества Циолковского и Беляева обнаружили переписку между ученым и писателем.

Открыта еще одна страница, которая рассказывает о большом внимании Циолковского к фантастике и о глубоком интересе романиста к идеям космических полетов.

Переписка будет впервые опубликована на страницах «Искателя».

Рисунок на второй обложке В. Ковенацкого.

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ

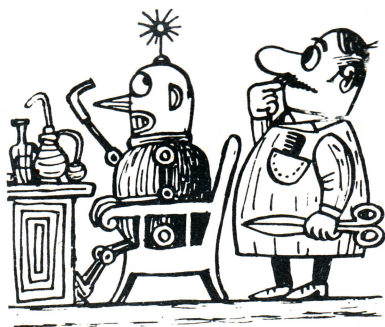
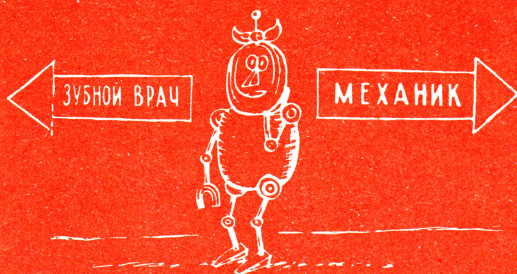
Художник-оформитель В. НЕМУХИН.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова. Адрес редакции: Москва, А-30, Суцневская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А08532 Подп. к печ. 25/VIII 1962 г. Бумага 80×108¹/₂. Печ. л. 5(8.2). Уч-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1272.

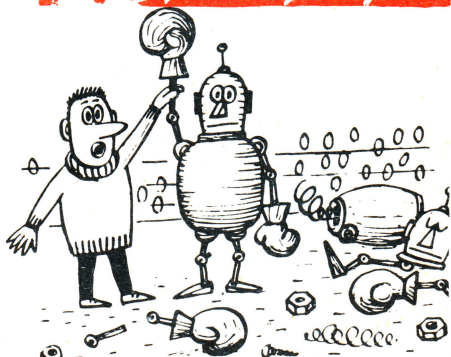
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцневская, 21.



«Пожалуйста, сделайте мне завивку».

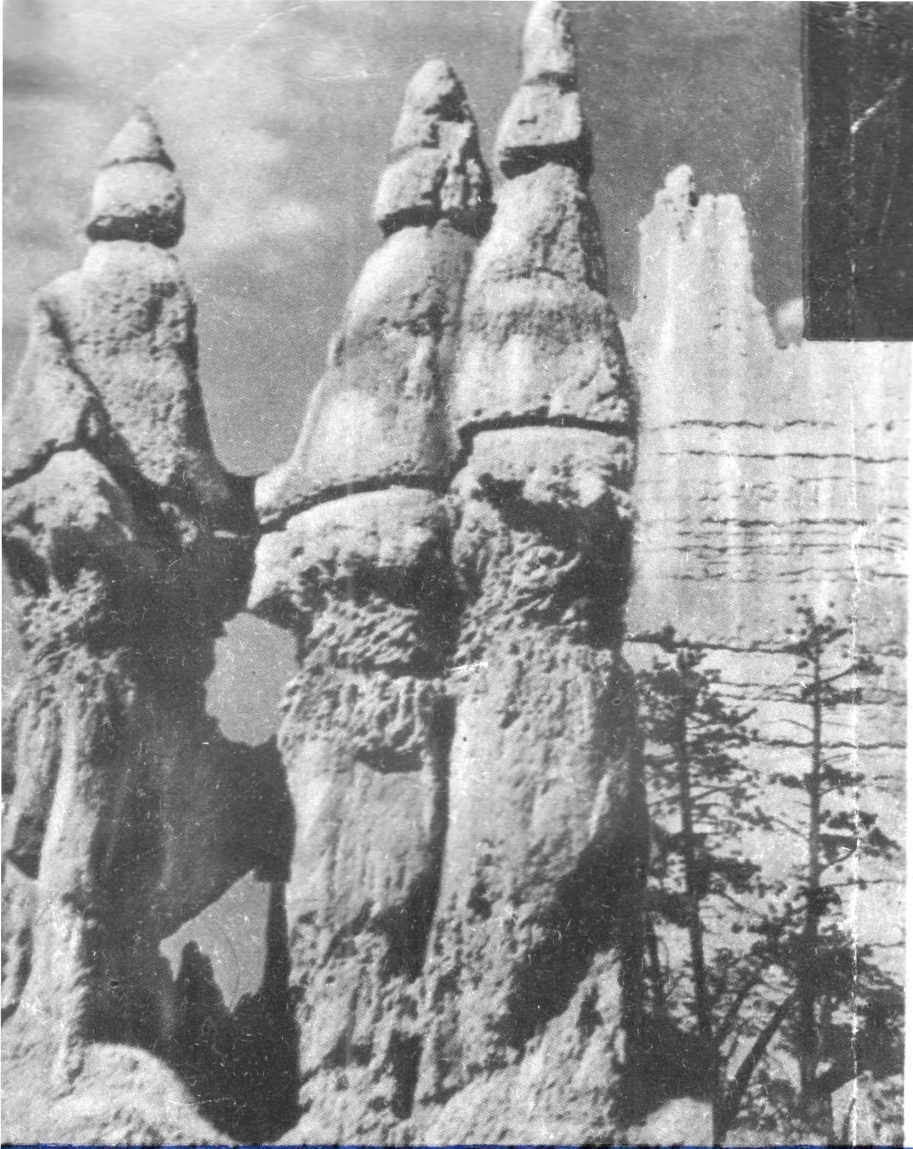


«Уже мерещится всякая чертовщина. А что же будет после третьего стаканчика!»



«Техническое превосходство налицо».





ЦЕНА 20 коп.

